

Кошка Плюс

Догоняя горизонт

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кошка Плюс

Догоняя горизонт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64825836

SelfPub; 2021

Аннотация

Есть в этом мире необычное место – крохотная, незаметная на карте мира территория, слишком часто попадающая в выпуски мировых новостей. Имя ей – государство Израиль. Высочайший центр науки, технологии и медицины. Место страдания, бедности, боли и бесконечной войны. Место надежды и ожидания. Живет там древний народ – евреи. Народ, на протяжении тысяч лет ненавидимый столь многими и столь яростно, что сама природа этой ненависти является объектом научных исследований. Народ, связанный с Богом необычным договором – быть примером для других народов. Времена меняются. В новом двадцать первом веке стремительно исчезающие ресурсы планеты и рост населения вынуждают крупнейшие государства мира начать сражение за контроль над будущим. И вновь перед ними выбор – избранный ли они народ и какова цена избранности? Есть ли черта, которую солдат не сможет переступить? А переступив, станет ли он просто животным или... Богом? Содержит нецензурную брань.

Кошка Плюс

Догоняя горизонт

Есть в этом мире необычное место – крохотная, незаметная на карте мира территория, слишком часто попадающая в выпуски мировых новостей. Имя ей – государство Израиль. Высочайший центр науки, технологии и медицины. Место страдания, бедности, боли и бесконечной войны. Место надежды и ожидания.

Живет там древний народ – евреи. Народ, на протяжении тысяч лет ненавидимый столь многими и столь яростно, что сама природа этой ненависти является объектом научных исследований. Народ, связанный с Богом необычным договором – быть примером для других народов.

Времена меняются. В новом двадцать первом веке стремительно исчезающие ресурсы планеты и рост населения, вынуждает крупнейшие государства мира начать сражение за контроль над будущим. И вновь перед ними выбор – избранный ли они народ и какова цена избранности? Есть ли черта, которую солдат не сможет переступить? А переступив, станет ли он просто животным или... Богом?

Там мы и начнем нашу историю.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: SUSANA & HAZEM
BELTAGUI – SILENT FOR SO LONG

Что, если это первый раз,
Когда скажу открыто правду?
А если перестану быть немой,
То какова цена открытых глаз?
И может, лучше кто другой
Тревожит драгоценный твой покой?
Я буду только рада.

Лишь шанс, что чувство собственной вины
Способно подвести черту,
Наполнить душу ядом,
Мешает оценить себя со стороны,
Разрушить веру и мечты.
Табу – не трогай взглядом.

Что, если это первый раз,
Когда почувствуешь себя настолько близко к краю,
Что разрывает душу тем, кто заглянул с обрыва рая?
Ведь мир изменится для тех, кто посмотрел.
Я это точно знаю.

(Свободный перевод песни SUSANA & HAZEM BELTAGUI – SILENT FOR SO LONG)

ГЛАВА 1. FLASH BACK

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: TOM DAY – ECHOES

Мерцает одинокая звезда,
Беззвучно веет ветерок с реки,
Воспоминания касаются щеки.
Зачем?

Колледж «М. П.». Минус 12 этаж. Тель-Авив. Израиль.

Мишени зажигаются хаотично и беспощадно. Ни единого шанса на ошибку, раздумье, колебание. Секунду назад красный круг зажегся прямо перед ним и, немедленно, почти позади. Слева вспыхивает зеленый, чтобы мгновение спустя смениться желтой вспышкой далеко справа.

Майор нажал на спуск. Тонкий лучик лазера беззвучно ударил в мишень, погасив её. И ещё раз. Перекат. Ещё. Кожа предплечья ощущает пыльный бетон. И холод. Быстрое экономное движение и снова спуск.

Сознание вроде бы привычно отсчитывает мгновения, но полное отрешение так и не приходит. Образы упорно про-

рываются сквозь пустоту, отвлекая его от тренажера.

Черно-белая девушка в купальнике берет со стойки два влажных бокала с соломинками и фруктами и протягивает ему один. Долька апельсина отрезана небрежно. Она улыбается...

Взрывы, разлетающаяся щебенка. Невысокая каменная ограда, залитая черной кровью. Трупы. Несколько человек ведут огонь по козырькам крыш, прижавшись спиной к спине. Девушка в серой форме без опознавательных знаков выпускает одной рукой наугад полный магазин своего М4 поверх ограждения, и что-то кричит ему... Сергей не слышит, звука нет. Это все только в его памяти. Он мотает головой и девушка исчезает...

Образы делают то, что ни резкие неожиданные звуки, ни ложные мишени обычно сделать не в состоянии – отвлечь его в бою. Поймав себя на этом, он злиться и делает ещё один промах.

Коротко ревет сирена, оповещая об окончании теста.

Сергей поднимается с колена, недовольно вздыхает и бредет в соседнее помещение.

В залитой искусственным светом комнате один только техник – Хези. Он набирает ещё несколько команд, не отрываясь от монитора, и только потом спрашивает Сергея:

– Ну, что у нас нового? – Его пальцы подхватывают карандаш и отправляют его в рот. – Что с тобой происходит, а? Девушки? Эфиопский вирус?

– Ничего не происходит. Какой результат?

– Какие такие результаты?– Хези сводит брови.– Результат – если ничего не изменится – я отправлю тебя к психологу.

– Ладно, заканчивай. Ты меня знаешь. – Сергей хмурится. – Положись на меня. Мне просто нужно ещё время.

Оператор кидает на него короткий взгляд. Чуть задумывается, но все же решается посоветовать: «Братец, держи себя в руках. Тебе нужно выкинуть все это из головы. Займись чем-нибудь».

Майор молчит. Отвечать ему не хочется. Его лицо чуть напряженно.

Хези вздыхает, отворачивается и бросает ему через плечо: «Ладно, проваливай. Но в следующий раз выдашь 95 или пойдешь к психологу. Я серьезно».

Когда майор выходит он задумчиво стучит пальцем по краю клавиатуры.

Снаружи уже темно. Приближается зима, совсем немного и начнутся дожди. Сергей провёл магнитную карту и пожелал «пока-пока» охраннику, томившемуся у ворот.

Выходя на стоянку, не удержался и бросил взгляд на закуток у стены. Тот был занят, но каким-то чужим, незнакомым мотороллером. Почему-то майору стало неприятно, это все-

гда было её место. Хотя, какая теперь разница? Майор тихонько вздохнул.

Он сел в машину и включил зажигание. Белый джип вырлился со стоянки, распугав пешеходов, и привычно вклинился в поток машин.

Часом позже, бросив, как попало, ботинки в коридоре, он прошел в просторный салон и рухнул на продавленный диван. Бутч немедленно воспользовался ситуацией и принялся грызть хозяйскую обувь, обняв её лапами. «Парень! Как жизнь?» – бросил ему майор. Тот поднял зад и усиленно завилял куцым хвостиком. Гавкнул, но ботинок оставить без присмотра не решился. «Нет мозгов – нет сложностей», – заключил Сергей. Он откинулся на спинку и постарался немного расслабиться. Выкинуть всё из головы и не думать ...

Он немного полежал с закрытыми глазами. Нет – всё самообман. Может по нему и незаметно, но ему тоже бывает больно. Кому как не ей было это знать. Однако посылку получил именно он.

Вчера вечером раздался звонок в дверь. Камера показала пустую лестничную площадку с беспорядочно раскиданными ковриками для ног. Похоже, недавно убирали. И никого.

Сжимая в руке пистолет, он прислоняется к стене и осторожно толкает дверь. Тишина, только на пороге крупная картонная коробка. И наискосок черным маркером «Грин» и страшная рожица с зубами. Тут-то ему и стало по-настоя-

щему больно.

Он медленно присел на пол перед коробкой. Тусклый свет. Соседи спят. Где-то в трубах умиротворяющее журчит вода. Он тронул стволом крышку.

Стопка тетрадей, фотографии, рисунки. Заботливо уложенный в кобуру джерико, потертый, но видно, что о нем заботились. Плюшевый слон – пыльный. Плеер. Упакованная новая ковбойка с запиской: «С днем рождения – Серый!».

Минуту-две он раздумывал – не вызвать ли эксперта снять отпечатки. Кто-то явно расшалился, а он, вроде бы, должен принять меры. Принимать не хотелось.

Бутч ткнулся под руку хозяина и стал взволновано обнюхивать вещи.

– Да, это она.

Майор встал, забрал коробку и захлопнул дверь ногой.

Вчера он не стал ничего трогать. Целый день на службе Сергей раздумывал, что делать. Он смотрел в глаза той, кто послала ему коробку, и не имел сил что-либо возразить. В ответном взгляде он видел четкое послание: «А ты попробуй, давай». И... не мог.

Теперь же, лежа на диване и закрыв глаза, он внезапно понял, что уже давно все решено за него. Она всегда была упорна в своих решениях.

Сергей сел за стол. Протянул руку и щелкнул выключателем настольной лампы. Болезненно напряг глаза, всматриваясь в пыльные сухие страницы. Русский... В роте «каф хэт» служили исключительно «русские».

Поправив свет, он стал читать сначала.

ГЛАВА 2. ПОРОЖДЕНИЕ ТЬМЫ

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: FOXWORTH HALL – THE WOLF

Беда, там волк стоит за дверью!

Иллюзий нет – не выйдет договор.

Ведь с каждым волком, что болтал я раньше,

Недолгий вышел разговор.

(из песни FOXWORTH HALL – THE WOLF)

Жили в снежной России трое.

И услышали они голос во сне, что повелел им:

"Идите в землю мою, что завещал я вам,

ибо скоро придет спаситель.

А чтобы у спасителя был шанс, вы должны вернуть и удержать эту землю, мать вашу!".

(Из теории всемирного еврейского заговора, 1881 год.)

СССР. Калининград. 1980 год.

Через дремлющее сознание ребенка прокрадывается сон. Девочка знает, что последует дальше, ведь она видела этот сон не раз. Начинаясь он всегда практически одинаково.

Её комната на втором этаже стандартной брежневской девятиэтажки, неотличимой от других таких же в их районе. Она стоит у окна, а за окном солнечный летний день. Свет бросает косые тени на асфальт, рядом с воротами растет липа.

Она оглядывает двор и конечно находит его прямо внизу. Черный, мощный зверь стоит, вглядываясь во что-то, чего она сверху не видит. Короткая блестящая шерсть. Острые уши и пушистый хвост. Стоит взглянуть на него, как накачивает непреодолимый страх.

Девочка стремится отвести глаза, она уверена, что он почувствует её взгляд. Поздно, черные блестящие глаза смотрят прямо на неё. Она отшатывается назад, не способная справиться со своим страхом.

Волк мощным прыжком оказывается в окне. Стремительно скользит вперед и все заливают непередаваемый, непереносимый ужас.

Свет. Умиротворение. Рядом парень в футболке и джин-

сах. У него черные волосы и странный пронизывающий взгляд. Он сидит на обрывистом песчаном берегу. Тут и там песок пронизывают корни невысоких сосенок цепляющихся за дюну. Внизу плещутся волны. Трава и голубое небо.

– Что это? – Спрашивает она, указывая вниз.

– Уми дес.

– Красивое, – она заворожено смотрит на волны.

– Мне надо многое тебе рассказать.

Дальше она ничего не помнит.

Сны продолжались несколько первых лет жизни, потом прекратились.

ГЛАВА 3. СУХИЕ СТРАНИЦЫ

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: GLOBUS-ORCHARDS OF MINES

Не дай земле цвет прошлого принять.

Похоже ли, что ты цветешь?

Ведь ощущаешь ты себя, землей, где прорастут цветы.

Не торопи их осторожный рост.

И, кажется, ломаешься как время.

Столь хрупкий ты внутри,

Но поднимаешься ростками,

покажешься ли над поверхностью земли?

И вот ты в окружении леса
растущих виноградных лоз...

Скажу я с гордостью, не склонится моя судьба к земле.
Ведь будут говорить, что глупо жить надеждой.
Жизнь так хрупка, как прорастающая у ног моих трава.
Но двигайся как прежде.

Чтоб знать, чтоб чувствовать,
Чтобы еще сыграть.
Не чувствуешь ли ты тоже?
Что знаешь ты, что тоже ты растешь?
Не чувствуешь? Быть может...

(Свободный перевод песни GLOBUS-ORCHARDS OF
MINES)

Говорят, дети не помнят себя до определенного возраста.
Самое раннее мое воспоминание – я лежу в коляске и смотрю
на маму и папу. Они везут меня куда-то. Где-то на фоне небо
и верхушки деревьев. И солнце.

Я бегу с сачком для бабочек. Солнечное утро. Поле по-
крыто желтенькими одуванчиками. Мир чист и прекрасен.

Мне три-четыре годика. Вся моя вселенная – это высокий дом, два дворика и дорога приходящая ниоткуда и текущая в никуда. Редкие автомобили проезжают по ней по своим делам.

Где-то там лежит весь мир.

Треугольники ложатся на треугольники. Кубики располагаются ровными рядами. Я ухожу последней – надо же все игрушки разложить по четкой системе. Совершенство завораживает меня.

В детском садике на меня буквально молятся воспитатели, я избавляю их от нудной неприятной работы. А папе приходится ждать по полчаса, прежде чем я разрешаю себя забрать.

– Не хочу, не хочу! Пусть сегодня меня заберет мама.

Я устроила скандал и забыла. Вечером в дверях стоит моя мама. Я в шоке. Только теперь я вспоминаю, что сама этого требовала.

Мне так горько. Я не верю сама себе. Я не могу ничего исправить.

Летняя гроза теплая и великолепная. Небо затянуто серым, ключья туч озаряют вспышки света. Вода хлещет по асфальту, разлетаясь серебряными брызгами. Мы бегаем по лужам босиком мокрые и счастливые.

Что будет, если взять и отрезать ножницами электрический провод настольной лампы? Все просто – короткое замыкание. Долю мгновения я вижу шикарную молнию. Мощную, стремительную. Опасную.

Весь вечер я сижу в темноте.

Дети, вообще, глупы и жестоки. Я заметила, они как-то примитивно воспринимают мир. Спросила одного мальчика: «Что там, где кончается космос?». А он, не задумываясь, буркнул: «Потолок».

У него все просто.

Книги начались с большой, красиво оформленной книж-

ки «Золушка». Мне читали ее так часто, что я запомнила ее наизусть. Я видела слова на бумаге и понимала, что это такое, но написать не умела. И тогда я на самом большом развороте стала выводить буквы собственного изобретения.

О чем рассказывали те слова, не узнал никто. А мне здорово влетело.

Читать я стала на шестой год.

Зима, медленно падает снег. Я на санках скатываюсь с горки и упираюсь в сапоги незнакомого мужчины.

– Ну что, дружок? Хочешь конфету? Ну, пошли тогда. Я тебе куплю.

Он везет мои санки, а я доверчиво гляжу на него сквозь снег.

Дома гроздь самых дорогих конфет, которые мне так редко удается попробовать, разлетаются по всей кухне. Мама кричит на меня. Ей страшно и она злиться на меня за то, что ей страшно.

Я помню только эти конфеты. И его глаза.

Я много хожу пешком, меня гонит острое любопытство. Я исследую мир. Он такой разный, в нем столько всего. Я

впитываю и пропускаю через себя картины – людей, места. Я учусь сама того не зная. Может быть, тогда я и становлюсь мной. А может быть раньше. Или я такой родилась, такой как я есть?

Я различаю детей. Они уже не безликие товарищи по играм. У них характеры. Одни подлые, другие отважные. Одни сильные, другие пустые. Но все, все уникальные. Все живые.

Хорошие они или плохие сложно сразу разобраться. Однако, каждый, по своему, замечательная личность. Сколько на земле людей? Миллиарды? Неужели, каждый из них такой уникальный, не похожий на других?

Я болею – какая радость можно не ходить в школу.

Я болею – Как грустно и одиноко. Жаль, что я не в школе.

Простая вещь, а много смыслов. Надо понять себя.

Маленькая белая собачка бежит по протоптанной в поле цветов дорожке. Подпрыгивает. Лето и тепло. Я неторопливо иду за ней, срывая одуванчики. Так спокойно и непонятно

на душе. И никуда не хочется спешить.

Раньше гулять с собакой было наказанием. Столько срочных дел, столько всего интересного. В спешке бедную маленькую зверушку дергали за поводок и тащили туда-сюда-быстрее-скорее-домой.

Я не помню это время хорошо, но в какой-то момент пришло осознание суетности жизни, и это ощущение подарило мне внутреннее спокойствие. В спешке можно упустить детали, запахи, отдельные звуки. Знаки, написанные на лицах.

Спокойно, не торопись! Может быть, завтра не наступит. Слушай сейчас.

Я гуляла среди цветов и солнца посреди огромного пустого поля и слушала тишину.

По телевизору передают о каком-то взрыве на Чернобыльской АЭС. Мама ужасается, а я говорю: «Мне всё равно». Как может волновать меня непонятная беда непонятно где? Это все далеко и не важно.

Откуда приходят сны. Иногда мы видим в них то, что будет. Иногда то, что было. А чаще – то, что никогда не случится. Иногда мне снится, что я стою на кромке крыши. Я

что-то освобождаю и поднимаю у себя в груди. Тело взмывает в воздух. Я поднимаюсь над крышами. Я лечу.

Меня приняли в пионеры. Каждое утро перед школой галстук приходится гладить утюгом. Я старательно завязываю его, так, чтобы узел был идеально ровным.

Шелк удивительный на ощупь. Он течет сквозь пальцы как вода, но выглядит как огонь.

В пионерском лагере у меня появляется сыпь. Они думают что это «чесотка» и закрывают меня в изолятор. Там скучно – свет только в туалете. Всю ночь я сижу на полу и читаю книжку русских сказок. Семьсот страниц заканчиваются к утру, а у меня появляется соседка по несчастью – тоже загремела сюда. Вдвоем веселее.

Конечно, ничего у меня нет – меня выпускают на следующий день. Вещи забрать не разрешают, но я не теряюсь и организую их побег через окно изолятора, благо соседка все еще там.

В лагере весело, у меня много друзей. Мы записываем адреса друг друга, что бы потерять эти бумажки в ворохе дней. Но никогда не забыть скоротечную дружбу того лета.

На заставке вечерней программы новостей первого канала слово Olivetti. Я смотрю, но не понимаю, что я вижу. Это исчезает Советский Союз.

В телевизоре танки на улицах, стрельба, разбитые стекла. Я не узнаю свой мир. Телевизор просто не может показывать такое.

Удивительно, утюг стоит 214 рублей. А на нем написано: «Цена 10 рублей». Это значит, что если бы я купила десять утюгов раньше, я стала бы богатой сейчас? Деньги тоже имеют цену? Я медленно и с удивлением узнаю новое. Я изучаю. Я постигаю этот мир шаг за шагом.

В телевизоре открывается новый канал. Это не понятно и удивительно. Кроме первой, второй и третьей программы теперь есть еще одна. В течении месяца они крутят один и

тот же мультик. И я смотрю его с неослабевающим удивлением раз за разом.

Маленькая девочка на простой белой кухне.

– Юля, ты знаешь такую страну, Израиль?

– Нет.

– Мы все вместе поедem туда жить, и я, и ты и бабушка. Там живет твоя тетя с дядей и двоюродный братик. Там много фруктов и есть море.

– А папа тоже поедет?

Мне не отвечают. Я ничего не знаю о людях.

Собачку не смогли взять с собой и усыпили. Весь день мама с бабушкой плакали. А я чувствую... Она была, я помню ее. Она – есть, ведь я помню её...

Мне снятся твердая земля, покрытая струящимся, мелким, похожим на пыль песком. Ослепительный свет. Я еще не знаю, насколько удивительно близко ведение к истине. Тепло. Тишина и пустые улицы. Земля, что зовет меня.

Утром пока ждем самолет, я выбегаю в поле, заросшее су-ховатой зеленой травой. Стрекогут кузнечики, вдали махают ветвями деревья. Синее-синее небо с толстыми белыми облаками. Я покидаю Россию.

Самолет отрывается от взлетной полосы и меня вдавлива-ет в кресло. Все оживлены и радостно переговариваются. А я вижу облачка внизу под блестящим крылом. Я лечу.

Море завораживает. Пляж пуст, я одна на песчаном бе-регу. Небо огромное и темно синее с фиолетовым отливом. Запах водорослей и свежесть. Солнце нежаркое, но заливает все вокруг светом, вода неутомимо набегает на берег, земля пропускает её сквозь себя, оставаясь мокрым песком, храня-щим мои следы. Ветер несет тоску.

Четыре стихии и я на пересечении их. Что-то кардинально иное, что не просто смесь этих стихий. Что-то необычное. Это моя первая зима здесь.

На улицах везде цветы. Всё вокруг зеленое, какая же это

пустыня?

– Ты знаешь что интересно? Тут любое растение иногда цветет. Можно весь год ходить мимо какой-нибудь палки, растущей из земли. Но в какой-то момент она превратиться в райское дерево.

А вот я в первый раз вижу песчаную дюну. Это уже похоже на что-то.

Интересно там есть змеи? Проверять не собираюсь. Смотрю издали.

Первые недели страшно страдаю от духоты. Воды в воздухе как в натопленной ванной. Потом привыкаю и перестаю обращать на это внимание. Зато тучки на небе не перестают меня нервировать – все время ощущение, что сейчас пойдет дождик. На самом деле дожди здесь только самой зимой – так мне объяснили.

Тараканы ошарашивают – они летают!!! И преогромные!!!

Одного такого ночью занесло в комнату – полночи шли бои.

Таракан попался настолько здоровый, что мама не решилась сильно стукнуть его тапкой, а от слабого удара хитин просто пружинил.

Гад забрался за шкаф и, упираясь лапами в стенки, успел подняться вверх метра на полтора (наверное, он планировал спрыгнуть на нас). Он, конечно, не ожидал, что я отодвину шкаф и вылью на него стакан воды.

Я не похожа на тех, кто делает подлости.

Чужой язык – я чаще молчу. Мне трудно преодолевать себя и мучительно делать ошибки.

Качаюсь на качелях во дворе. Утро. Какая-то незнакомая девочка подходит и предлагает мне мороженое. Она что-то говорит, а я не понимаю. Качаюсь и не знаю, что мне делать. Она снова пытается со мной заговорить. А я не переношу своей беспомощности. И уже решаю уйти, но тут она видимо догадавшись, переходит на русский с сильным акцентом.

Мы подружились. Я быстро вбираю язык. У меня хорошая память и услышав раз что-то, я уже это не забываю никогда. А вот Юрка так не может – и мне завидует.

Юрка целый день на улице. Нашел себе приятеля – Рони. Они друг друга понимают отлично, хоть с ивритом еще сложно. Но дети на улице хватают язык друг у друга очень быстро и часто чего не надо. Потом родители сильно удивляются.

Они сначала подрались – потом подружились. Теперь целыми днями бегают туда-сюда.

Из предметов мне больше всего нравится физкультура и химия. Я занимаюсь гимнастикой с четырех лет. Мама послала меня в секцию, не спрашивая, а мне так хотелось ее порадовать. Теперь мне можно отказаться, но как отказаться от части себя?

Химия же – это стройная система. Магия воды, земли и огня.

Нудные уроки. Я не гений, конечно, но слушать, то в чем разобралась еще до урока просто скучно. Сажу у окна, кручу в руках ручку.

Свет пробивается через шестиугольный прозрачный пластик и разливается цветными пятнами. Красиво. Такие простые вещи меня завораживают. Это же совершенство.

Что-то, чего не было в природе, а человек смог сделать. Что-то новое, что мы приносим в мир. Гладкие четкие грани. Свет распадается на спектр, проливаясь через прозрачный пластик на листок тетрадки.

Мне трудно объяснить, но любой, самый простой предмет сделанный человеком, что-то разрывает во вселенной. Это знак того, на что мы способны. Подобно тому, как Бог создал цветы и животных, траву и деревья, ветер и море, мы тоже создаем что-то совершенное. А люди пользуются всем этим и даже не задумываются, какое же это чудо – вещи созданные разумом. Ровные грани, преломляющие свет.

Совершенство.

ГЛАВА 4. ДОГОНЯЯ ГОРИЗОНТ

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС
– КРЫЛЬЯ

Таких как мы в Израиле много. За последние годы приехало столько русских евреев, что мы уже пятая часть населения.

Гипсовые стены, кафельный пол. Квартира съемная и не бог весть что. Но мы живем. Съемное жилье, это то, с чего начинается путь почти каждого репатрианта. Не эмигранта, а именно репатрианта. Еврея, вернувшегося на свою землю.

Свет падает через кухонное окно в салон. На обеденном

столе стоит ваза с цветами. Юра качается на стуле, поставив его на две ноги. Того и гляди рухнет.

– Юлька пошли с нами?

– А куда вы?

– Мы в тир к папе Рони. Он нам даст пострелять из настоящих ружей. Только, думаю, девчонок туда не пускают.

– Так не честно, я тоже хочу, – Я дергаю его за рубашку. Я везде стараюсь следовать за ним.

– Ну, Юрка!

– А ладно, пусть джинсы наденет, у нее короткие волосы – все равно никто не догадается.

Старый карабин грязный и пахнет деревом и металлом. Поцарапанный приклад.

Прижимаюсь щекой и вглядываюсь в прицел. Все расплывается. Накатывает паника – вот сейчас все увидят, что у меня не получилось. Но тут зрение неожиданно фокусируется, и мишень становится четкой и ясно различимой. Черный круг на белом фоне. Я не дышу. Осторожно, опасливо нажимаю на спуск – я внимательно слушала, пока все кричали и поскорее хотели схватить настоящее оружие. Хлопок и совсем не сильная отдача.

– О, смотри как здорово! – Восхищается крупный бородатый мужчина, – смотри бахурчик, будешь снайпером.

Он взъерошивает мне короткие волосы.

Я гордо гляжу на остальных. Что такое оружие и зачем оно нужно я не понимаю. Мне интересен процесс.

В награду мне дали еще пострелять из пистолета. Он старый и все время заедает, называется Беретта. Держать надо двумя руками. Заставляют надеть очки и наушники – большие и неудобные.

Я буду приходить сюда.

Школа. Толпы детей. Все крикливые, наглые. Одеваются во что попало, школьной формы нет. На уроках шум, беготня. Учителя спокойно к этому относятся. Тут как-то свободно, никто не кричит на тебя, что тебе делать.

В школе тут как игра.

Учуь хорошо. Поняла, что когда снижают оценки – мне это неприятно и больно, и я упорно довожу все, что делаю, до совершенства.

Мой иврит улучшился настолько, что я уже могу не молчать в споре. Я набралась с улицы разговорного языка и теперь усилено учу правильный (академический) иврит.

У меня несколько подруг. Но... Видимо, что-то со мной

видимо не так. Пока я говорю, меня внимательно слушают, но стоит замолчать – я как бы исчезаю. Чувствую, что вокруг меня невидимая стена. Люди даже не садятся рядом со мной в автобусе, если есть другое место. Не то чтобы я их чем-то раздражаю. Но со стороны видно, что бессознательно они меня обходят.

Что-то отличает меня от них, но пока я не разобралась.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: CHIAKI ISHIKAWA – UNINSTALL

Зло в этом мире возникает,
Чтобы смеяться над попыткой нашей выживать.
И правда, как ни притворяйся, в уши проникает,
Как в слабом теле сил набрать?

Суровый голос в тишине мне объясняет,
Что я ничто, лишь горстка праха в пустоте!
Но разум никогда не осознает.
Назад! Команда отменить!

И нет иного шанса, кроме притвориться,
Не знающий я страха зверь.
Пришла пора остановиться!

Назад! Команда отменить!

(Свободный перевод песни CHIAKI ISHIKAWA – UNINSTALL)

В Израиле не все одинаковые.

Нам рассказывали, что была идея сделать «плавильный котел», общий народ из разных общин. Но люди приезжают из совершенно разных мест, с разной культурой и обычаями. Мы все потомки одного народа, но что сильнее времени? В Союзе мы были евреями, здесь мы почему-то «русские». Все держатся «своих», позабыв корни.

От Холокоста пострадали в основном европейские евреи "ашкеназы". В то время, как африканские и азиатские ветви еврейского народа скорее похожи на арабов и не имеют такой исторической памяти, как "русские", "польские", "немецкие" евреи. Мы довольно разные.

Иногда это чревато.

– Все вы русские – проститутки.

Две держат, а третья лупит кулаками. Пинает ногами в живот.

По губе течет кровь. Мне больно, но я молчу.

Я их ненавижу.

– Юрка, научи меня драться.

– Да зачем тебе?

– Мне – нужно. Я хочу как Брюс Ли. – Я знаю о драке только по фильмам, но, ни за что, не покажу свое невежество.

– Ну, так, у тебя никогда не получится. Изучай айкидо.

– А что это?

– Это боевые искусства специально для девчонок. И бегай по утрам. Станешь сильной.

Я бегаю. Каждый день.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: VASH TEE – ТОРОПЛЮСЬ

Рано, на часах только пять. Я выхожу из подъезда в утренние сумерки. Футболка и шорты. Жесткие удобные кроссовки Lee Cooper. Выбрала их после многих опытов.

Кошка лениво потягивается на капоте машины. Смотрит подозрительно.

Начали. Я неспешно разбегаюсь. Мягкие пружинистые движения. Сначала было очень больно, теперь мышцы приспособились. Тело радуется возможности двигаться.

Асфальт улетает под ногами. Лицо ловит свежий ветер с моря. Меня никто не заставляет. Мне просто нравится, когда все тело работает. Когда я все больше ускоряюсь, ускоряюсь,

ускоряюсь. Я уже бегу так быстро, что соседские, не совсем проснувшиеся собаки, не успевают понять, что пронеслось у них перед носом и огрызнутся. Я почти лечу.

Потом, насытившись, сбрасываю скорость и перехожу на ровный неспешный бег.

Меня догоняет парень, и мы бежит рядом. Не оборачиваясь на меня, он передает бутылку с водой.

Мы не знакомы. Никогда не разговариваем. Но почти каждое утро он бежит рядом со мной. Наверное, мы оба чувствуем, что это лишнее.

Вот так люди теряют друг друга, не найдя что-то, что свяжет судьбу.

Мимо пролетают утренние улицы, усыпанные цветами. Люди еще спят.

Я никак не могу понять, как можно потерять это чувство. Чувство, что ты сам управляешь своим телом. Все катаются на машинах и скоро разучатся ходить.

Ужасно, лучше бы вернули лошадок. Что-то мы потеряли в двадцатом веке.

Она рвет стул на себя. Я напрягаю мышцы и, чудо, стул не удается у меня отобрать.

– Сильная стала, да? – Она уходит.

Стою и смотрю на добычу в своих руках. То, что казалось

теорией, работает! Каждый день я делала упражнения с гантелькой на жалких три с половиной килограмма, прибавляя одно движению каждый день. Глупая игра, неожиданно, стала суровой реальностью.

Быть сильной, значит делать не то, что хотят от тебя другие. То, что нужно тебе самой.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: КУКРЫНИКСЫ – ВЕРТИКАЛЬ

Я быстро и много читаю. Среди гор мусора, наполняющих книжные магазины, я упорно выискиваю крупинцы интересного. Омар Хайям – араб? Необычный текст, эмоции, мысли. Хулиган он, но умный.

Бывают умные арабы? Я хочу прочитать. Я учу арабский. К языкам у меня явно есть способности. Удивительно четкая память и ослиное упрямство дают свои плоды. После английского и иврита, арабский учится гораздо быстрее. В голове строятся ассоциации, и новые слова цепляются за знакомые формы из других языков.

Нашла книгу по мнемотехнике. Очень интересная вещь. Странно, что никто не заинтересовался таким сокровищем – книга валялась на полке много лет.

Стала потихоньку читать газеты на арабском – но пока

разбираю только заголовки.

Вообще, язык занятная штука. Я видела, как еврей общается с арабом. Один на иврите кричит, другой на арабском. И друг друга прекрасно понимают.

Аниме. Японский. Книга о Миямото Мусаши. Он был хулиганом, а вырос великим мастером меча. Мастером, которому не нужно оружие, чтобы победить. Я вижу одних людей, а читаю о других. Кто вы настоящие?

Стая гиен, сильных, когда их много, отбирает добычу у львов. Мироздание не бессмысленно, а Бог – не допускает ошибок!

Ну как объяснить? Все во вселенной красиво и логично. Неужели же Бог мог забыть такую мелочь как справедливость? Конечно, нет. Это значит – мир такой, каким был задуман.

Но если это так, значит у всего, что происходит с нами, хорошего и нет, есть цель. Мне это напоминает школу.

Заинтересовавшись Японией, я вспомнила про то, что мне сказал Юрка. Все вокруг интересуются кунг-фу, карате, но это не мое. Клубов нормальных нет. Спортом специально

как-то не занимаются – только бассейн или качаться ходят. Ну и конечно футбол. Все просто свихнулись на футболе – странное явление.

Мне помог Ронкин папа, свел со своим другом. Уговорил только когда рассказал, что я учу японский. Вот так в моей жизни возник Арик.

Арик после армии (тут все после армии куда-то ездят) попал в Японию. И прожил там лет десять. Там он и стал тренироваться. Ни в каких соревнованиях не участвовал, говорит это ему больше для души.

Он мне показал кое-что. Тут не нужна твоя собственная сила (хотя Арик здоровенный дядька), а скорее умение контролировать мир. Все это очень отличается от всего, что я видела в кино. Но как это сильно!

Он говорит, что чтобы понять айкидо надо изучать восточную философию, что айкидо только техника боя, но понять ее можно, если научишься говорить и думать на японском языке.

Японский кстати самый легкий язык, если у тебя хорошая память на кандзи. Он очень четкий, еще более четкий, чем иврит. Тексты емкие – на страничке влезает столько текста, сколько на трех русских страницах.

Тренируюсь писать иероглифы. Очень трудно, красивого почерка у меня нет. Накладываю прозрачную кальку и обвожу.

И еще – это вовсе не добродушная техника. Часто думают,

что это гуманный стиль и так далее. Нет. Он предназначен для боя. Настоящего боя воинов.

Мы тренировались падать. Все тело болит. Арик заявил, что пока не научусь падать и стоять вообще говорить не о чем. Мне кажется, он специально делает мне больно, чтобы я бросила, но не на ту напал. Я – маниак. Я увлеклась и не отступлю пока не докажу ему, что я могу это сделать. Гимнастика помогает – тело тренированное.

У нас появился магнитофон. Я открыла музыку и меня унесло. Она завораживает меня. Вслушиваясь в ритм, где-то в глубине волн и колебаний, я нахожу некий уровень. Я зову его «гармония». Чувствую, что это почему-то важно.

Слушаю все без разбору. Музыка пишат люди? Опять эта загадка, как они это делают? У меня не получается.

Ко мне попали кассеты Depeche Mode, Camouflage, U2, Майкла Джексона и еще много-много всего. Удивительный ритм и звук – все разное, но везде есть красота.

Случайно нашла книгу Майкла и была поражена. Та же упорная работа, та же жажда достичь совершенства. И такая тяжелая цена.

Теперь я ничего не делаю без музыки. Обожаю наушники – слышно каждую деталь, только долго не послушаешь. Поэтому взяла хорошие колонки от проигрывателя пластинок, а Юрка мне их присоединил к магнитофону (долго чего-то там паял, жутко ругался и требовал какую-то канифоль). Выглядит страшно, но слышно прилично. Хотя соседи снизу не довольны.

Если задуматься, что мы, люди, создали замечательного – музыка и оружие приходят в голову первыми.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: КУКРЫНИКСЫ – ХРУСТАЛЬНЫЙ МИР

Чем старше я становлюсь, тем больше удивляюсь окружающим. Я присматриваюсь к людям, на то какие они. Очень самовлюбленные. Эгоистичные. Лицемерные. Очень редко удастся встретить человека, который делает, что-то от души. Таких как Арик, например. Но это тупик! Если люди такие, то нам незачем стремиться, некуда.

А те, кто осознают и стремятся к большему – они в тупике короткой жалкой жизни – легкое движение и все напрасно?

Арик меня переубедил. Рассказал про буддистов. Интересная идея, что человек живет и своими поступками поднимает себя или опускает.

Взялась читать высказывания Будды и осталась недовольна. Они меня раздражают. С одной стороны он говорит мудро, а с другой несет несусветную чушь. Приходится читать сначала. С каждым разом возникает все больше мыслей. Оказывается, что если читать его несколько раз удается прочитать много нового. Многослойные тексты?

Или, все-таки, дело не в тесте совсем. Текст – только ключ. Ключ ко мне самой.

Перерождение и путь к совершенству.

Сиддхарта сказал: «Отдай миру лучшее, что в тебе есть, и мир ударит тебя по лицу! И всё же отдавай все лучшее, что есть в тебе!»

Все что я изучаю, открывает для меня все новые и новые направления. Это как огромное поле с дорогами и каждая разветвляется еще на несколько. Чем дальше идешь, тем дальше идти.

Поэтому надо бежать.

Акробатика – это вообще страшное дело. Сделаешь ошибку и ты труп. Но, только занявшись этим, я поняла, как я ущербна. Просто ужас. Оказывается, наше тело способно на удивительные вещи. Не реализовать это – преступление.

Вот возьмите кошек. Я видела, как кошка запрыгивает на трех метровую стену. Я в десять раз выше ее, сильнее. По идее, я должна запрыгивать на пятиэтажный дом. Надо больше заниматься. По утрам пытаюсь повторить кошкин подвиг.

Позади нашего дома стоит непонятная будка метра четыре-пять высотой. Газовая подстанция или еще что. Мне не интересно, зато на нее можно взбираться. Рукой хватаешься за замок на двери. Цепляешься за выступы краем ботинка и вверх.левой рукой за выступ и... падаешь.

Блин, больно-то как. Потираю ушибленное плечо. Ступни покалывает иголочками после удара о землю.

Снова наверх. И снова падаю. Теперь ободрано запястье. Когда мне удастся забраться на крышу, я испытываю странное, но радостное ощущение – я сделала! Спрыгиваю вниз прямо с крыши.

Теперь можно забраться ещё выше.

Мучительно болит живот. Я плохо соображаю. Надо же, чтобы экзамен выпал на эти дни.

– Юля, почему ты перечеркнула это решение? Оно же пра-

вильное?

Я же не скажу ему почему.

– Я плохо себя чувствую.

Я сдала экзамены. Теперь я взрослая?

ГЛАВА 5. ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: КУКРЫНИКСЫ – ЖИЗНЬ
БЫВАЕТ РАЗНАЯ!

США называют страной равных возможностей. Однако, это далеко не так. Многие, очень много решают связи. Многие из них устанавливаются еще в студенческие годы. Высшие учебные заведения построены на тоталитарных сектах, адепты которых навсегда оказываются связаны узами не разрывающимися до конца жизни. Выпускники этих университетов образуют будущую элиту страны. Ту власть, что стоит над властью закона. Эта паутина покрывает страну более плотно, чем мифический еврейских заговор. О Боге эти люди как-то не задумываются.

Толстяк неторопливо потягивал кофе. Он любил порядок во всем, а суету не понимал. За прожитые шестьдесят четыре года ему никогда ещё не приходилось спешить. Люди всегда терпеливо ждут.

Сидящие, перед ним, люди знали его давно. Потому ждали терпеливо.

– Давайте, пожалуй, начнем.– Он аккуратно поставил чашку на блюдце и надул щеки.– Что же. Мы собрались здесь, чтобы утвердить окончательный вариант проекта, представленный каждому члену собрания три месяца назад,– он кладет руку на коричневую папку с золотым тиснением на коже.

– Прежде всего, хочу отметить замечательную работу аналитического отдела.– Он кивнул долговязому худому старику, с лицом похожему на резиновую маску. – Финансовый контролер рассмотрел проект бюджета и так же нашел его удовлетворительным... Да...

Он помолчал, неторопливо взвешивая свои мысли.

– Вчера мы завершили переговоры с Китайской стороной. Рассмотрев проект, они выразили нам поддержку, рамочное соглашение достигнуто. Детали мы утрясем уже в течение этого года. Итак, господа, добро пожаловать в новый мир!

Он положил ладонь, на папку и поднял указательный палец.

– Перейдем непосредственно к существу дела. Прошу вас, молодой человек.

Небритый очкастый «молодой человек» встал и подошел к экрану.

– С того момента как русские перестали быть для нас угрозой номер один, мир перестал быть ярко полярным. Сегодняшнее положение предполагает наличие нескольких центров тяжести в мире. Прежде всего – это США, Европей-

ские государства и Китайская Народная Республика с региональными сателлитами. Проект «Затмение» предполагает вернуться к биполярной системе США – Китай. Мы поделим мир пополам.

В зале возникло оживление.

– Последние отчеты о скорости таяния льдов указывают на то, что процесс идет много быстрее, чем ранее было предсказано. Уже в начале 21 века проявятся первые симптомы, а к 2050 году в мире наступит полный хаос. Китайцы понимают это, так же как и мы. Со своей стороны они уже сейчас нуждаются в постоянной экспансии и новых ресурсах. Наши позиции совпали. Однако, требуется нейтрализовать наших естественных конкурентов.

– Текущая ситуация потребовала разработки особых мер. Мы должны думать о будущем уже сейчас или оно подумает за нас.

– Китай жаждет получить ресурсы русской Сибири. Плодородные территории Азии и Африки. Но пока Европейский союз экономически силен, пока Россия может продавать свои энергоресурсы туда, они и шага сделать не могут. Ключевой момент этой войны – экономическая стабильность.

– Вы не боитесь вырастить монстра, который сожрет и нас?

– Вспомните историю колониальных захватов. Сильнейшие империи загнивали, не способные проглотить кусок и

поменьше. Самая главная проблема для метрополий в их колониях всегда было национальное движение. А если такое движение будет строиться на основе простой и массовой религии как ислам нам нечего опасаться. Мы будем делать бизнес.

Он снял и протер очки.

– Между прочим. В будущем успешность ведения бизнеса будет определяться не национальными интересами, а наличием таких факторов, как доступная недорогая энергия и наличие дешевой рабочей силы и высокими технологиями.

– В нашем случае первая проблема решается с помощью технологии добычи нефти и газа из сланцевой породы. На данный момент она всё ещё слишком дорогая для коммерческого использования, но вполне реально снизить её до рекомендованной величины. Только подтвержденные запасы пригодные к разработке обеспечат все наши потребности на триста, а, с учетом пункта 12, и на пять сотен лет и полностью снимет зависимость от внешних поставок.

– Проблема рабочей силы традиционно решалась путем переноса производства в районы с низким уровнем жизни. Однако, данная ситуация может быть создана и искусственно. Экономический кризис обеспечит нас неограниченным количеством хорошо обученного персонала, готового работать на любых условиях, так как это было во времена великой депрессии.

– И, наконец, высокие технологии. В данный момент су-

ществует паритет. И в наших интересах разрушить этот паритет. Мы должны избавиться от конкурентов. Ведь тот, кто победит в этой гонке будет владеть миром в третьем тысячелетии. Мы являемся лидерами в нанотехнологических разработках, но европейцы дышат нам в затылок.

Он повернулся к слушателям.

– Итак, дешевая энергия, контролируемая доступная и дешевая рабочая сила, а так же победа в гонке технологий – залог успеха. Перейдем непосредственно к проекту.

На экране вспыхнула фраза: Проект «Затмение».

– Первый этап – мощный удар по мировой экономической системе.

Поднялся шум.

– Вы собираетесь нас разорять?

– Совершенно верно. Да, господа, мы собираемся разрушить финансовую систему мира.

– Но как это возможно?

– Как? Мы держим всех за горло. В наших руках находится доллар. Он может быть чрезвычайно выгодным инструментом. Здесь мы предприняли некоторые меры, направленные на снижение доверия к финансовой системе.

На экране появились диаграммы.

– Давайте я объясню. Сегодня около трех сотен семей контролируют 90% всей мировой экономической системы. Невозможно оценить стоимость этих активов. Снижение курса доллара не изменит процентного соотношения – оно

лишь изменит число нулей на ваших чеках. С другой стороны подумайте, насколько это будет выгодно для нашей экономики. Чем дешевле доллар, тем дешевле наши долги. Учитывая объем активов уже выкупленный Китаем на данный момент это не хороший, а единственно возможный ход.

– И как же вы собираетесь снизить стоимость доллара без значительной эмиссии? Неужели это не вызовет подозрения в мире?

– Все значительно проще. Мы подорвем саму основу доллара – доверие к нему. Мы работаем над этим много лет. Уже сегодня более половины всех сделок с недвижимостью в США страхуются одним единственным страховым холдингом и никому нет дела до ликвидности активов. Мы можем раздавать кредиты направо и налево без ограничений. Мы раздуем невиданный пузырь на рынках.

– Вы говорите о пирамиде?

– Да, только повыше египетских. И когда она обрушится мы будем совершенно свободны в своих действиях. Мы сможем выпустить столько зеленой бумаги, что мир захлебнется. Однако, экономический кризис – это только первый удар. Мы обрушим цены на энергоносители. Мы планомерно и последовательно будем разрушать национальные экономики. Прежде всего в странах граничащих с Европой.

Он стал показывать лазером на экране.

– Первый этап: Алжир, Ливия, Тунис. Развертывание сети агентов на северном побережье Африки завершено еще

три года назад. Наши люди успешно влились в местные этносы, полностью интегрировались, и будут находиться в спящем состоянии минимум десять лет. Оборудование, финансирование и снабжение в данных районах не представляют затруднений. Последние годы мы наращивали в этих районах своё присутствие, а так же связи с ключевыми диктатурами.

На экране отобразилась схема Евразийского континента. Государства на севере Африки окрасились в зеленый цвет. Поверх картинки наложился дополнительные слои, обозначающие политическую ситуацию, уровень контроля ситуации, уровень снабжения. Четко проступили ключевые районы.

– Замечательно. Вы видите то же что и я, господа, – улыбнулся толстяк и мгновенно погасил улыбку.

– На севере Африки мы осуществляем 80-90% процентный контроль над ситуацией на всем протяжении.

– А что Израиль?

– Израиль наш естественный союзник. Полностью зависит от нашего правительства, финансовой и политической поддержки США. Мы имеем вполне достаточно надежных рычагов для давления на них. Да и больше половины всех евреев живет на нашей территории.

– Я бы не полагался на это. Их лидеры не всегда действуют предсказуемо.

А если принять во внимание деятельность комитета...

– Комитет... Да... Позволю вам напомнить, что комитет не является структурой внутри Израиля. Их реакция на предложенный сценарий вполне возможно будет положительной, либо нейтральной. Если же нет, то существуют планы позволяющие решить эту незначительную проблему.

– Вы говорите как Генри Форд.

– Ну что вы, я совсем не то имел в виду. Силы комитета чрезвычайно ограничены. По моим данным речь идет не более, чем о нескольких тысячах человек. Отсутствие жесткой иерархии делает их гибкими, но противостоять нам – это смешно. В любом случае, я повторяюсь – они не привязаны государству и вполне могут удовлетвориться сложившейся ситуацией.

– А что со вторым этапом?

– На севере Сирия, Иордания и Турция. Свалить режимы в этих странах после падения диктатур на востоке будет совсем не сложной задачей. Мы параллельно ведем работу по многим направлениям, чем больше раскачаем – тем лучше для бизнеса.

– Значит, остается закрыть мышеловку?

– Тут всё значительно сложнее. Основное направление здесь это Грузия и Украина. В обоих государствах сильны сепаратистские настроения. Однако, не будем забывать, что работа в зоне влияния русских затруднена. С развалом СССР они много потеряли, но все еще располагают довольно развитой агентурной сетью в этих районах. С подробными

выкладками вы можете ознакомиться в разделе «би» и «си».

– Далее. Главное препятствие к свержению диктатур и установления анархии в обозначенных странах – это поддержка их режимами залива. Обладая огромными ресурсами и контролируя экспорт нефти, они вполне могут повторить сценарий семьдесят третьего. Королевские дома изо всех сил будут сопротивляться любым революционным движениям в регионе. В разделе «ди» находятся все необходимые данные. Усилия последних лет позволили создать зоны напряжения между несколькими ключевыми игроками. Однако, в случае Ирака, например, без масштабной военной компании мы ничего не добьемся.

– Вы говорите о вторжении? Как вы планируете убедить Конгресс проголосовать за наземную операцию?

– Тихо-тихо господа. В данном случае это неизбежное зло. Это оптимальное для графика решение. Оправданием этой операции займется отдел Рональда. Впрочем.– Он посмотрел на них поверх очков.– Есть возможность ускорить процесс. В приложении 12 находится описание операции «Архангел».

Зашуршали листы. Над столом стелился сигарный дым, рваными спиралями устремляющийся к кондиционерам наверху. Воцарилось долгое молчание.

– Никто и никогда ещё не предлагал подобного. Это исключительно рискованный ход. Мы вполне можем обойтись более мягкими мерами, всё же это наши граждане...

– Не надо, господа... Не надо.– Он поднял руку.– Через тридцать-пятьдесят лет эти районы и так и так уйдут под воду. Голод, эпидемии, экономический кризис убьют такое количество народа, что потери от военных компаний и среди гражданских лиц покажутся вам совершенно незначительными. Мы должны мыслить реально.

Начались бурные дебаты.

ГЛАВА 6. СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: DIDO – DAY BEFORE WE WENT TO WAR

Стою у окна. Ветер что-то дергает в моей душе. Говорят – это северный ветер. Зовет. Тянет туда, далеко. Хочется отправиться по тропе, уходящей за горизонт.

В этом мире мало материала для меня, нет чего-то интересного, достойного. Школа закончилась – пойдёт рутина. Не ради того мы живем, чтобы работать и рожать, воспитывать детей и смотреть ящик. Я способна на большее, я знаю.

Так неужели мне не найти для себя выход? Нечто, что стоило бы того, чтобы прожить жизнь и, даже, отдать её?

Мама мне советует пойти учиться в университет. С высо-

ким баллом я пройду практически куда угодно. Но меня не покидает ощущение, что я не контролирую свою жизнь, что обстоятельства ведут меня.

Что-то во мне шепчет, что я бегу, бегу, и скорость слишком высока. Я, кажется, теряю себя. Мне надо остановиться и сделать паузу. Брейк!

Мама вся тряслась, провожая меня на призывной пункт. Все советовала, что сказать, чтобы меня не взяли. Мне её жалко, но я уже все твердо решила. Я буду делать в жизни все, чтобы приблизить день, когда мир станет лучше.

Делать. Своими руками.

В автобус набивают тридцать – сорок девочек. Нас повезут в Беер-Шеву, где будут проходить тесты. Все испуганы и нервничают. Их оторвали от мамы, и они выглядят растерянно. Потому много и громко кричат. Приходится ставить наушники на максимум.

Автобус долго стоит и еще дольше едет. Как оказалось, в армии сразу учат, что все будет делаться долго и очень долго. Никому спешить некуда.

Приезжаем на место. Начинаются бесконечные хождения

по кабинетам. Берут кровь. Слепок зубов. Отпечатки пальцев. И выдают жетоны, на которых выбито мое имя. Еще какие-то подарки в пакетике.

Глупые интеллектуальные тесты – детские игры.

Собеседование – напротив меня сидит такая же, как я девчонка в форме и задает вопросы, которым ее научили как попугая. Такая у нее служба? Интересные дела. Нет, так не пойдет.

В конце концов, попадаю к офицеру распределителю. Сейчас решится моя судьба. Он открывает мою папку, и я внутренне напрягаюсь.

– Где ты научилась так стрелять? А ты и спортсменка? Иностранные языки знаешь? Шесть? К ****емать!

Он куда-то уносит мое дело.

Через неделю я попадаю на базу подготовки.

Бедная моя мама. А Юрка в восторге – в Израиле, чтобы попасть в элитные части, парни убиваются насмерть на отборочных тестах. Так сложилось, что если ты служил в боевых частях, у тебя будет карьера, на тебя посмотрят девчонки. Это престижно. Они редко находят подходящих девушек.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: GOO GOO DOLLS – IRIS

В далекой России расстреливали парламент, в Боснии шла

странная война, мы ушли из Ливана, а у меня начался курс молодого бойца.

Октябрь, всё та же жара, но в профиль. Ночью, даже холодно. Весь день я в форме. Она впитывает пот и высыхает и так по кругу. Сначала я думала, что с этим будет проблема, но ничего. Теперь я знаю, что можно пить воду «из-под-крана» и не умереть. Можно ходить в одной и той же одежде пару дней и не стать бомжем. Можно есть консервы вырезанной из банки крышечкой, согнутой посередине. Что можно спать под открытым небом вдыхая холодный ветер и запах древнего брезента и ходить в душ с автоматом.

Акшив! Акшив! Акшив! Весело. Оружие дают в руки кому попало, а потом бегают, трясутся, чтобы из него кого не убили. И странное дело, восемнадцатилетним детям на первой неделе доверяют в руки автомат с полным боекомплектом и ничего особенного. Можно орать друг на друга, можно драться, но никто не подумает взяться за оружие. И это наглые, крикливые израильские подростки, вчерашние школьники, которые орали под окнами ночи напролет.

Парадокс? Когда тебе дают в руки инструмент смерти, ты внутренне взрослеешь, я думаю. Вчерашние дети внутренне готовы защищать свою и чужую жизнь на улице. Они вышли из дома. Навсегда.

Я даже нашла несколько вполне приличных друзей, умеющих думать головой.

Мы бежим по песку. Рядом – удобная дорога. Но мы бежим по зыбкому, мгновенно высасывающему силы песку. Солнце изливает огонь на наши затылки. Тяжелое дыхание. Утомляющее однообразие.

– Ступай след в след. Песок примят и будет легче бежать.

И, правда.

Парень впереди весь мокрый. Он тащит старую армейскую радиостанцию – двенадцать лишних килограмм. По его выбритому черепу стекают струйки пота. Достāju, наверное, единственный в роте чистый платок и отдаю ему. Он благодарно улыбается и вытирает голову. Возвращает мне мокрый платок, и я аккуратно прячу его в карман.

Мы медленно начинаем ощущать себя командой, а не толпой.

Вечер трудного дня. Солнце склонилось к краям дюн. Одинокó прикорнувшая пыльная цистерна отбрасывает замысловатую тень на песке. Пахнет порохом и морем. Но больше – порохом.

Нудные лекции по безопасности, строгий контроль. Я пропускаю все мимо себя и делаю то, что хорошо умею – поражаю цель.

Я снова взвожу затвор и ставлю на предохранитель. Рефлекторные заученные движения.

– Проверить мишени.

В этот раз фломастер пометил пробоины уже в восьмерке. Получается все лучше. Сегодня мы уже шестой час на рубеже.

Под мишенью обожженные отверстия. Пальцы гладят обгоревшее дерево.

Больно ли ему?

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: КУКРЫНИКСЫ – СТОЛКНОВЕНИЕ

Сержант слегка кивает, и парень прыгает на меня спереди, стремясь уменьшить дистанцию. Я перехватываю его за запястье, отвожу его и слегка нажимаю на локоть ребром ладони, выкручиваю ему руку, направляя противника в короткий полет. Слева приближается другой, но еще есть время. Опаснее тот, что за спиной. Я разворачиваюсь на пятке и слегка отклоняюсь. Кулак вскользь задевает меня по щеке. Пригибаюсь, сжимаюсь как пружина и прыгаю вперед и вверх на того, слева. Удар корпусом отбрасывает нас. Его ноги заносит, и я падаю на него сверху. Пытаюсь разогнуться, но мне бьют по колену справа.

Равновесие, держи равновесие.

Я падаю. Ничтожество.

Рука медленно срывается. Гипс скоро снимут. Правой пытаюсь чистить картошку, получается плохо. Почему я все делаю левой, а стрелять и резать ножницами могу только правой?

Повар, проходя мимо, бросает мне пакетик с молоком.

– Еще быстрее.

– Иди ты в жопу, капитан. Мы и так рвем задницы, как проклятые.

– Ну, так я не спорю с тобой. Вы – молодцы. Но надо быстрее.

– Да я не нанимался на такой жаре в полной выкладке прыгать по этому твоему дебильному аттракциону. Мы что негры?

– Э-э-э.

– Извини, Аламо.

– А ты думал, что тебе дадут кондиционер? Надо делать быстрее, вы можете. Уложите в четыре минуты, пойдете в душ.

Капитан терпеливо уговаривает его еще пять минут, ожидая пока раздражение спадет. Остальные слушают перепалку равнодушно. Знаем же, что делать нечего. Нашего не переспоришь.

С тоской смотрю на солнечные блики, отражающиеся на гладкой обшивке «аттракциона». Большой макет авиалайнера похож на остов корабля в пустыне из фильмов про апокалипсис.

Здесь есть и другие. Трехэтажное здание из кирпича, но без окон. Подземный бункер. Много всего.

Нудно и неприятно дрожит корпус. Утомляющий гул в ушах. От вибрации на крыле мне плохо. Самолет кренится вправо и у меня вдобавок закладывает уши. Начинаю быстро и часто дышать животом, чтобы наполнить кровь кислородом.

Капитан дергает рычаг и машет рукой. Смешно и неуклюже щлепаем к медленно открывающемуся люку в задней части самолета – вылитые тюлени из зоопарка. Открывшийся вид захватывает, но мне не до того, я пытаюсь сдержать тошноту. Как всегда, внезапно, пол уходит у меня из-под ног и вибрация исчезает. Разворачиваясь в воздухе, я краем глаза успеваю заметить следующую пару покидающую самолет. Насладиться картиной не дает фал, рывком выдернувший

кольцо. Высота сверхмалая и времени любоваться нет, вода очень близко. Сжимаю лопатки и колени и вхожу в нее. Брр, мгновенный шок от холода. Неудобно закрепленное оружие не дает мне развернуться, перевешивая меня на одну сторону, и я глотаю морскую воду. Выныриваю, отплеываясь, и неожиданно ощущаю плечо. Рони держит меня, не давая завалиться.

– Все нормально?

– Сабаба, – отфыркиваясь я.

– Давай тогда, надо собрать наших.

Нам два километра до берега. Мы одни, но мы команда. Мы доберемся.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: HYBRID – IF I SURVIVE

Ряды курсантов стоят на плацу. Мы все думаем о предстоящем тесте. Мы все испуганы. Мы все внешне спокойны.

– Ваш последний зачет. Те, кто сдаст его, смогут носить берет. Те, кто проваляться будут переведены в другие подразделения и продолжат службу своей стране, но уже не в качестве бойца сил специального назначения.

К горлу подкатывает комок.

– Каждый из вас будет выброшен на территории Иордании. Будьте предельно внимательны – это враждебное госу-

дарство. Вы окажетесь одни, без поддержки и оборудования. Ваша задача – выжить и добраться домой. Теперь подойдите по одному к столу.

Наступает моя очередь. Я подхожу к шаткому столику, за которым сидит наш командир. На столе грудой сложены десантные ножи в ножнах и комплекты гражданской одежды.

Он смотрит на меня и, как мне кажется, улыбается чуть презрительно.

– Удачи.– Он протягивает мне сверток и нож.

Соберись!

Вертолет высаживает меня в горах в начале ночи. Машина поднимается и уходит на следующую точку, а я остаюсь одна в темноте. Все что я знаю – мне надо на запад.

Поднимаю голову и смотрю на звезды. Мне туда.

Еще до рассвета я выхожу к шоссе. Некоторое время наблюдаю сверху. Машины проходят довольно редко. Нужно найти тремп.

Решаю устроить засаду. Скидываю несколько крупных камней и спускаюсь к дороге. Раскладываю их так, как если бы произошел обвал. Прячусь среди придорожных валунов.

Первая машина оказывается легковой. Водитель тормозит и чертыхаясь разбирает завал. Я жду – эта машина мне не подходит. Когда он уезжает – повторяю маневр.

Теперь мне повезло – приближается полутрейлер. Пока водитель занимается расчисткой, перебежками добираюсь к

задней части прицепа. Срезаю одну из лямок, протискиваюсь, забираюсь наверх и прыгаю в кузов.

Куча барахла, массивные инструменты, одежда. Тряпичная сумка с лямкой с мелкими деталями. Высыпаю их – теперь у меня есть рюкзак. Нахожу рабочую спецовку, вязаную шапку и переодеваюсь. Вещи прячу в сумку. Нож пристраиваю под одеждой.

К утру мы добираемся к магистральному шоссе. Когда грузовик тормозит у заправочной станции, выбираюсь наружу.

На заправке захожу в туалет и, наконец, могу напиться. Кто-то оставил тут сокровище – пустую пластиковую бутылку. Наполняю её водой и прячу.

Весь день я иду вдоль шоссе. Машины проносятся мимо, на меня никто не обращает внимания. Местность довольно оживленная. Городки, поля, посадки каких-то кустов. На ночь забираюсь на крышу припаркованного грузовика – на земле спать боюсь, тут полно змей и насекомых. Там же нахожу еще одно сокровище – моток тонкой бечевки. Еще срезаю квадрат брезента.

К утру третьего дня я выхожу к горам. Я решила перейти их в районе Нево. На той стороне территории, но зато там полно наших военных баз. Кроме того, мне как-то рассказывали, что в этом месте границу переходят довольно часто. Паломники идут к памятному месту, где по преданию Бог показал Моисею землю Израиля.

Твою мать, как тяжело. Надо было украсть транспорт. Поздним вечером набредаю на какой-то поселок. Здесь я нахожу маслиновую плантацию. Теперь у меня есть еда.

Уже ночью, перевалив хребет, спускаюсь по пустыне где-то в районе Иерихона. Отсюда уже видно нашу территорию. Ноги гудят, сильно хочется пить. Так не пойдет, нужно найти воду.

Копая яму в рыхлом каменистом грунте. Собираю все зеленые растения, какие нахожу в округе. Складываю их в яму. В центре пристраиваю бутылку и накрываю всю конструкцию брезентом. Сверху кладу камень, чтобы брезент прогнулся над бутылкой.

Когда я просыпаюсь солнце уже садиться. Жажда стала невыносимой. Ура, бутылка на четверть полная! Позволяю себе только несколько глотков. Убираю следы и иду дальше.

Ночь, пыльная земля. Бреду как во сне и вдруг свет фар. Бежать? Меня заметили. Останавливаюсь, пригибая голову, чтобы скрыть глаза и сжимаю в кармане нож.

– Кто тут у нас? – голос говорит по-арабски.

Двое пограничников, водитель остался в машине. Офицер светит на меня фонариком.

– Еврей, похоже. Снова они тут шляются.

– Эй, ты. Ты кто такой?

– Я потерялся, возвращаюсь с горы Нево. Пропустите меня, – стремлюсь говорить хрипло. Шапка натянута почти на глаза.

– Оружие, наркотики? – он переходит на иврит.

– Нет ничего. Я открываю сумку и демонстрирую мои скромные пожитки. Я отстал от своих, они дальше пошли.

– Отпусти ты его, лень возиться. Глупые евреи.– Снова по-арабски.

– Можешь идти.– Он махает рукой и они уходят к машине.

Пронесло. Когда я подхожу к забору близиться утро. Лезть на него глупо – там линии под напряжением. Ножом перекусываю проволоку и продираюсь в отверстие. Датчики должны были среагировать.

Да, через полчаса подъезжает пограничный джип. Я прошла.

Скоро за мной приедет машина. Сажу на вершине горы, тут наш опорный пункт. С высоты в полкилометра потрясающий вид на Мертвое море. Закат просто великолепный. Безветрие и глухая тишина. Воздух пропах солью.

Бросаю камешек вниз. Он кувyrкается по склону. Сколько не бросай, всегда падает слишком быстро. Тук, тук-тук.

На носок ботинка забирается муравей. Усики подрагивают, он слушает запахи, пытаюсь найти дорогу. Я в миллион раз больше него, но он тоже живой. Я вижу дальше, и все же – мы одинаковые.

Он тоже был здесь.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС – ПРОГУЛКИ ПО ВОДЕ

На церемонии присяги я держала в руках Тору.

"И СОТВОРИЛ ВСЕСИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕКА ПО ОБРАЗУ СВОЕМУ, ПО ОБРАЗУ ВСЕСИЛЬНОГО СОТВОРИЛ ЕГО, МУЖЧИНУ И ЖЕНЩИНУ СОТВОРИЛ ИХ".

Люди как Бог? Мы как Бог. Мы – Боги?

Гулкий голос через мегафон вещал над плацем: "Сейчас вы получите из рук командиров оружие и произнесете клятву на верность вашей стране".

А религиозные евреи стояли в стороне. Они не участвовали в церемонии. Оружие – грех. Для них государство Израиль не высший авторитет. Еще одни кусочек головоломки в картине мира ложиться на сукно.

Неужели, достаточно бездумно повторять ежедневно молитву, чтобы стать лучше, мудрее, выше? Бог дал евреям десять заповедей. Их подлинность несомненна – они просты и совершенны, как и весь мир. Но рулон пояснений и инструкций? Я не верю в талмуд. Верить в него – значит верить что Бог – идиот. Сначала он дает людям свободу воли, а потом загоняет их в лабиринт заборов.

Верить в Бога в душе и читать молитвы – разные вещи,

а бездумно, механически следовать книгам, значит уподобляться остальным миллионам видов живых существ, не способным переступить свой генетический код. Рабам. Слишком часто иудаизм становится механическим.

Я часто вижу ортодоксальные семьи. Нельзя сказать, что они не счастливы, наоборот. Они живут в эйфории от того, что все сделано "правильно". Они глубоко и старательно изучают религию.

Но, мне больше импонируют поселенцы. Веселые и добродушные люди с оружием, пожертвовавшие покоем и достатком ради внутренней необходимости следовать своему пути. Они не настолько зациклены и они тоже евреи.

А люди, принявшие гиюр?

Есть разные градации «быть евреем»? Почему нет простого и однозначного?

Видимо всё как всегда – каждый должен решать за себя. И нет спасения, и никто не скажет тебе что делать. А если скажет, значит ты не того слушаешь.

Заповеди полны глубокого смысла. Но разобраться с ним нужно без подсказок, собственной душой. Пока человек не поставит себя на один уровень с Богом, он не станет ему равен.

Я ощущаю себя не «еврейкой». Евреи – это только слово. Я чувствую связь с тем, кто создал этот мир, вот то, что я хочу объяснить.

База спецназа закрытая, но девчонки не остаются здесь на ночь.

Купила себе мотороллер и езжу каждый день на нем.

Ветер. Море кажется ближе, если ехать быстро.

...Америка теснит Россию в роли мировой энергетической сверхдержавы благодаря сланцевой революции. Добыча нефти в США уже превысила импорт. Одна беда: сланцевые энергоносители – затея дорогостоящая. Чтобы дело стоило свеч, цена нефти на мировом рынке, по расчетам экспертов, должна быть в районе 100 долларов за баррель, а лучше выше. Черное золото на одних лишь слухах о скором ударе по Сирии подорожало примерно до 110 долларов за «бочку». Экономисты ждут роста цен до 120 долларов, а некоторые и выше 150 долларов. Война, несомненно, поддержит экономический рост США...

ГЛАВА 7. ГДЕ-ТО ДАЛЕКО ОТ ВАС

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: КАНЦЛЕР ГИ – ЗЕМЛЯ СВЯТАЯ

После второй мировой войны, стремясь скрыть следы своей причастности к убийству шести миллионов евреев в холокосте и поскорее забыть неприятные факты, европейские государства проголосовали за создание еврейского национального очага в Палестине (географическая область от Египта до Сирии).

С объявлением независимости государства Израиль, жившие там арабы спешно бежали, ведомые страхом, что евреи сделают с ними то, что арабы сделали бы при первой возможности. Начатая арабскими странами война на уничтожение Израиля в 1948 году усилила поток беженцев. Эти люди нашли убежище в окружающих Израиль арабских странах. Однако эти государства не сделали ничего, чтобы ассимилировать и пристроить беженцев, братьев по крови и религии. Более того, было сделано всё, чтобы эти люди жили в нечеловеческих условиях, специально поддерживая их в подвешенном состоянии. Они стали оружием борьбы против еврейского государства.

В шестидесятых КГБ СССР под руководством Юрия Андропова начал реализовывать оригинальную военную программу. Для этой цели разрозненные и неорганизованные потомки беженцев из Палестины были организованы в "палестинский народ". Народу требовался лидер. Им стал Ясир Арафат, глава террористической организации ООП, убившей множество людей. Арафат родился в Египте, в Каире и никакого отношения к мифическому "палестинскому наро-

ду" не имел. Однако это легко исправили уничтожив и подделав документы. Народу попытались придумать историю и культуру. Из этого ничего не вышло, что, впрочем, никого не смутило. Так "палестинский народ" никогда не имевший государства в Палестине начал борьбу за освобождение "своей земли". И то, что евреи жили здесь более 4000 лет со времен исхода из Египта, задолго до рождения первого араба, тоже не приняли во внимание. Так началась бесконечная изматывающая народ Израиля война, продолжающаяся до сих пор.

На границе 21 века еврейские лидеры, уставшие от бесконечного кошмара, согласились на создание "Палестинского государства" на территории Иудеи (само понятие "иудеи" идет от этого названия) и Самарии. Это предложение было отвергнуто. Тех, кто вдохновлял эту войну интересовал один результат – полное уничтожение Израиля без всяких компромиссов.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: TAKU IWASAKI – SOUND OF SNOW FALLING

Ритмично урчит двигатель. Больно подскакивать на колдобинах – джип тяжелый, бронированный.

Я крепче сжимаю автомат. Он с оптикой и в машине не удобный. Все время цепляется.

Подростки за окном смеются и кричат что-то обидное. Бросают мусор в зарешеченные окна. В каске и бронежилете в душной, пропахшей соляжкой машине невыносимая жара.

Улицы. Дома, хоть и не высокие, но неприятно нависают над головой. Улочки слишком узкие. Поворачиваем направо и въезжаем между заборами.

БАЦ – и машина проседает на передних колесах. Лобовое стекло рассыпается стеклянной пылью мне на колени. Защитная решетка прогибается внутрь под весом... ХОЛОДИЛЬНИКА!!!

А в голове: «Вот сейчас, прямо сейчас меня убьют. И я даже ничего не успею им сказать».

Всплывает: «ШМА ИСРАЭЛЬ АДОНАЙ ЭЛОhЕЙНУ АДОНАЙ ЭХАД...»

Водила заполняет эфир отборным русско-иврито-арабским языком.

Сзади в нас упирается второй джип, закрывая нам путь к отступлению. Офицер специальными терминами приказывает водителю другой машины сдать назад. Просит, если можно, поторопиться. В том же духе водитель сообщает офицеру, что он уже занимается этим вопросом.

Пока они объясняются, я толкаю дверь и выскакиваю между машиной и стеной, на ходу загоняя патрон в ствол. Противника не вижу и смещаюсь за машину. Она дергается и медленно сдает назад (с холодильником на капоте). Прикры-

ваясь открытыми дверьми, отходим. В нас, слава Богу, не стреляют. Амен.

Потихоньку выбираемся из прохода – занимаем оборону, пока Борис с Аламе пытаются сбросить бытовой прибор и освободить обзор.

– Во, бля! Утюгами кидали, баранов сбрасывали, но холодильник – это ****ец!– Боря оценивает ситуацию.

– Что делаем командир?

Офицер не задумывается.

– Туда мы не полезем. Все равно не найдем там ничего. Но поучить этих обезьян надо.

Немного позже я толкаю плечом дверь на крышу трехэтажного домика и откидываю люк. Осторожно высунув автомат, приподнимаюсь. Никого. Аламе толкает меня снизу – торопит. Выбираемся на крышу. Прижимаемся спинами. Отсюда прекрасный вид на окружающий нас район. Крыши покрыты цилиндрами баков для нагревания воды, как лесом толстенных деревьев. Снимаю предохранитель и беру в прицел ближайшую «рощу» на соседней крыше.

Через двадцать минут во всем районе не остается ни одного целого бака. Чтобы ****и впредь не шалили.

Близкая зима.

Иногда ночью идет дождик и песок по утрам влажный.

На базе кошка родила котят. Они бегают стайкой за мной и путаются под ногами. Они все разные. Они живые. Они живут больше и глубже, чем мы. Им не надо думать о карме, они могут просто жить.

Я скучаю по снегу.

Палестинские заключенные получают в тюрьме высшее образование за счет Израиля. Их отлично кормят, у них есть врачи. Одного пленного израильтянина правительство меняет на 1000 убийц с кровью на руках. Евреи любят своих детей. Палестинцы прикрываются своими детьми. Израильтяне закрывают их собой. Вот и вся разница между нами и ими.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: IF EVERYONE CARED – NICKELBACK

Если бы все заботились, и никто не кричал.

Если бы все любили, и никто не лгал.

Если все разделят и спесь уйдет,

Пришел бы день, когда никто не умрет.

– Сложить оружие, поднять руки и выйти из дома! – Офицер, в который раз, орет в мегафон по направлению к заблокированному зданию. В ответ раздается очередь.

Все это мы не видим, но хорошо слышим. Мы в оцеплении на другой стороне здания. Караулим животное. Вообще-то, тех, кто сдается добровольно, даже не бьют. За это у солдат будут большие неприятности, чтобы об этом не думали всяческие «миротворцы». Но уж если пытаются бежать – от****ят от души.

Этот вот засел на втором этаже, и бежать ему, в общем-то, некуда. Но и сдаваться не собирается. Отстреливается. Переставляю затекшие ноги, и ниже пригибаюсь ниже за машиной.

Агрессивные переговоры идут еще продолжительное время, но, в конце концов, у капитана кончается терпение. Подгоняют пехотный джип поддержки. Тяжелый пулемет открывает огонь и улицу застилает дымом. Он стелиться неровными хлопьями тумана, лениво растекаясь в горячем воздухе. Тяжелые пули пробивают здание как м-16 картонную коробку. Из задней стены только и вылетают кирпичи. Когда группа захватывает здание, в нем даже не остается трупов. Одни кровавые ошметки, размазанные по стенам.

Кто, кому и что доказал? Кто бы ни умер, мы или они, все равно мы все проиграли. Нас часто обвиняют в милитаризме. Можно подумать, израильтянам нечем заняться, кроме того, чтобы копаться в помойке и бряцать оружием? Бросив семьи, пиво, мягкие тапочки и футбол. Неужели нас никогда не оставят в покое?

Видимо, нет. Всегда найдется человек желающий поте-

шить свое эго. Такие дают деньги на «справедливую войну» «за освобождение» «народа Палестины» от «сионистских оккупантов». И война превращается в бизнес. Очень выгодный бизнес, где простые арабы не решают ничего. Я видела, как палестинцы забивали досками двери в свои дома, чтобы не дать боевикам использовать их для обстрелов нашей территории. Ведь ответные удары израильтян хоть и избирательны, но всякой точности есть предел. Войну легко зажечь и этот огонь породит тысячи новых ожогов в будущем. И никто уже не будет разбираться, кто виноват. И чтобы все это остановить, нужно только лишь одно – чтобы каждый начал думать о другом, ну хоть чуточку.

Пожилой палестинец стоял рядом с нашпигованным датчиками забором. Стоял и тряс его, пока не явились солдаты.

Его могли застрелить сначала, а спрашивать, чем ему забор помешал, потом. Но он стоял и тряс. Потому, что держал в руке маленькую ручонку потерявшегося еврейского ребенка.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: ARN ANDERSSON – DAWN

Чем старше ты становишься, тем ощутимо быстрее бежит время.

– Поздравляю, ты будешь отличным офицером. Не многие девушки пробились так далеко как ты.

Трехмесячные курсы закончились.

Я решила – я останусь в армии. Я буду защищать свою семью.

Каждый юноша и девушка в Израиле (кроме религиозных студентов) служат в армии. Вы можете встретить их везде. На улицах, на пляжах, в транспорте и магазинах. Наши дети с оружием.

Есть такое аниме – "Военный парад: Новые звуки марша". Сюжет о неких монстрах, напавших на Японию. Чтобы обеспечить армию людьми и восполнить постоянно растущие потери, правительство Японии решает начать призывать в армию школьников старших классов. Парень и девушка умеющие убивать, но не опытные в межличностных отношениях. Любящие друг-друга посреди войны.

Скажете – наигранный сюжет? А я живу в этом фильме.

Я вижу 17 летних ребят обнявшись за плечи распевających песни хором. Они вместе. Я чувствую их единый ритм. Они сейчас в другом, отличном от вас мире. У них общая цель, общая дорога. Они братья. Не странно ли, что основное об-

ращение в израильском обществе к равному себе – "ахи" – брат мой. Это пришло из армии.

Я вижу вчерашних школьников занимающихся разборкой пулемета в том возрасте, когда их сверстники устраивают первые студенческие вечеринки. Я вижу детей водящих 50 тонную машину смерти вместо того, чтобы бегать за девушками.

И в этих условиях между этими молодыми людьми завязываются совершенно особенные, непохожие на то, к чему вы привыкли в своей размеренной тихой жизни отношения. Они проскакивают этап наивности и сразу становятся более взрослыми, чем многие взрослые. Здесь идут на войну в 18, а в университет в 24. Здесь убивают человека в 20, а женятся в 28. Здесь можно увидеть воочию как зачитывают имена убитых, а люди идут мимо, не обращая внимание. Потому что устали от таких новостей.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: СПЛИН – ПОМОЛЧИМ НЕМНОГО

Группа осторожно продвигается по грязным, покрытым мусором улицам. Случайные прохожие шарахаются от нас. Мои ребята напряжены, но сосредоточены и действуют слажено. Прикрывают друг друга. Держат сектора обстрела. Их

хорошо учили и они все уже были в бою.

Вытираю пот со лба и отгоняю треклятых мух. Каска больно давит на виски. Вроде прошли.

Передовой боец прикрепляет заряд к стене дома и все отваливают в укрытия, прижимаясь к стенам. Открываю рот и зажимаю уши.

«Бах» и в стене образуется пролом. Ребята ныряют внутрь. Кричат на арабском, чтобы не трогали оружие. Короткая возня и мы выводим того за кем пришли. На голове мешок, на руках наручники.

Держу улицу под прицелом. Отходим к машинам.

– Не нервничай, капитан, – широко улыбается мне Йоси. Йоси из Нетании, ему девятнадцать. Он играет на гитаре и любит море. Он – боец спецназа.

Выстрел ниоткуда, и кровь бьет струей у него из горла.

– РАНЕННЫЙ, У НАС РАНЕННЫЙ! ВРАЧА СЮДА! – Прапор орет в рацию, требует вертолет.

Йоси лежит у меня на коленях и пытается дышать. Кровь заливает ему горло. Он кашляет, хрипит и смотрит на меня. Только на меня. Я зажимаю пальцами рану, но кровь прорывается и утекает. Тут все в крови.

Почему? Зачем он здесь? Йоси умер.

Я стою, прислонившись к стене, и смотрю, как арабка в черных одеждах тащит за собой ребенка, стремясь поскорее укрыться. Мне не в кого здесь стрелять. Кому мне мстить, за что?

Вечером мне говорить с мамой Йоси.

Кто же вы, люди?

Складки жира на толстой шее, крепкие руки. Лицо израильтянина перед плоским телевизором в кафешке искажено. Лоб покраснел, кровь прилила к щекам.

– Ебашить их надо тварей, как тараканов! Всех, на ***, перестрелять, чтобы знали свое место, обезьяны. Суки, твари. Ненавижу их!

Ночью израильские танки обстреляли позиции ХАМАС в секторе. А ХАМАС обычно располагает свои позиции в жилых домах, в детских садах, в подвалах гуманитарных миссий. Чтобы при ударе возмездия погибло больше женщин и детей. Об этом обязательно будут кричать СМИ всего прогрессивного мира. Это выгодно тем, кто пересидит в бункере.

Я вижу пламя. Я хочу потушить этот пожар. Ведь, если его не тушить, он разрастается.

Девушка пилот боевого вертолета говорит диктору: "Мы наносим удары. Я не знаю, убила ли я кого-то". Её голос дрожит. Она не получит ответ.

Может быть, сесть где-то на перекрестке дорог и ждать спасителя? Зачем я тут? Это начинает разрывать мне душу. Я либо найду возможность что-то изменить, либо свихнусь.

Пойду, схожу к психологу, пусть даст мне шоколадку.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: COLDPLAY – POLITIK

Я проиграла его.

Мне так тоскливо, что хочется кричать. Ну почему? Почему он не бежал рядом со мной. Не шел, не полз? Туда где свет и красота? Почему он не мог быть как я?

Все не правильно...

Щека прижата к прикладу. Палец чуть придавливает спуск. Я могу дать ему уйти. Могу сказать, чтобы он бросил ребенка и уходил. Но...

В тот момент, когда он схватил на улице первого подвернувшегося ему арабского мальчишку, чтобы прикрыться, он перестал быть человеком. Он стал мишенью, манекеном. Я не ощущаю по ту сторону прицела жизнь, лишь пустоту. Тут нет политики, тут нет крови. Здесь нет национальностей и имен. Тут только я и он – по ту сторону черты.

Мне кричат, он кричит. Отодвигаю локоть вправо. Глубоко вдыхаю. Ствол не двигается. Двигается мишень. Кажется беспорядочно, но я вижу всё как в замедленной съемке. И жду, пока голова медленно всплывет в прицел.

БАХ.

Отодвиньтесь от себя – вы увидите человека.

Отодвиньтесь дальше – вы увидите равнину и город.

Отодвиньтесь дальше – вы увидите континент покрытый облаками.

Отодвиньтесь дальше – вы увидите звезду, одиноко висящую во тьме.

Отодвиньтесь дальше – спираль галактики.

Отодвиньтесь дальше. Дальше! Дальше!!!

И вы решили, что ваши проблемы имеют какое-то значение для вселенной?

ГЛАВА 8. ОСТРОВ В БУРНОМ МОРЕ

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: BUMP OF CHICKEN – HYBRID RAINBOW

Живем на одиноком островке мы,
что волны у земли не смогут отобрать.

Его мы не найдем на точной карте,

Название никто не сможет дать.

И хоть вчера на горизонте появился

Корабль, но не подумал нас забрать.

Мы так давно искали помощь в море,

Что закрываются глаза.

Ну, не большое это горе,
ты продолжай смотреть, а я махать.

Почувствуешь ли?

Услышишь ли размытых красок цвет?

И даже если не дожидать до завтра,

Мы продолжаем ждать рассвет.

(Свободный перевод песни THE PILLOWS – HYBRID RAINBOW)

Внутри меня растет противоречие. Оно рвет мне душу. Наверное, как ни старайся, мир нельзя изменить. Это может означать только одно – он именно такой, каким был задуман. Это не ошибка. Но как мучительно и нудно. Даже если удастся кого-то заставить задуматься, остановиться, оглянуться – это дает лишь временный эффект. Стоит отпустить контроль и мир разгибается как стальная линейка. Все возвращается на колею. Рано или поздно, все приходят к одному и тому же печальному выводу. Что все бессмысленно. Что ничего не изменить, и нет достойной цели. Что ты по ошибке на этом свете, что нечего ловить в этом болоте. Вы ведь тоже чувствовали такое, правда?

Сидим с Рами на заборе. Вокруг цветет акация, весна. Временами прилетает свежий, прохладный ветерок. Рами

вообще-то тут не служит. Когда-то он был тяжело ранен и теперь на гражданке. Возит на машинке важные документы по базам туда-сюда.

– Ну, давай посмотрим. Возьмем, скажем, Японию и Израиль – оба маленькие, оба перенаселенные, ограниченное в ресурсах и территории государства. Врубается?

– Ну, допустим. Хотя разница немалая.

– Пойдем дальше. Обе нации создали уникальные, однако диаметрально противоположные системы воспитания. У японцев вежливость воспитывается с детства. Вежливость – не просто особенность их культуры. Это инструмент выживания. Без неё они попросту перебили бы друг друга. Вот, израильтяне – совсем другие.

– Хочешь сказать, что я не вежливый?

– Да нет. Ты слушай. Когда создавалось государство, отцы основатели были под впечатлением геноцида евреев в Европе. Миллионы, сожженные своими же друзьями и родственниками в лагерях рейха подтолкнули евреев к определенным мыслям. Главный вывод, который они сделали, гласил, что еврей не должен быть слабым, воспитанным и беспомощным перед злом. А значит, надо воспитать независимого, уверенного в себе, бесстрашного воина. Все наше образование и воспитание детей такое.

– Не знаю, ничего такого не замечал. У меня вторая замуж вышла и вообще в армию не пошла. А ты говоришь – израильтяне внушают детям идти в армию.

– Я не о том совсем. Ну, например, израильскому ребенку запрещено мешать ползать по грязному полу. Это нарушает его право на самовыражение. Детей не бьют, их уговаривают. Почти не ограничивают. Если ребенка обижают – он в полицию может на родителей заявить! Даже в армии командир постарается уговорить солдат, а не приказывать.

– Ну и что?

– А то, что с их образованием у японцев вежливость. А, у нас вырастают эгоисты. Все противоречия решаются бурным столкновением двух эгоизмов. Встретятся два таких и орут как коты весной. Все наглые, какая тут культура. Они не то, чтобы не видят свет и красоту. Они не хотят ее видеть.

– А японцы видят твою красоту? Я слышал, они там все трудоголики.

– Японцы тоже разные бывают. Только вот что японцу позволено, еврею недопустимо.

В поезде девушка развалилась на двух сидениях, сумка посреди прохода – типичная для Израиля картина – эгоизм в чистом, не омраченном сомнениями виде. Плевать на всех и вся! Это идеал Израиля! Положить на тебя грязные ботинки и сказать «извините» – это пять!

Футбол, что может быть важнее? Сегодня весь Израиль собрался в маленьком прибрежном городке на важный матч. А места под стоянку, на такое число посетителей в городе нет. Я вижу машины в два, в три ряда. Машины даже бросают поперек дороги, совершенно перекрыв движение. Плевать на всех и вся есть только я! Это – девиз Израиля.

Вчера был теракт, но явление это настолько мелкое, что обычно пропускается мимо ушей, как незначительное. «А что тебя волнует?» и забыли.

Я в вагоне поезда у окна и вдруг крик. Толпа в секунду срывается и организованным стадом исчезает в дверях соседнего с нами вагона. В дверях, правда, никто не застрял. Никто не знает, что произошло, и зачем все бегут. Зато сразу действуют. Вы видели когда-нибудь стадо антилоп, разведчик которого засек льва? Помещение очистили за пятнадцать секунд. Израильтяне действуют слаженно, только когда их убивают. Но, я уверена, что через десять минут они уже кладут друг на друга ноги. И не только ноги.

Громко завывает сирена воздушной тревоги. Люди бегом бегут к остановке автобуса. Он закрывает двери перед ними и уезжает. У него ведь расписание. Иногда для сотрудничества недостаточно даже угрозы смерти.

Он лучше б жил чуть-чуть, не озари.
Его ты божьей искрой изнутри.
Он эту искру разумом зовет.
И с этой искрой скот скотом живет.

Они такие все. Душой я понимаю, что эти люди тоже могут стоять в белых одеждах и видеть рассвет, но глаза настойчиво убеждают разум в обратном. «Никакие они не избранные. Они – быдло, такое же, как все прочие. Они будут прокляты, за то, что забыли кто они и откуда. За то, что именно им среди прочих тараканов доверили быть примером для всех, а они завалили задание», – кричит он мне.

Вот только... Когда Корчаку предложили оставить детей и спастись одному, он ответил: «Ну что вы, не все люди плохие».

Но...

Я потеряла удостоверение. Мне нечем платить за проезд, а тащиться до стоянки пешком, нет никаких моральных сил. Я истощена.

Водитель автобуса говорит мне: «Потом отдашь», – и пробивает билет за свои деньги, ему ведь кассу сдавать. Когда отдам? Как и где я найду его? «Потом», – отмахивается.

Он – израильтянин.

В книге "Исход" входящей в состав Торы (Пятикнижие, Ветхий завет) есть отрывок:

И сказал Господь Моисею: пойдя, иди отсюда ты и народ, который ты вывел из земли Египетской, в землю, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: потомству твоему дам ее; 2 и пошлю пред тобою Ангела, и прогоню Хананеев, Амореяв, Хеттеяв, Ферезеев, Евеев и Иевусеев, 3 [и введет он вас] в землю, где течет молоко и мед; ибо Сам не пойду среди вас, чтобы не погубить Мне вас на пути, потому что вы народ жестоковыйный. 4 Народ, услышав грозное слово сие, возрыдал, и никто не возложил на себя украшений своих. 5 Ибо Господь сказал Моисею: скажи сынам Израилевым: вы народ жестоковыйный; если Я пойду среди вас, то в одну минуту истреблю вас; итак снимите с себя украшения свои; Я посмотрю, что Мне делать с вами. 6 Сыны Израилевы сняли с себя украшения свои у горы Хорива.

Бог еле сдерживался, чтобы не уничтожить даже "избран-

ный народ", так раздражали они его своим эгоизмом и ограниченностью. Что сделали евреи, чтобы стать достойными Бога? Многих Моисей устрасил, но чем поможет человеку страх?

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: NOIZE MC – ВСЕЛЕННАЯ БЕСКОНЕЧНА

Как ни странно, но разобраться мне помогла математика. Изучая её, я пришла к выводу, что она заблуждение. Почему? Да потому, облизывает камни. Она детально, совершенно описывает отдельные вещи – камешки на берегу океана вселенной, но не способна описать весь мир целиком. Она – костыль, для несовершенного разума.

Уравнения выше третьей степени уже клинят разум и разбегаются из рук. Математика развитие счета на пальцах, она никогда не сможет оперировать галактиками. И тогда она пускается на хитрые трюки. Она пытается упростить вселенную, втиснуть ее в те же бытовые рамки счета на десяти пальцах.

Бесконечности, пределы, интегралы. Трюки. И если так, то заблуждение и техническая цивилизация.

Меня мучает ощущение, что человечество пошло не туда. Нужно было развивать интуицию, а не логику. Биологию, а

не технику.

Люди просто пошли не туда. Если мы растем, переходя из жизни в жизнь, то со временем мы сможем охватить сознанием весь мир, всю вселенную. Неважно, сколько времени потребуется, ведь у Бога в запасе вся вечность.

Случается, что человек погибает, не успев сделать хоть что-нибудь значительное. Но ведь это нисколько не мешает ему. Новое рождение, новая попытка. Если смотреть на мир так, пропадает мучительное ощущение нелогичности.

Это значит, что потенциально все люди одинаково красивы внутри. Теперь встречая каждого нового человека, я всматриваюсь в его глаза, пытаюсь найти искру, которая когда-нибудь станет сверхновой. Неважно, какой это человек – он чудо. Бесплезно ненавидеть, нужно помогать расти. Чем больше людей проснется, тем легче будет остальным.

Все в мире четко и просто. Красиво. Ничего лишнего. В нем нет бессмысленного нагромождения сложного. Гармония, красота в основе мироздания. Она выстраивает атомы и спирали галактик, излучение и звук. Музыку. В музыке её проще рассмотреть. Может быть, если понять музыку, можно будет создавать миры?

А что же зло? Зло – это вирус. Он распространяется от человека к человеку. Вас толкнули в поезде, вы разозлились.

И сделали зло еще кому-то. Зло расходиться волнами, иногда складываясь резонансом и убивая. От человека к человеку. Единственно правильное решение – погасить эту волну на себе.

Вас толкнули – забудьте. Вас обидели – простите. Это – цдака, самовозвышение. Гасите зло своим телом, своей душой. Теперь я понимаю христиан и их подставленную щеку. Вот только сложно это.

ГЛАВА 9. ТЕНИ МЕРТВЫХ

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: КУКРЫНИКСЫ – КРАЙНИЕ МЕРЫ

Мама умерла, теперь я одна. Юра вкалывает: работа, домой, душ, покушать, час телевизор и спать. Иногда редко выбирается с семьей в субботу к морю. Он стал типичным израильтянином. Есть мнение, что эта страна медленно, но верно ломает каждого. Люди, которые занимались наукой, искусством, музыкой. Люди, которые мечтали и слушали ветер, даже самые сильные душой постепенно отказываются от мечты. Вы читали книгу Гарри Гаррисона про пиррян? Вот это мы. Война вытягивает силы, не оставляя времени на красоту. Выживают самые наглые, грубые и сильные. Это хорошо для страны, но плохо для отдельных людей. Это – тупик.

Израиль, во многом, государство жадности, тупости и эго-

изма и цинизма. Однако, если нас сбросят в море, будет ещё хуже. Много хуже. Фундаментальный ислам – яркий пример религии, понятой людьми так, как им удобно. Он давит и уничтожает любую попытку людей развиваться. И единственное препятствие на его пути сегодня – Израиль. Израиль – не идеальная страна, но другой здесь быть не может. Другая просто не выживет здесь. Можно выиграть войну, но жить на войне годы, десятилетия, поколения способны только мы. В маленьком, не заметном на карте Израиле четыре миллиона евреев и два – арабов. А вокруг четыреста миллионов арабов и почти не осталось тех, кто помнят о своих еврейских корнях. Те, кто не бежали в Израиль давно слились с местными и ненавидят нас наравне с прочими совершенно искренне.

Дело уже в принципе. Если смогут уничтожить нас – государство, построенное на болотах и песке, в Богом забытом месте – это будет означать не гибель мелкого государства. Это будет сигнал к атаке. Если можно смять нас – значит можно сломить весь мир.

И мир утонет в крови. И в первую очередь музыка и красота. Так всегда бывает. И спаситель, придя на эту землю, увидит волны огня, сон разума и стада животных. Может быть, он не развернется и не уйдет, ужаснувшись тому, что мы сотворили, но лучше постараться сохранить хотя бы эту стабильность.

Так я это вижу. Потому я дерусь за землю, что снилась

мне.

Захожу к командиру и вижу – мужчина средних лет, спортивный крепкий как скала. Великан. Холодные глаза. Стоит, прислонившись к стене, хотя стульев хватает.

– А, вот она. Юля, познакомься. Это – Сергей. Он приехал специально, что бы с тобой поговорить.

– По поводу?

– Он сам тебе все расскажет.

Сергей отделяется от стены.– Пойдем, пройдемся.

– Никто из тех, кто согласился участвовать в программе, не сохранил свою предыдущую жизнь. По сути, принимая решение, ты совершаешь самоубийство. Все то, чем ты была прежде – исчезнет. Все то, что составляло твою жизнь. Что ты помнила, чем жила. Те, кого ты знала и любила или ненавидела, уйдут навсегда. Даже твое лицо и голос исчезнут.

– А что взамен?

– Возможность выполнять интересные задания для тайного мирового еврейского правительства. Чем не приключение?

– Очень пафосно, а где подвох?

– Погоди, увидишь.

Тесты, тесты, тесты. Я ощущаю, как мою голову вскрыли и разобрали на кусочки. Они ко всему подходят практически и методически. Везде четкая система. Такое ощущение, что ты машина на конвейере. Тебя разбирают и собирают снова. Выкидывая все лишнее.

Что ж, теперь я стану оружием. Оружие – совершенно.

– Забудь технику. Айкидо делает тебя предсказуемой, как и для любого другого стиля. И у тебя слишком маленький вес чтобы справиться с противником тяжелее тебя с помощью техники. Это физика и рано или поздно схема тебя подведет. Со схемой ты предсказуема.

Инструктор прохаживается по полированным доскам. Яркий свет бьет в окно.

– Мы, конечно, будем учить тебя всему, но профессионалом ты должна стать в фатальном курсе.

– Фатальном?

– Для тебя единственно возможное решение в близком бою – уничтожить противника. Уничтожить как можно быстрее. За секунду, доли секунд. Прежде чем он сможет не только что-то предпринять, но и понять, что требуется что-либо делать.

Ты чрезвычайно дорогое и ценное оружие. Потому, должна выжить и выполнить задание. Для этого тебе придется научиться убивать руками и ногами. Подручными предметами, проволокой и бумагой. Чем угодно. Быстро и эффективно.

Мы научим тебя использовать предметы, которые можно найти в лесу и офисе, в самолете и на светском приеме. Ты сможешь использовать их как эффективные инструменты. Мы добьемся, чтобы эти навыки отложились в твоём теле на уровне рефлексов.

Тебе следует научиться контролировать своё тело. Отделить его от разума. И никогда не терять контроль. Никакого спиртного, никаких наркотиков.

– Ни один даже самый совершенный солдат не имеет ни особой ценности на поле боя. Только группа. Чем более она слаженная, тем сильнее вы усиливаете друг друга. Тебе надо научиться сливаться со своим взводом. Синхронизироваться. Клетка – орган – организм – взвод. Так же плотно. Так же неразрывно. Так же все более совершенно и эффективно. Двигаться, принимать решение, дышать и умирать как единое целое.

– Надо научиться читать мысли?

– Надо научиться слушать музыку.

Сергей появился точно в нужный момент. Видимо, психологи, следящие за нашим душевным здоровьем, не просто читают спортивные листки в своих кабинетах. А может судьба? Я чувствую вектор в мире. Он направляет хаос. Слабые толчки двигают людей к тем или иным поступкам. Сталкиваются судьбы. Меняют условия.

Очень легко заставить другого человека принять твои правила и тогда он теряет себя. И это ошибка! Мораль, какая бы высокая, красивая и правильная она не была – это чужие правила, не более того. Есть только одно правило во вселенной для каждого из нас. Слушать свое сердце. Самый лучший из людей не сможет тебе помочь. И не сможет помешать. Только ты сам. Это главное правило саморазвития.

НЕ СЛУШАТЬ НИКОГО! НИКОГДА! НИ ЗА ЧТО! То, что тебе говорят – лишь ключ, дорожный указатель. Не более.

Как бы это выразить языком?

Я свободна/не свободна в своих поступках.

Я решаю/мною управляют.

Я живу/я – программа.

Решаю ли я за себя? Нет. / Решают ли за меня? Нет.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: SOILWORK – NERVE

Просторный подвал, освещенный люминесцентными лампами. Растрепанный старичок. На столе рядом с ним – Сергей. Призрачный свет чуть отливает бликами на поверхности.

– Последний тест, – Старичок протягивает мне телефон: – Все, что ты прошла перед этим только подтверждает предыдущие выводы. Ты в отличной форме и нам подходишь. Однако есть проблема. Понять – не всегда значит принять. После подготовки, ты станешь очень опасна для окружающих. И некому тебя контролировать, кроме тебя самой. Каждый из тех, кого взяли на эту работу, отвечает за себя без контроля. Только те, кто способны нести абсолютную власть становятся частью системы. Случайных людей нет. Только те, кто родился с этим. «Те, кто сторожит сторожей». Поэтому этот тест.

– Набери номер, – он показывает мне пальцем: – Взорвется заряд и умрет человек. Кто он и что он – тебе не важно. Аналитики приняли решения. Я озвучил его. Ты – выполнишь. Каждое звено отвечает перед собой.

Сергей не вмешивается. Просто качает ногами и смотрит на меня.

Делаю шаг вперед и беру телефон. Пластик шершавый и прохладный. Тяжесть. Серые глаза смотрят внимательно. Назад пути не будет.

Смерти не существует. Что для Бога смерть ребенка? Всего лишь запятая в книге. Мы как в тренажере. Вокруг бесполезные мегабайты – это всего лишь абстракция. Главное – расти.

Убивая, мы не мешаем и не помогаем Богу. Мы мешаем сами себе.

Мне не надо решать. Пустота. КТО-БУДЕТ-СТОРОЖИТЬ-СТОРОЖЕЙ?

Я знаю ответ – Мы. Я. Я люблю людей. И не теряя любовь в душе, мысленно очерчиваю черту, разделяя мир на черное и белое. Друзей и врагов.

Я набираю номер.

На пороге меня останавливает голос:

– Что ты чувствуешь, когда убиваешь?

Не задумываясь. Мое сознание все еще пусто и свободно.

– Легкую отдачу.

Я слышу, как карандаш останавливает свой бег по бумаге, и делаю шаг в дверной проем.

Что-то прорывается через серый свет. Замираю на пороге и, не оборачиваясь, добавляю.

– Легкую отдачу. В душе.

Сергей перестает болтать ногами и сильно бьет ими по дереву. Бум.

Два бланка, "тут – банана": «Причина смерти – взрывное повреждение и механические травмы, вследствие столкновения автомобиля с опорой моста. Тело находится в салоне автомобиля, в двадцати метрах севернее дорожного указателя. В метре от второй справа опоры моста». Дата, время. Снимок полароида, очень неприглядный на вид. Вот так.

Новое имя, новая биография, даже новое лицо. Я медленно привыкаю к зеркалу.

Я смогу повлиять на судьбу мира – стоять выше и видеть дальше, чем даже сильнее мира сего. Но всё имеет цену. Меня нет. Я умерла. Я ощущаю холод смерти. Но в мире родилось нечто новое. Представьте это.

Вам страшно? Правильно.

ГЛАВА 10. ЛИЦО В ТОЛПЕ

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: КУРАРА И СМЫСЛОВЫЕ ГАЛЛЮЦИНАЦИИ – НАДО БОЛЬШЕ ХОРОШЕГО

Редкие, но сложные задания. Много поездок.

Теперь у меня достаточно свободного времени и денег. Я учусь – это поощряется. Изучаю компьютеры в университете. Путешествую, вижу разных людей.

Прочитала «Чайку» Ричарда Баха и получила шок. Насколько написанное там совпадает с моими собственными ощущениями. Люди могут расти. Как Мусаши. И им надо

ПОМОГАТЬ В ЭТОМ.

Небольшой европейский городок, зима. Старые массивные здания в немецком стиле. Ветра нет, мороз. Скользко.

Паркуюсь у входа и иду к двери, пытаюсь стянуть кожаные перчатки с замерших рук. Пальцы сводит от холода.

Первая пара в аудитории в подвале, а там вообще холодильник. Нет никаких сил, стоять и ждать в коридоре у закрытой двери. Быстро-быстро тру ладони друг о друга, пытаюсь вернуть пальцам чувствительность. Оглядываюсь по сторонам. Пока никого, я пришла рано. Выуживаю из кармана ледерман. Вынимаю из волос невидимку, поворачиваю цилиндр отверткой и шпилькой нащупываю зубцы. Через десять секунд незатейливый замок открыт.

Внутри греют батареи! Распластавшись на столе, закрываю глаза и впитываю тепло всем телом. Благодать...

Слышно, как в замок вставляют ключ и пытаются повернуть его.

Наконец, дверь открывается и входит преподаватель.

– Почему аудитория открыта?

На её лице легкое удивление. Я молчу.

Начинают подтягиваться студенты.

– О, как холодно. Когда уже лето.– Рядом приземляется
Мая.

– Да уж. Слушай, у нас сегодня три пары, давай после занятий сходим в сауну?

– Не могу я, у меня зачет по дискретной математике. У-у-у ненавижу.– Она надувает губы.

– Второй раз завалила?

– Да кому оно надо? Дотяну до диплома, потом папа меня к себе в фирму возьмет.

– У тебя богатые родители?

– Ну, сама бы я учебу не потянула. Родители еще и за квартиру платят. У меня добрый папа.– Она улыбается.

– Слушай, Джул, а ты вроде сама платишь? Ты работаешь где-то? Наверное, что-то неприличное?– Она толкает меня в плечо.

– Конечно. Кто назовет работу стюардессой приличной в наши дни?

– Вау. Много путешествуешь?

– Слишком много.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: ЛЯПИС ТРУБЕЦКОЙ – КАПИТАЛ

...Китай уже финансировал в Таджикистане (900 миллионов долларов) строительство новых дорог, тоннелей и линий электропередач. И теперь сотрудничество с Китаем даст

Таджикистану возможность развивать новые источники дохода, помимо традиционного производства хлопка, алюминия и денежных переводов от трудовых мигрантов.

Таджикистан сдал в аренду китайской компании около 600 гектаров сельскохозяйственных угодий, которые находятся на юге страны. Китайская национальная нефтяная компания (СNPC) уже начала добычу нефти и газа в Таджикистане...

Он говорит мне: "Я только что разбогател, Я НЕ МОГУ УМЕРЕТЬ".

Деньги – сила. Но не настолько же.

Занятная вещица, компьютер. От своих древних предков он практически не отличается. Это все та же черно-белая логика, электричество и магнитные поля. Они постоянно становятся сложнее и быстрее, но не меняются по своей сути. Думать компьютер не научится никогда, зато уже сегодня способен хранить и воспроизводить целый мир. Мир, живущий по определенным правилам, не таким как в нашей реальности.

Сложные системы, базы данных, виртуальные миры. Про-

цедурной генерацией можно создать целые бесконечные вселенные.

А ведь и наш мир похож на программу. Если присмотреться, можно увидеть технические решения Бога.

Обожаю кошек, они совершенны. Кошки эгоистичны, но не лицемерны.

Если кошка что-то хочет – она скажет об этом прямо.

Возьму второго котенка, черного. Мне нельзя иметь семью и детей, я сама так решила. А может быть бросить все. И доверить жизни близких людей кому-то еще? Я не презираю людей, но и не доверяю. Я – лезвие. Лезвие не выбирает.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: АРКАДИЙ ДУХИН – ТЕЛЕФОННЫЙ МОНОЛОГ

– Нормальная работа.

– Да брось. Это все не то. Мы вкалываем как проклятые, разгребая дерьмо наверху, а потом в газетах пишут: «Очередная акция скинхедов» или «Виноваты евреи». Что улучшается в мире?

– Ну и что? – Он сжимает жестянку и бросает её в мусор-

ное ведро.

– Этих трогать не надо? Не все идет сверху. Они же внушают страх, а страх вызывает ненависть. Это как круги на воде,— она поболтала ногой в воде.

– Ты ошибаешься, ты не смогла бы. Потеряла бы себя и стала обычной убийцей. Ведь они – люди. Окажись они в Израиле и узнай, что они евреи они гордились бы этим. Скинны – просто инструмент политики, их используют, их ненависть – не самоцель, а поиск причин. Их руководители – политические пешки, а простые члены лишь ищут свой дом, как я и ты.

– Что ты имеешь в виду?

– Основной инстинкт вовсе не секс, Фрейд ошибался. Основной инстинкт человека – это поиск дома. Мы идем по жизни, куда-то стремимся, нас все время куда-то тянет. Это инстинкт – найти дом, себя. А их ненависть – это раздражение от того, что они не могут найти дорогу к нему.

– Да ты оказывается философ.

– Только когда напьюсь.

– Так значит если разрушить организацию, эти люди не станут ненавидеть меньше.

– Нет, конечно. Они найдут новую причину. Их проблема в том, что они слушают свое тело, а не душу. Свой дом они через ненависть не найдут.

– Твой дом там, где твое сердце.

Есть такое аниме «Бродяга Кэнсин». Там молодой паренек попадает в ученики к великому мастеру меча. И, освоив искусство убивать в совершенстве, всё пытается выяснить у учителя, почему он живет в горах и не применяет свой меч, чтобы защитить других людей.

Соседи сверху достались беспокойные. Парень, девушка, почти девчонка еще.

Их дочке четыре года. Парень вырос в приемной семье. Нигде не учился, работает водителем. Часто напивается.

Я слышу, как они орут друг на друга. Сыпется посуда. Он кричит на девочку. Звук удара. Мгновение тишины и громкий, отчаянный плач. Они снова кричат друг на друга, а девочка рыдает.

Я не вмешаюсь.

...В Урус-Мартане убит имам Хасмагомед Умалатов, – сообщает телекомпания НТВ. Умалатов стал уже вторым имамом урус-мартановской мечети, убитым за последние полгода...

– Зачем мусульманам убивать мусульман?

Мы мыслим стереотипами. Бородатые террористы-исламисты – плохие, смиренные монахи-буддисты – хорошие, твой босс – урод каких мало. Твой дядя – самых честных правил. В этом ошибка. Обобщать – грубая ошибка. Упрощать – слабость. Всегда помни – все сложнее, чем кажется.

...После атаки на "Коул" бандиты ожидали жестоких ответных акций, компаунд "аль-Кайды" в Кандагаре был эвакуирован, и лично бен Ладен сперва съехал в пустыню под Кабулом, потом в Хост, Джелалабад и циркулировал между 5-6 резиденциями в Кандагаре, разослал своих соратников по разным концам Афганистана, а один из его приближенных вслух неоднократно жаловался, что ответного удара так и не последовало – хотя американцы имели сведения, что это работа бен Ладена...

Знали, но ничего не предприняли...

Читаю «Король Матиуш первый» Януша Корчака. Читаю об авторе.

Познакомилась с одним из выживших детей из интерната Корчака. Живой ранимый старичок, проживший долгую

жизнь. У него трясутся руки, он слаб, ему недолго осталось жить. Но, до сих пор, не забывающий того, кто помог стать ему человеком.

«Война спит, но в любую минуту может проснуться».

ГЛАВА 11. DON'T THINK TOO MUCH

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: КАНЦЛЕР ГИ – SAMEDY

Август 2001 года. Эйлат. Израиль.

Отель необычный. Несколько коттеджей на склоне исчерченной медными жилками скалы. Красивый вид с высоты на Красное море. Очень жарко.

– Феликс сообщил, что операция вступила в финальную стадию.

– Ты считаешь, что не мешать им – это верное решение?

– Оно взвешенное. С минимальными негативными последствиями.

– Значит, если не можешь остановить врага – присоединись к нему? Цель оправдывает средства?

– Мы с тобой уже не раз обсуждали всё это. Если не можешь остановить поезд и не знаешь куда он приедет, лучше быть на борту и иметь возможность влиять на направление и скорость его движения.

– Или самолет.

– Грубо. Европа уже проиграла – это факт. Если приба-

вить сюда нарастающие экономические проблемы рано или поздно мы всё равно столкнемся с этой ситуацией, только наша позиция ухудшится. Это – наш поезд.

– Пояс анархии вокруг Европы, всеобщее обнищание, голод, который заставит миллионы несчастных беженцев искать там спасение. Распространение радикального ислама. Экономический коллапс. Океаны смывающий прибрежные города, смерчи, засухи, голод, дикость.

– Этого уже не избежать. Мы не всемогущи и должны выполнять свою работу. И извлечь из надвигающегося Армагеддона максимум пользы, даже если это ужас, страх и смерть. Никто не позаботится о нас, кроме Бога. Как это по-русски? Надейся на Бога, а сам не сливай?

– Не делай ошибок.

– Вот-вот. Надейся, а сам не делай ошибок.

– Я очень надеюсь, что это не ошибка.

– Есть и результаты. Мы много сделали, чтобы ситуация не стала неуправляемой. Это стоило времени, денег и жизни.

– С дьяволом не договоришься. Все равно окажешься в дураках.

– Они всего лишь люди.

21 августа 2001 года.

...король Фадх ибн Абдулазиз вчера освободил принца Турки Аль-Фейсала ибн Абдулазиза, по его просьбе, от его поста шефа Службы общей разведки...

6 сентября 2001 года.

– Нельзя допустить наличия сильных лидеров в Афганистане в условиях войны. Внутреннее противостояние усложнит картину. Люди начнут задавать вопросы – а что на самом деле там происходит. Нам это не нужно. Люди должны отождествлять понятия Афганистан, Бин Ладен и Аль Каида как единые, неразделимые понятия. Это должно быть везде. Лишние фигуры нам не нужны.

– Оборотень готов действовать.

– Хорошо. В оборотне, тоже больше нет необходимости. Людям нужна идея, символ, а не человек. Используем медиа. После завершения операции уберите его.

9 сентября 2001 года.

... во время интервью, которое Ахмадшах Масуд давал

двум арабским журналистам в афганском населенном пункте Ходжа Бахауддин, сработало взрывное устройство, вмонтированное в видеокамеру. От взрыва погибли оба журналиста. Военные эксперты не исключают того, что "журналисты-камикадзе" были связаны с международным террористом Усамой бен Ладеном. Как сообщили сегодня бельгийские и французские источники...

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: DJ SPOKE – WATCH THEM FALL DOWN

11 сентября 2001 года.

С утра выпуски новостей взрываются. Люди собираются на улицах, в барах, торговых центрах. Везде где есть телевизор. Люди не идут на работу, пропускают лекции.

Мая сидит, не отрываясь от экрана, держась рукой за лицо.

– Всё, ****ец Афганистану. Завтра будут бомбить,– слышится вокруг.

Я смотрю как человек падает вниз с башен близнецов.

...По свидетельству некоторых российских дипломатов, работавших в тот период в Постоянном Представительстве РФ при НАТО, фактически подвергнувшиеся 11 сентября 2001 г. вооруженному нападению Соединенные Штаты сначала даже не воспользовались Статьей 5 Вашингтонского договора, проигнорировав механизм реализации так называемого трансатлантического единства. Неприменение Статьи 5 в этом случае грозило бы девальвацией традиционной роли НАТО и как военного блока (базовой задачей которого является защита каждого члена альянса), и как военно-политической связки между европейскими странами и США. Введение в действие этой статьи произошло по инициативе и личному настоянию тогдашнего Генерального секретаря НАТО лорда Робертсона, который в тот момент сделал все от него зависящее, чтобы сохранить единство альянса...

Когда в вашу дверь начинают ломаться пьяные молодчики, что вы сделаете? Будете кричать в окно? США не нужны были союзники. Они даже не задумались об этом. Почему-то...

В водостоке у магазина барахтается жук. Глупый, попал в ловушку. Теперь ему крышка. Для нас вода мокрая, а для них – как клей.

Я ухожу. Потом возвращаюсь и вытаскиваю его из воды. Он прикидывается мертвым. Оставляю его на солнце су-

шиться. Через минуту он резво уползает. Одни боги спасают, другие норовят раздавить.

Может быть и мне, когда-нибудь из пустоты протянут руку?

ГЛАВА 12. DOLCHSTOßLEGENDE

...Природные богатства Демократической Республики Конго (золото, алмазы, уран, медь, тантал, кобальт, вольфрам, марганец, цинк, серебро и свинец) обернулись бедой для африканского государства. Именно здесь за последние десятилетия использовались в широких масштабах технологии криминальной геополитики. Это дало возможность бывшему госсекретарю США Мадлен Олбрайт окрестить конголезский конфликт Первой мировой африканской войной. Это самый кровопролитный военных конфликт после Второй мировой войны, унесший жизни по разным оценкам от 4 до 5,4 млн. человек, в основном гражданского населения, погибшего преимущественно от голода и эпидемий.

На стороне противоборствующих сторон участвовали наряду со сверхдержавами десяти других стран, транснациональные компании (бельгийские, германские, американские)...

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: CAVENDISH TRAILERS – AFTERMATH

Премьер не любил такие совещания. А кроме всего, его беспокоила печень. С утра они немножко приложились в баре. Он не мог упустить возможность поговорить с советником по безопасности в приватной обстановке, но сейчас ему было плохо. А если жена узнает...

– Вы читали доклад?

– Не успел ещё. Знаете, у меня масса встреч.

– Почитайте. Мы собрали там известные нам данные об их активности. То, что прямо удалось связать, в чем мы уверены и влияние на общую обстановку. За последние годы деятельность комитета вышла за все возможные рамки. Их операции слишком заметны, а всю ответственность потом возлагают на нас...

– Они действуют в наших интересах.

– Они действуют исключительно в своих. И мы можем только примерно представлять, что это за интересы. Американцы давят на нас постоянно...

– Чертовы янки.

– Тем не менее. Мы не в таком положении, чтобы портить отношения с немногими, кто нас поддерживает.

– Иди ты, они нас поддерживают. У них свои цели, у нас свои, ой!

В печени снова кольнуло, и он потянулся за минералкой.

– Ну, что ты от меня хочешь? Мы даже не знаем, кто из нас работает на них. Если на то пошло я предпочту иметь дело с разгневанными американцами.

– Я все сделаю сам. Мне нужно только ваше устное одобрение. Прокурор будет через два часа.

Премьер задумался. Многие считали, что он стал руководителем, только благодаря своему брату-герою, однако это было не так. От природы он обладал выдающимся политическим чутьем, а именно всегда знал, когда надо уступить к своей выгоде. Ситуация ему самому не нравилась. Конверт, который он получил, первый раз открыв сейф премьера, сидел незаживающей занозой все эти годы. Чего-чего, а такой иронии он не ожидал.

– Ладно, но действуй очень осторожно. Даже если дело сорвется, мы не должны быть связаны с этим.

Уже вечером лежа с женой в постели, в полной темноте, он внезапно проснулся от того, что в животе собрался неприятный ком. Сердце быстро и нервно билось. Может быть, не надо было связываться? Он встал и выпил воды.

К черту. Они сами виноваты.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: TAKU IWASAKI – THE WILL

Кресло мягкое, а тело ломит.

Аналитик потер плечо и переменял позу. Рука автоматически потянулась к лицу. Никак не избавиться от этой вредной привычки. Ладно, когда-нибудь он станет взрослым и солидным, ему ведь ещё двадцать семь.

На экране перед ним светилась цветная схема. Оттенок немного изменился, ведь общий цвет зависит от каждой отдельной точки. Следовало хорошенько взвесить позицию.

Габи не очень любил шахматы, но именно они были ближе всего к тому, чем он сейчас занимался. Впрочем, в отличие от шахмат, исход партии зависел не столько от глубины просчитанных ходов и умения предугадать поведение противника, сколько от изящества точечных воздействий на ситуацию. От умения сделать ход, параметр хаоса которого имеет минимальное значение. Чтобы добиться нужного результата следует учесть все возможные и невозможные последствия и найти самые наименьшие, минимальные воздействия, приводящие к цели. Это работа аналитика.

Уже потом координатор выберет оптимальное воздействие и отдаст приказ на реализацию. В его обойме достаточно острых игл, пригодных для подобной акупунктуры. Чтобы стать координатором требовалось множество разнообразных навыков, особый склад ума, качественное образование, опыт работы аналитиком. Но прежде всего – способность принимать решение в ситуациях, когда невозможно учесть все факторы. Принять, осознавая, что аналитики – тоже люди и ценой ошибки будет не просто чья-то жизнь или смерть.

В нашей жизни чаще всего приходится выбирать из нескольких ужасных вариантов один просто плохой. Пусть аналитик никогда не попадет на поле боя, он сражается и умирает каждый день.

Он сдвинул ползунок эквалайзера еще на несколько миллиметров. Послушал. Все равно не тот звук. КО-ТО-WA-RI не терпит фальши.

– Это, или это?

– М-м-м...

– Что, не нравится?

– Ну...

– Значит, не нравится.– Мая вешает блузки на стойку и задумчиво озирает поле боя.– Ага! Вот туда!

В моем кармане вибрирует телефон. Пока она носится от стойки к стойке, открываю его и читаю на экране: «2 12 0 6». Что есть «второй уровень», 12 часов, бесспорно, шестая точка сбора. Я встаю.

– Слушай, это красный должен быть самое то! Джул, ты где? Джул?

Молодой парень скучает в потоке машин. Иногда очередь

немного сдвигается, заставляя его отпустить тормоз. И снова ждать. Тренькает сигнал на смартфоне. Он читает сообщение с экрана. Смотрит вперед. Пробка плотная, из неё не выбраться. Тогда он выходит, оставив машину на середине дороги.

Девушка покидает очередь в овощном магазине, оставив пакеты на прилавке. «Чье это? Это ваше?» – владелец лавки сердито приподнимает пакет и со злостью бросает его обратно.

Парень на мотороллере резко разворачивается и ныряет между машинами. Ему сигналият. Множество людей бросают проклятия вслед. Но ему надо в противоположную сторону.

Одновременно двадцать три человека бросают свои привычные занятия, получив короткое сообщение.

И сколько нас таких по свету
Кидает жизнь за круг земли
Носит как рваную газету
От гибели до гибели

Сорвусь и мир порву руками
Нет зон и стен для волчьих глаз
Я знаю землю под ногами
Но есть и большее у нас

У нас...

КУКРЫНИКСЫ – ЧУЖОЕ НЕБО

Точка сбора «б». Южно-Африканская республика. Май 2002 года.

– Снаряжение по уровню два. Полчаса на сборы. Работают команды «Каф хэт», «Далет алеф», «Далет бет».

Координатор выходит.

Сергей на другом конце зала неспешно складывает сумку. Легонько стучит по стойке пальцами правой руки и показывает четыре. Что он заметил? Сказали же два. Ладно, пусть будет четыре. Вытаскиваю из коробки гранаты и заталкиваю в разгрузку.

Все же не зря в Афгане его прозвали «Заговоренный».

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: TWO STEPS FROM HELL – OPERATION SANDSTORM (INSTRUMENTAL)

Демократическая Республика Конго.

Ночь, темнота. Душно. Мы невидимки, буйная растительность надежно нас скрывает. Задача – встретить и забрать информатора. Сопротивление не ожидается, но я неспокойна. Что-то неприятное на душе. Мне всё не нравится.

Отделение прикрытия засело в окрестностях небольшого поселка. Грязные развалины. Домики, построенные из мусора и полиэтилена.

Ребята входят в поселок. В ночной прицел я вижу их серое движение среди теней. Появляется человек, которого мы ждем. Черный, очень молодой. Не слишком ли он молод?

Движение на крыше. Ствол скользит к цели. Мужчина-вооружен-выстрел. Засада! Я попала, но это уже не важно. На окружающих отряд крышах зажигается цепь огней. Стрелков множество, в три ствола мы не можем их контролировать!

Я стреляю, ещё раз, ещё. Быстрее возможного. Шквальный огонь обрушивается на наших ребят, я вижу, как их убивают. Информатора режет очередь, он падает в пыль. Огонь очень плотный, их тут десятки.

За секунды в живых осталось всего несколько солдат. Они укрылись, но поодиночке их просто поубивают всех.

Алекс срывается со склона вниз, и я бросаюсь за ним, на ходу расстреливая остаток магазина. Ботинки срывают сухую траву вместе с грязью. На бегу меняю обойму. Игаль прикрывает меня.

Цель – выстрел, цель – выстрел. Только одиночные. Дви-

гаюсь бегом, вращаясь во все стороны как юла. Где-то рядом паника, но бояться нет времени. Если испугаешься – умрешь. Ребята перестраиваются следом за мной стремясь закрыть бреши.

Каменная стенка. Трупы. Кровь. Близкий взрыв оглушает. Я откатываюсь и прижимаюсь к стене. Наугад стреляю поверх ограждения.

– Сергей!

Сергей жив. Он дает длинную очередь из ручного пулемета и оборачивается. Нас тут четверо. Ещё двое раненых. Одному уже не помочь – нога оторвана по колено. Ему вкололи ампулу и он в трансе. Второй просто без сознания.

– Видите дом на окраине? Он с гаражом. Пробьемся туда.– Кричит он нам.

– А раненые?– Кричу я в ответ.

– Я возьму одного.– Он поворачивается к парню без ноги и наклоняется к нему, хватая за грудь и прислоняет спиной к стене. Достает у него гранату из разгрузки и сует ему в руку. Сжимает пальцы.– Ты знаешь, что делать.

Парень с трудом сосредотачивает взгляд на нем.

– Справишься?

Тот кивает.

Я стискиваю зубы так, что чувствую вкус крови во рту.

Сергей бросает пулемет, подхватывает потерявшего сознание солдата на плечо и вламывается какой-то дворик. Мы строим кольцо и прикрываем его. Гарь. Огонь. Сергей ло-

миться через поселок как танк.

Хозяин дома возникает перед нами, крича и размахивая руками. Авив целиться ему в голову, оттесняя его внутрь.

– Заткнись, заткнись говорю.– Его крик почти ультразвуковой.– Вот, смотри, деньги. Видишь, много денег.– Он трясет пачкой перед его глазами.– Нам нужен твой грузовик.

Мужик что-то лопочет, но нам нет дела, до его причитаний.

– Грузовик на ходу? Гру-зо-вик.– Он показывает ему рукой, как если бы вращал руль. Сует ему в руки деньги. Тот смотрит на увесистую пачку и, похоже, врубается. Кивает в коридор и снова что-то причитает. Зовет нас, указывая дорогу.

Грузовик старый и потрепанный. Латанный-перелатанный, но он заводиться. Мы заскакиваем в кузов и занимаем рубеж.

Машина дергается, от рывка моя голова ударяется об железный угол. Я ощущаю струйку крови. Грязь вылетает из-под лысых шин. Противно визжит двигатель. Мы почти прорываемся, когда из темноты прилетает случайная пуля, и Авив исчезает за бортом.

Телефонный звонок будит премьера в полночь. Этот номер знают всего три человека, потому он отвечает не глядя.

– Кто это? Какого...

– Тихо.– Спокойный голос не дает ему продолжить.– Ты знаешь, кто говорит, потому слушай внимательно. Ты принял неверное решение. Теперь ты нам должен.– В трубке раздаются гудки отбоя.

Премьер тихо ойкает и пытается нащупать тревожную кнопку. Находит ее и нервно жмет множество раз.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: КУКРЫНИКСЫ – МОЯ СВЕ-
ЧА

Ты запоминаешь их глаза. Можно забыть лица,
скорее всего так и будет. Забыть имена.

Но глаза – нет.

Через годы они вдруг снятся тебе по ночам.

Сергей.

Набирая себе еду, Габи окинул столовую взглядом. Сегодня было непривычно тихо.

Обычно за крайним столом царило оживление и шум. Подходили и уходили люди. Двигались подносы. Шли разговоры и споры.

Сегодня там сидели четверо. Юля с перевязанной головой

ковырялась в салате. Сергей сосредоточено погружал ложку в суп, доставал ее и дул. Потом снова выливал суп в тарелку. Игаль грыз огурец, поглядывая в окно. Алекс занимался тем, что писал цифры кетчупом на шницеле. Они молчали. За большим пустым столом они выглядели очень одиноко. И они молчали.

Габи повернулся и пошел к ним. Встал рядом.

Сергей снова набрал супа и стал его рассматривать. Алекс перевернул шницель и стал рисовать звезды Давида. Получилось у него кривовато.

Габи перебрался через деревянную скамью, поставил поднос рядом с Юлей и сел. Двинул к ней стакан.

– Налей мне водички, – попросил он.

Она привстала и потянулась к кувшину, но не успела. Сергей с другой стороны перегнулся через стол и налил.

– Лед почти растаял.

– Ничего, мне нельзя холодное.

Люди задвигались. Ребята с соседнего стола подхватили свои подносы, подвинули Игаля и сели рядом. Девчонки из канцелярии забрали блюдо с фруктами, переставили его на центр стола. Ушли за подносом с йогуртами.

– Место есть? Подвинетесь.

Люди садились за стол, расставляли еду. Разговаривали друг с другом. За столом стало шумно. Повар выглянул в зал, посмотрел, исчез и снова вернулся с большой миской фисташек. Народ довольно заворчал и растащил их горстями

по тарелкам.

– Мне тоже салатика.

– И мне налейте. Девчонки, давайте к нам.

Габи протянул вилку и подцепил у Алекса с тарелки шницель.

ГЛАВА 13. ИГРОК

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: КУКРЫНИКСЫ – ЗЛО

Майка затащила-таки меня на свадьбу к нашему сокурснику. Пара – совсем молодые ребята, оба студенты, только с разных факультетов, решили устроить гулянку в маленьком пригородном зале торжеств. Зальчик не ахти, но все компенсируется светом, ревом музыки и общей счастливой попойкой.

– За наши счастливые деньки! Ура! Будьте счастливы!– несется над одним огромным столом.

Здесь сотня человек, не все друг друга знают, но алкоголь сглаживает углы. Пьяные и счастливые голоса.

Майка уже основательно нагрузилась. Раскрасневшаяся и счастливая, подливает мне что-то крепкое в пиво.

– Я не хочу.

– Нет, надо. Тебе нужно, я же знаю.– Она упирается и отталкивает меня попой, доливая доверху, стоя спиной ко мне и не давая помешать. Потом поворачивается и вручает мне

бокал.

– Вот, чтобы выпила. Ты – сумасшедшая, нельзя так напрыгаться. Нужно расслабляться иногда, – её ведет, но ей весело.

Я... я одна во всем зале. Музыка оглушительно ревет. Мелькают лучи света.

И я чувствую, что вокруг меня снова барьер, я снова за чертой. Не могу больше так. Я залпом выпиваю бокал.

Ого! Пока я кашляю, Майка счастливо стучит меня по спине и снова доливает. А дальше – понеслось. Мне совсем уже хорошо.

К утру, мы счастливые до предела, пытаемся добраться до стоянки, поддерживая друг друга. Выясняется, что мы не помним, куда поставили машину. Это ужасно смешно.

– Эй, девочки, вам помочь? – нас догоняют пара парней.

– Не-а, мы сами. Вот только машину разыщем. Она... была где-то. Где она была, Джул?

– А я думаю, вам без нас не обойтись. Правда, мы такие классные разыскиватели машин. Слушайте, а зачем вам машина? Вон там наша стоит, пошли туда?

Я смутно понимаю, что это не дело. Махаю головой пытаюсь разогнать туман. Поднимаю взгляд и вижу как тот, что пониже тащит Майку за руку. Она ругается и пытается вырваться.

Высокий хватает меня за плечо. Ненавижу, когда меня хватают. Сдавливаю ему кисть, так что пережимается нерв.

Он вскрикивает и отдергивает руку.

– ****ь.– Мне в щеку прилетает кулак. Я пытаюсь уклониться, но координация не та. Падаю на бок, в глазах звездочки.

Переворачиваюсь на колени. В голове бардак. Но... Как он меня назвал?

Я слышу, как кричит Мая. Стоя на коленях, я ощущаю, как разливается боль. Я даю ей впитаться.

– Как ты меня назвал?

– Сука, сука и есть.– Он трясет онемевшей рукой.

– Сука, говоришь? Знаешь, я страшно... страшно ненавижу собак.

Я выпрямляюсь спиной к нему. Краски исчезают. Мир становится серым.

– Что ты там бормочешь, тварь?

Я бью локтем, назад попадая ему в грудь. Раскачиваю тело и добавляю еще раз. Ненависть струиться сквозь меня. Я хочу причинить ему боль. Я умею.

Когда меня оттаскивает от него подоспевший охранник зала, я бью его головой об бетонный столб. Он весь измазан в крови.

– Это было ужасно.– Майка всхлипывает, обернутая скатертью. Она трезвая и несчастная. Ее несколько раз рвало и

теперь она похожа на чучело.

– Да уж. Эти парни.

– Нет, не они. Просто пьяные психи. А вот ты!– Она указывает на меня пальцем.– Ты как зверь. На тебя страшно было смотреть. Я думала, ты его убьешь. Там было столько крови.– Она всхлипывает.

Смотрю на неё. Это я чудовище? Я? Я? Наверное... я. Я смотрю на свои покарябанные руки. Я же могла его убить. Что же со мной твориться?

Я не одинока.

Есть много таких как я. Пусть я не вижу их, но знаю, что они где-то есть и они тоже знают обо мне.

Мы вместе хоть и не рядом.

– Я думаю вам надо больше общаться с обычными людьми.

– И как вы себе это представляете, док, при моей-то работе?

– Общайтесь анонимно. Чаты, там. Блоги. Заведите журнал. Вы игры любите? Я вот играю в World Of Warcraft. Такие интересные люди попадаются, и никому нет дела кто вы.

Попробуйте.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: ORIGA – PLAYER

Сегодня я просто player,
Я ни о чём не жалею.
Мечту свою,
И все, что есть за нею
На карту мира смело отдаю.

Сегодня я просто player,
Я ни о чём не жалею
Тихо плыли звёздной пыли
Небесные прожектора...

Сколько раз в атаке умирала и вновь воскресала
Моя нетленная душа
Опять без правил играю,
И на себя принимаю
Огонь
И это всё, что знаю
Я не ищу себе иную роль.

Картинка онлайн игры сменяет заставку и на экране ком-

пьютера возникает новый неведомый мир игры Rising Force Online.

Я стою на металлическом полу. Мостики и высокие колонны. Мерцающий телепорт впереди. Я серенькая.

Вспышка делает шаг вперед. Во славу Коры!

Здесь я смогу быть сама собой.

ГЛУБИНА НАД УРОВНЕМ МОРЯ – НЕРЕАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: CHASE AND STATUS – END CREDITS

-1 МЕТР

Офицер хмурился. Интересно, какое у него лицо, когда он улыбается? Тому было не до улыбок. Он в очередной раз должен был выполнить свою работу, а занимался он тем, что посылал коритов на смерть.

– Вы пойдете маленьким отрядом. У нас нет возможности оторвать крупные силы, сама понимаешь. Я дам тебе Деда и заберешь постоянный этерский гарнизон. И помни, это самое важное задание в твоей жизни. Если они пройдут там, мы можем собирать манатки и сниматься. Я пошел бы сам, но, после того, как тостеры заключили этот союз с федерацией, всех наших сил едва хватает, чтобы держать их в котле.

Он положил руку ей на плечо.

– Я тебя знаю, ты никогда нас не подводила. В самые тяжелые моменты ты была рядом, ты талантливый маг, пусть неопытна еще. Я верю в тебя.

Дис улыбнулась во весь рот и щелчком пальцев обрушила цепную молнию на ни в чем не повинных флемов, тупо пасущихся перед генштабом. Разряд был не сильный, но ощутимый. Толпа плоскоголовых ломанулась через заросли к ближайшей реке, громко выражая свое неодобрение.

– Не бойсь, прорвемси,– Она улыбнулась еще шире, показав ровные зубы. Отчего стала выглядеть немного кровожадной для холодного жреца Дайсема.

– Эй. Я серьезно – я на тебя надеюсь. После того, как Картела застучала патриарха за незаконной торговлей дела идут совсем плохо. Пошла.

Дис кивнула здоровяку, флегматично жевавшему что-то подозрительное, и тот, взвалив здоровенную кувалду, потащился за ней следом к челноку.

Над зеленой, залитой солнцем равниной раздавалось: «Компания Картела приветствует вас. Челнок отправляется через 4 минуты. Место назначения – Этер». Мягкий бриз принес запах моря.

УРОВЕНЬ МОРЯ. ТОЧКА 0.

Челнок вынырнул из облаков и, слегка клюнув носом, по-

шел на снижение. Пилот выровнялся над посадочной площадкой и мягко пришвартовался. В короткой вспышке сине-го пламени телепорта встречающие увидели двоих. Высокую тонкую женщину и здоровенного крепыша с еще более значительной ношей на плече.

Офицер выступил вперед и представился: «Серый – офицер защиты Этера, мы вас ждали».

– Все уже здесь?

– Да, мы собрали команду. Все опытные бойцы 50 круга силы. Несколько 48 и 49. Лучшее вооружение и оборудование.

Дис оглядела команду не стройно выстроившуюся в ряд и задорно пихающую друг друга локтями. Кто-то не удержался на ногах и потянул весь ряд. Все заржали.

«Да, я вижу», – Скептически улыбнулась чернокнижница.

– Не обращай внимания, в бою они – звери.

Легкая улыбка исчезла с лица Дис. Она снова повернулась к отряду.

– От вашей отваги зависит будущее Коры. Драться придется насмерть. У нас нет права на ошибку.

Маленький отряд уходил вверх по склону. Кружились снежинки. Легкие порывы ветра рвали их в пыль. В хрустально чистом воздухе парил холод. Этер. Точка пересече-

ния линий судьбы.

Офицер небрежно тащил реликтовую катану, как трость, зажав ее под мышкой. Можно было подумать, что это инструктор ведет горнолыжников по сложному подъему. Если не обращать внимания на укутанную в мех неунывающую толпу «туристов», вооруженных различными инструментами «деклассификации» и «добирания до сути».

– Мне так и не объяснили в чем наша задача. Сверху пришла команда – оказать всемерную поддержку, говорят – задание критически важное. И прислали то, одного мага и громилу с кувалдой?

Дис, единственный маг в колонне, шла налегке – преимущество жреца Дайсема – все имущество можно вытащить из воздуха в любой момент.

– Они не могли отозвать никого. Все пастыри в бою. На нас давят со всех сторон. Последнее, что я слышала – разрушен телепорт в Сетовой пустыне. Если мы потеряем Этер – нам конец.

– Но пока тут все спокойно, бывают, конечно, стычки, но все в пределах приличия.

– Наша разведка внедрилась во вражескую сеть «Вентрило» и перехватила секретное сообщение империи. Они смогли по частям провести на Этер антигравитационные платформы. Они планируют пойти маршем через город мертвых и, собрав платформы на месте, поднять тяжелые ракетные установки на господствующую высоту у порта. Если они это

сделают нашему присутствию на Этере и на Новусе вообще конец.

– Ясно. Но у нас здесь ограниченные силы. Что вы планируете?

Дис обернулась и показала на виднеющийся внизу порт.

– Если мы пропустим их мимо себя, то окажемся в выгодном положении. Если удастся столкнуть их по склону вниз, они напорются на автоматические пушки, прикрывающие порт.

Серый задумался.

– Может и получится, но сил всё же мало.

Он покосился на свой отряд. Дед как раз отдал свою курвалду заинтересовавшемуся оружием лучнику и тот, просев под ее тяжестью, съехал бы на попе вниз к порту, если бы храмовник не поймал его за шиворот. Воины поприседали от смеха.

Лучник хмуро глядел на них, потом тоже не выдержал и засмеялся.

– Других у нас нет.

Группа продолжила путь, преодолев последние метры до перевала.

– Здесь. Мы подождем их здесь.

+1 МЕТР

Вот уже четыре часа прошло. Группу присыпало снегом,

и в зарослях совсем не было видно. Все терпеливо ждали. Дед откровенно дремал. К Дис придвинулся следопыт.

– Я что-то слышу. Что-то поднимается с той стороны склона.

Дис прислушалась и сама уже легко различила мерную дробную поступь тяжелого механизма.

– Так, проснулись.

Серый хлопнул Деда по спине. Тот приоткрыл один глаз, осмотрелся, и устроился поудобнее, прикрыв глаза и переложив, правда, руку поближе к своему любимому оружию.

– Это не тостеры.

Механический топот был явно одиночным. Надрывно визжал металл, разрывая утреннюю тишину. И ... слышалось топотание нескольких имперских разрушителей. Их не спутаешь ни с чем. Древние слоны залезли бы на ели при этом звуке. Из-за пригорка показалась черная голова, защищенная стальным щитком. И вот уже вся боевая бронированная машина федерации вырвалась на оперативный простор и, отчаянно хромя поврежденными конечностями, рванула прямо на группу. А за ней тройка, очевидно, чем-то сердитых на нее, альф.

Дис быстро сориентировалась.

– Ложим всех и без шума.

БМАУ миновал передовые части коритов и тут же получил кувалдой по конечности. Машина не выдержала такого не аккуратного обращения и кувырнулась в подлесок.

Тренькнули луки и альфы зарылись мордами в снег. Подоспевшие воины оттащили туши в просеки.

Дед не торопясь проверил кувалду на наличие царапин и любовно протер ее фланелевой тряпочкой. Потом скрылся в леске. Послышался какой-то шум. Громкий треск. Шум чего-то отрывающегося и гулко падающего. Потом из зарослей появился флегматичный Дед, за шиворот тащащий нечто брыкающиеся и возмущенно обещающее оторвать ему длинные уши. Слышались непонятные термины «МГС», «ФФ» и почему-то «Девид Блейн». Здоровенный храмовник не обращал на это никакого внимания и просто разжал руку, в результате чего молодая белочка (а это была, как вы догадались уже пилот многострадального голиафа) рухнула на пятую точку перед Дис.

Белочка хмуро уставилась на чернокнижницу и хмуро поинтересовалась:

– Гекатой жарить будете?

– А нужно? Я тебя, если понадобится, безо всяких гекат зажарю. И съем.

Белочка не высказала энтузиазма. И решила перейти в наступление.

– Вы говорите с технорыцарем федерации Беллато. Порядковый номер 100500. Я требую обращаться со мной как с военнопленной. Если вы посмеете меня коснуться я...

Дед вытянул руку и схватил строптивного военнопленного за шкирку и, приподняв, снова уронил ее на прежнее место.

– Ой. Ладно, ладно. Я буду сотрудничать.

– А зачем ты нам нужна? У вас же с бытовой техникой союз теперь. Значит ты враг.

– Я вообще-то их сама не уважаю. Они регулярно приходят в наши горы и издеваются над молодыми воинами федерации, пользуясь политикой двойных стандартов нашего патриарха.

«А-аа, МАКАР-ОН-И-ОНА. Слышала»,– улыбнулась Дис.

– Он самый. У нас вообще демократия. Но я за него не голосовала.

– Не сомневаюсь. А звать-то тебя как? Пилот федерации.

– Твинк,– Насупилась белочка.

– Смотри, она еще недовольна,– раздавалось со стороны отряда: – Дед сядь на нее и дело с концом,– слышалось с другой стороны.

Дед флегматично изучал небо.

– Ладно, Твинк. Мы тебя отпускаем. Маленьких и слабых я не обижаю.

– Ну да,– Оскалилась белочка: – Вы ж мою мафинку раздолбали. Теперь я пешком пойду? Да первая калиана из меня фарш сделает. Нет уж я с вами. И вообще, что вы тут делаете?

– Друзей твоего патриарха ждем. С подарками. Думаю беллато еще не в курсе, кто станет хозяином планеты в ближайшее время? А я знаю. Акреты планируют уничтожить

порт союза Кору. И у меня есть подозрение, что следующими на очереди станут маленькие и шустрые любители орехов.

Твинк задумалась.

– Если так вы должны связаться с оппозицией в федерации. В опасности священный баланс. Думаю, вы найдете сторонников.

– Не люблю политику, – Дис надула губки. – Да и нет времени ни на какие переговоры. Ладно, мы ждем здесь, а ты подождешь с нами. И не дай тебе Дайсем раньше времени подать голос, получишь на орехи. Дед за тобой присмотрит.

– Кстати об орехах. Есть что перекусить?

Снова раздался общий хохот. Дед привычным движением поставил Твинк на ноги и сунул в руки пакет карамелек.

– Ладно. С этим разобрались. Всем заткнутся и ждать. Больше сюрпризов быть не должно.

+2 МЕТРА

Командир акретского отряда, как и все представители империи, не терял самообладания никогда. Все порученные ему задания он выполнял точно и хладнокровно. Сказали собрать платформы – соберем. Сказали разрушить порт – разрушим. В его подчинении лучшие бойцы и прекрасное имперское вооружение.

Средств на операцию не жалели. Отряд представлял со-

бой совершенное геометрическое построение. Порядок оптимальный. На основе последних научных разработок. Их ничто не остановит на пути к поставленной задаче.

Отряд преодолел уже большую часть пути и вышел на перевал. Внизу в 5 щелчках виднелась цель. В задаче было указано подойти на 1.5 щелчка, собрать платформы и подняться по склону направо. Туда, где их не достанут охранные турели.

Единственный глаз командира двинулся, меня фокусировку, и изучил прилегающую территорию. Ничего подозрительного. Несколько одиночных противников, встреченных по дороге, уничтожили раньше, чем они смогли подать сигнал бедствия. Все в порядке.

Командующий дал отмашку, и воины заскользили вниз по склону, прикрываясь щитами. Если будет засада, они первыми примут удар врага. За ними шли стрелки. И далее элита империи – ракетчики.

Колону замыкали батллідеры и дементоры, которых заставили тащить ящики.

Дис из укрытия наблюдала за шеренгами врагов проходящих мимо. Вот последние из них миновали засаду и начали спуск. Она расслабилась. В хрупком женском теле медленно разгорался огонек силы, делающих чернокнижников такими страшными и неуправляемыми противниками. На секунду она прикрыла глаза. И когда снова распахнула их – в них метались молнии.

Передовые воины акретов достигли точки икс и напоролась на минное заграждение. Взметнулся снег и обломки железа. Из зарослей позади наступающего отряда рванулись черные рыцари Кору. Склон был довольно пологим, они без труда развили неплохое ускорение, тараном ударив имперцев. Механические воины полетели как кегли. Лучники с флангов открыли беглый огонь, сосредоточившись на ракетчиках. Храмовники, следуя за рыцарями, врубались в хвост отряда. Во главе воинов тяжело как мамонт неся Дед.

Завязалась рукопашная. Сил Коритов, впрочем, было мало для массивной атаки, а имперцы были отлично обучены. Дементоры, побросав ящики на снег, сделали все, что могли. Череда взрывов обрушилась на черных рыцарей, ломая щиты. Снег окрасился красным.

Ракетчики, тем временем, вошли в осадный режим. С легким жужжанием вышли наружу ракетометы и огнеметы. Стволы синхронно развернулись и дали залп, сметая лучников. Внутри выверенных механизмов двигались сервоприводы, досылая новый поток огня и смерти в стволы. Считанные секунды отделяли Коритов от нового залпа. Командующий акретов раздавал команды лидерам, разворачивая выживших навстречу воинам Дайсема.

– Лидера Дис, лидера. У него коды.

Серый ударил ближайшего врага, поднырнул под меч и плавным движением рассек врага на половинки. Вскинул руку и в грохоте сражения прозвучал древний клич тьмы, да-

ющий защиту.

Дед сосредоточено выписывал кувалдой восьмерки, словно пушинкой, раздавая подарки и увеличивая груды металлолома пригодного к сдаче компании Картела. Мелькали в танце смерти копыя и мечи. Щиты разлетались в щепки.

Дис между тем достигла пика силы. Она пока оставаясь позади сражающихся, на вершине.

Шаг первый – он трудный самый. Пальцев щелчок и в посох в руке. Из тьмы дареной Дайсемом.

Шаг второй – ускорение. Взгляд ловит проблески солнца. Душа плачет от этой красоты.

Шаг третий – прыжок. Руки упираются в снег и толкают легкое тело. Оно поднимается в воздух.

Воздух держит. Сальто, еще одно – это полет. С посоха срываются волны огня и электричества, расчищая путь.

Ракетчики дают второй залп. Лавина огня сжигает все живое. Падает Дед. Серый слился с дементором в единое целое. Их больше нет. Увидимся в следующей жизни братья.

Все пустота. Нет смерти. Только полет. Последний толчок опорной. И тело взвивается в воздух. Изящный сапожек упирается в плечо врага. Она идет по головам. Ракеты рассекают воздух не в силах захватить цель. Мечи напрасно рубят звенящий воздух.

Наперерез рвется враг, взмахивая копьем, но с лету падает. Его держит за ногу умирающий, но не поверженный черный рыцарь. Их так трудно уничтожить. Стрелок акретии

ловит цель, рассчитав упреждение, и в этот миг за его спиной колеблется воздух и из горла снайпера внезапно выходит лезвие. Корит выдергивает нож и снова уходит в невидимость.

Дис летит навстречу командующему акретов. Он хорошо защищен. Магия здесь не поможет, и бесполезное оружие остается позади. В руках из пустоты возникают парные мечи ветра. Быстрее, надо еще быстрее. Акрет пытается ускользнуть, но это не его день. Ноги, согнутые в коленях обхватывают голову врага, мечи чертят круг. Девушка разворачивается вслед за ними, с хрустом ломая шею врага.

Все. Кончено. Она прыгивает и проезжает еще несколько метров. Но уже не уйти. Она знала это с самого начала.

Снег неторопливо, как и сотни лет назад, опускается на плато Этер. Одинокий шути боязливо забивается в ельник, когда мимо него проносится нечто плоское и очень быстрое. Для его нервов это слишком, он кидает сети на ближайший пенек и прячется в сугроб.

Плоский ростовой щит скользит все быстрее. Вот он нагоняет арьергард акретов и играет с ними в боулинг. Твинк упиравшись ногами и одной рукой, ловко маневрирует и при этом орет: «Дииииис. Хватай!!!».

Проносья мимо ошарашенных имперцев, она вытягивает руку, хватая коритку и забрасывает её за спину. Акреты скидывают оружие, но цель уже вне досягаемости.

Дис радостно скалится, наблюдая, как они быстро отста-

ют. Однако внизу порт.

– Твинк – башни. Они среагируют.

– И-е-е-е, – Голосит сумасшедшая белка, не думая тормозить. Автоматические пушки пытаются достать цель, но в их программе нет антислаломового алгоритма.

Щит проносится через проход, подскакивает и идет по инерции на подъем.

Короткое путешествие оканчивается чувствительным столкновением с противоположной стеной порта, благо скорость уменьшилась. Грохот.

Невозмутимый шути – билетер, появившись из облаков пыли, предлагает:

– Надеюсь, вам понравилось путешествие с компанией Картрела. Будете приобретать билеты на обратный рейс?

– Нет, обратно мы ТП, – заявляет Дис, лежа на полу и блаженно рассматривая небо.

+100

– Почему ты решила помочь мне?

– Знаешь, я обожаю леденцы, мятные. Только никому не говори.

Транспорт федерации отрывается от платформы и уходит в небо. Дис, закрыв глаза, вдыхает морозный воздух. Хорошо быть живой.

– БОЛЬШОЙ МИР –

Телефонный звонок отрывает девушку от компьютера.

– Слушаю.

– Привет. Босс говорит тебе в Ванкувер. Контактный телефон, – он называет номер.

Пауза...

– Принято.

Она прерывает разговор. Тонкие пальцы не спеша гасят монитор. Короткое падение рядом с кроватью позволяет извлечь тяжелую матерчатую сумку, позвякивающую чем-то металлическим. Ключи от мопеда висят тут же, на гвоздике у двери. Темные очки. Маленькая сумочка, деньги и документы, все собрано заранее. Она не оглядывается на комнату и выходит, оставив тишину наедине с беспорядком.

Жарко. Вечер. С моря тянет бризом. Облаков нет. Здесь их не бывает почти никогда. Мопед легко заводится и вырывается на дорогу. Через час она будет в воздухе. А пока дорожная разметка сливается в линию судьбы и несет ее под темнеющим летним небом. В ушах играет надежда. А она чему-то загадочно улыбается.

– ЭПИЛОГ -

Идет дождь. Но молодому сосредоточенному человеку на это начихать. Ему ничто и никогда не мешает. Он делает

свою работу сосредоточенно и четко. Как машина. Его не терзают эмоции и страхи теплокровных. Они нужны тем, кто допускает ошибки. А у него на все есть четкие алгоритмы. Четкость и порядок – основа успеха. Он вставляет затвор в короткую штурмовую винтовку. Все действует отлично. Техника никогда не подведет. Подводят люди. Уверенные пальцы набивают обойму маленькими желтыми цилиндрами.

Далеко за границами вселенной, главный ГМ наблюдает за едущей по шоссе девушкой и мрачным парнем. Он знает все. И даже то, что в верхнем в обойме патроне есть микроскопический дефект капсюля. Но он тут не причем. Он чему-то загадочно улыбается.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: КУКРЫНИКСЫ – НИКТО

Дождь. Все время дождь. Небо серое. Капли стекают по стеклу медленно, пока не встретятся с другими, такими же, как они. И тогда они стремительно срываются вниз.

Я открываю окно. В просвете между домами видна улица. Просвет неширокий – метра полтора. Прохожий, появившись на какой-то миг, исчезает бесследно. Выстрел будет трудным.

Влажный холодный воздух врывается в помещение склада и вздымает пыль. Упираюсь коленом в кирпич, и устраиваю

на предплечье короткую автоматическую снайперскую винтовку. Такое оружие я не люблю, но в городе на этих углах она практичнее.

Приникаю к прицелу. Замираю. Мысленно очерчиваю черту. Время течет каплями мимо холодного сознания.

Внезапно, я осознаю, что на складе я не одна.

– Положи оружие.

Мне в лицо смотрит ствол хеклера с глушителем. Медленно опускаю винтовку на пол. Позади, за поясом, джерико. Но у незнакомца голубые глаза. Очень холодные. Я знаю, что не успею.

Мгновения растягиваются. Внезапно приходит осознание, что все кончится здесь и сейчас. Вот прямо сейчас меня не станет. И я увижу то, что по другую сторону. Спокойные глаза в трех метрах от меня. Винтовка касается пола. Тело сжато и напряженно.

Время. Как много его у нас. Оно кажется бесконечным. Безразмерным. Оно течет из далекого прошлого в не менее далекое будущее. Мы не считаем его. Пока вдруг не остается всего лишь мгновение, которое мы четко увидим.

Я разгибаюсь и прыгаю вперед. Ровно, плавно, стремительно. МЕДЛЕННО. Палец парня плавно дожимает спуск. ЩЕЛК. Неизмеримо короткий миг для нас обоих. Но осознать, что произошло, не успевает никто. Моя раскрытая ладонь бьет парня в нос снизу.

Я сию у тела и растерянно перебираю локоны у него на

голове. Почему?

Я признаю, что не от нас зависит родиться с острым умом или тупым, сильным или слабым. Но тот, кто из этого сделает вывод, что не в нашей воле даже сидеть или гулять, тот не видит, что за чем следует. Пусть верно, что рождение людей, талантливых или тугодумов, крепких или слабых, вызвано предшествующими причинами, из этого не следует, что даже то, что они сели или пошли гулять, или делают что-то, тоже предопределено и предустановлено изначальными причинами. ... Если пороки могут произойти от естественных причин, то их искоренение и полное уничтожение – так, чтобы тот самый человек, который был склонен к таким порокам, полностью от них избавился, – зависят уже не от природных причин, а от нашей воли, старания, упражнения (*disciplina*) и все эти вещи потеряют всякое значение, если на основании дивинации подтвердятся сила и природа судьбы.

Цицерон «О судьбе»

ГЛАВА 14. ОТРАЖЕНИЕ

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: КУКРЫНИКСЫ – ДОРОГИ

С сердцем похожим на зной у вас наверно
Нет никого!

Девчонка орет на офицера распределителя. Что-то доказывает. Он отмахивается и пытается уйти. Она не отстает ни на метр.

Стою, прислонившись к стене, и лениво наблюдаю.

Офицер пытается сделать движение в направлении двери. Та немедленно захлопывается. Он поворачивается к ней, и они снова ожесточенно спорят.

Солдатка с папкой в руках пытается открыть дверь с той стороны. Девушка прижимается к двери спиной. Что-то целеустремленное рвется в этом котенке.

На выходе меня поймала девушка. Джинсовые шортики, черная футболка. Черные кроссовки. Черные прямые волосы. Восточные черты лица, очень правильные.

– Чего тебе?– буркаю.

– Ты хочешь попасть в армию? Зачем?

Смотрю на нее. Стоит спокойно ждет. Странная.

– Если хочешь правду – мне нужна работа. И я не хочу унижаться по мелким фирмам. Хочу делать что-то полезное.

– А что ты умеешь?

– Я инженер по системам управления.

– А в электронике понимаешь?

– Нет. Но я умею читать.

Улыбается. Зубы ровненькие и белые.

– А ты спортом занимаешься? У тебя хорошие мышцы.

– Ага. Карате.

– Бегаешь?

– Чего?

– Бегай по утрам. Десять километров.

– Зачем это?

Она задумывается и что-то считает в голове.

– Сейчас ты пойдешь обратно к комиссии, и тебя возьмут.

Пойдешь ну курс электроники и связи. Старайся, и мы снова встретимся. Возможно. Мне очень нужен электронщик.

– А зачем бегать?

Она задумывается. Поворачивается к металлическому ограждению, опирается на него руками и делает стойку на руках. Распрямляет их, переносит тяжесть на правую и... ловит свободной рукой пролетающие у меня из-за спины яблоко.

Оборачиваюсь. У стены позади нас какой-то мужик. Как я не видела его тут раньше? Когда я снова смотрю на девушку, она подбрасывает яблоко вверх. Напрягает руки. Выгибается назад, толкается, переворачивается в воздухе, приземляется и снова ловит яблоко.

– Вот так ты должна будешь научиться. Справишься? Или передумала?

Мотаю головой.

– Ну и good.

Она отдает мне яблоко, поворачивается и уходит. За ней уходит и мужик.

Заворожено смотрю им вслед. Что-то в ней такое, кошачье. Красивое.

Я не знаю, о чем думаю.

Три года спустя

– Думаешь, она справится?

– Она во всем стремится копировать меня. Она быстро учиться. Все тесты сдала.

– Но она не такая как ты. Ты любишь людей – она соперничает им.

– Да... Рано или поздно это убьет её.

– Тогда почему ты согласилась?

– Никто не решает ни за кого. Каждый за себя. Она решила – мешать или помогать ей бессмысленно и вредно. Пусть двигается по линии судьбы.

– Это сложная игра.

– Так и должно быть. Они нам не союзники, мы – вынуж-

денные сообщники. При любой возможности – ударят в спину.

– Они играют очень грубо. Если Хизбалла получит это оборудование, они смогут прослушивать тактическую связь как обычные сотовые. Даже тадирановские станции станут не надежны.

– Нужно подстраховаться. Мы не можем допустить этот груз по назначению.

– Пошли агента, только очень тихо. Сделаем вид, что не заметили.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: CONJURE ONE – CENTER OF THE SUN (SOLARSTONE'S CHILLED OUT REMIX)

Июль был не таким жарким как обычно. Потепление климата, которое по всем расчетам, не должно было проявиться еще лет сорок, явно ощущалось не жаркими 30 градусными днями. Высокое небо не омрачилось облаками и чуть играло фиолетовыми оттенками.

Молодая еще женщина легкомысленно качалась на импровизированном гамаке, который местные солдаты соорудили напротив столовой подразделения «Шалдаг». В гражданской одежде, у ног валяется не крупный баул. Девушка качается, слушает Мелани Си и ест фруктовый лед.

Подполковник с сомнением смотрит на нее из окна второго этажа. В руке зажата трубка сотового.

– Я тебе доверяю. Если ты рекомендуешь именно ее – закрыли вопрос. Но почему не использовать моих ребят?

На другом конце уверяют, что причин сомневаться нет. Она профессионал. Подполковник морщится, но ему дан приказ.

Знакомлюсь с напарником – Йоав, молодой еще парень, сабра. Накачанный и симпатичный. Шрам на щеке не портит его. По дороге на склад пытается выяснить, насколько хорошо я знакома с географией пабов Израиля.

Держится самоуверенно – у кладовщика требует для меня облегченную обувь – я возражаю, беру растоптанные, но добротные ботинки. Смеется.

Столовая. Знакомлюсь с половиной базы благо людей не много. Всем интересна новая игрушка. Я резервист – а не белый мишка.

На брифинге я уже в форме. Ощущаю извечный запах затхлости. Ничего, ты в армии. Снова здорово.

– Ваша задача – караван из нескольких грузовиков. Разведка уверена, что Хизбалла получит груз оружия из Сирии. Скорее всего, иранское. Вы все знаете, каково положение. Если они получают этот груз, под ударом окажутся не только северные, но и центральные районы страны. Авиация не гарантирует точность и требует подсветить цель. Срывы недопустимы. Действовать придется в глубине территории Ли-

вана. К подразделению приписан гражданский специалист. Офицер представляет меня группе. Она снайпер, специалист по ночной стрельбе. Бывший боец спецназа.

Это они принимают. Напряжение сразу спадает.

Снайперская группа и группа огневой поддержки высадится в долине Бекаа ночью. Вы получите лазерный целеуказатель и будете ждать караван. В огневой контакт не вступать. Себя не обнаруживать. Группа поддержки остается в полукилометре от места и блокирует подходы. Беспилотные самолеты будут вести караван. Ваша задача помочь авиации поразить цель. Вопросы?

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: ROMAN BOYKO – SUN TAPPING

За бортом – ночь. Вертолеты проходят прибрежную полосу. В лунном свете близкая земля плывет медленно и неспешно. Я слушаю музыку.

Ребята пытались растормозить, что-то спрашивали. Я только улыбалась в ответ.

В руках чехол с винтовкой. На поясе фляги с водой, пистолет-пулемет, магазины в разгрузке. От бронжилета напроць отказалась. Как и от каски. Командир ругался, но сделать ничего не мог.

Перчатки с обрезанными пальцами, тканевые, но с кожаной прокладкой.

Рюкзак. Козырек прихватил короткую стрижку. Напарнику придется тащить еще и электронику – лишние 6 кг.

Пока летим, накладываю краску на лицо и руки. Потом ужинаю. Или завтракаю – ещё не определилась.

За бортом проплывает Ливан.

Командир отмахивает готовность. Проверяем связь. Глухо щелкают затворы, досылая смерть в стволы. Маски, приборы ночного видения. Я ощупываю себя, проверяю крепления. Чехол с оружием перемещается на спину.

Двери с лязгом уходят в сторону. В салон врывается рев винтов и холодный ветер. Карабины со щелчками цепляются к тросам. Передовая группа отчаливает и исчезает из виду. Им понадобится три секунды, чтобы занять круговую оборону. Становлюсь на край. Перехватываю зажимом трос и лечу. Ноги, плотно сжатые в коленях встречают землю чувствительным толчком. Отцепляюсь и ухожу в сторону. В наушниках трещание и короткие команды. Вертолеты задирают нос, поворачивают и отваливают. Теперь мы одни.

Командир зажигает фонарик и сверяется с планшетом. «Ялла», – И мы срываемся с места. 35 км волчьей рысью – бег-ходьба-бег-ходьба.

Под ногами крошится камень, колючий кустарник цепляется за ноги. Слышится тяжелое дыхание и топот ботинок.

Я ничего не чувствую, голова пустая. Стараюсь, не спо-

ткнутся. Не отстать от бойца впереди. Бежать не тяжело, сказываются тренировки, но чем дальше, тем больше накатывает чувство нереальности. К двум часам ночи добираемся до места.

Долина Бекаа – древняя дорога. Тысячи лет назад здесь везли товары из нынешней Сирии к прибрежным поселениям. Она видела римлян, она помнит многое. Одно время арабы наладили здесь производство гашиша. Теперь же это малонаселенный сельскохозяйственный район. Фермеры.

Последний километр идем вдвоем. Группа осталась прикрывать наши тылы.

Горная дорога петляет в ущелье. Склоны поросли кустарником. Пыль, камни – наверное, так было и тысячу лет назад. И другой дороги для каравана, ради которого мы здесь нет.

Однако нам не везет. На противоположном склоне в километре от нас вспыхивает огонек. Припадаю к ночному прицелу. На той стороне оказывается контрольный пост. Несколько человек, крупнокалиберный пулемет. Связываюсь с командиром. Он говорит: "Оставайтесь на месте. Маскируйтесь".

Хорошенькое дело. Сейчас темно, а что будет утром? Открываем складные лопатки и начинаем окапываться. Грунт раскидываем аккуратно вокруг – утреннее солнце высушит его в минуты. Аккуратно извлекаем сухой кустарник – маскируем позицию. Пристраиваем сеть.

Теперь ждать.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: ДДТ – ГДЕ МЫ ЛЕТИМ

Ждать всегда трудно, особенно под июльским солнцем. Безжалостный поток света изливается с фиолетового неба уже много часов. Маскировочная сеть создает лишь иллюзию тени. Чтобы скоротать время спим по очереди. Воду экономим.

Естественные надобности справляем тут же и тут же закапываем. Как кошки. В эфире тишина. Мы ждем.

Колблющееся марево висит над раскаленной землей. Временами припадаю к прицелу и проверяю соседей. Этих ничего не беспокоит, сидят себе под тентом, пьют, едят и постоянно курят. Не похоже, что Marlboro. Что ж, тем лучше.

Минуты, минуты, минуты. Они мучительно складываются в часы. Температура около 30 в тени. Мы ждем.

Когда солнце начинает клониться к горам, оживает рация.
– Слушать! Общая готовность. Груз в пути.

Это значит, что в действие пришел огромный механизм, на острие которого мы сейчас находимся. Где-то, высоко над нами беспилотник стремительно скользит, не выпуская из прицела мощной оптики грузовики. Операторы контролируют каждое движение самолета. На взлетных полосах застыли заправленные бомбардировщики. Груз замер на крыльях.

Они спят. Пока.

Караван постарается проскользнуть на закате. Ночью для них слишком опасно. Авиация по ночам последовательно разрушает дороги и мосты – можно застрять. Но до темноты дорога свободна.

Напрягаюсь – на шоссе появляется джип. Это – разведка. Машина тормозит. Наблюдаю в прицел – похоже, переговариваются с блокпостом. Недолго, минуты две. Видимо, все в порядке – срываются и исчезают в облаке пыли.

Снова минуты. Минуты. Минуты.

Напарник толкает в плечо и указывает на противоположный склон. Там бредут два подростка и ослик. А этим что тут надо? Старший верхом на ослике – младший, лет двенадцать, держится за сбрую.

Смеются. Только ослику не смешно. Шкура вся в кровоподтеках и ссадинах покрытой засохшей кровью. Что они с ним делали то? Отсюда я не вижу, но почему-то мне кажется, что в его глазах боль и обреченность. Младший присыпает рану на шкуре землей. Ослик шарахается, а подростки смеются.

Морщусь. Кто же вы люди? Как можно жить, не думая о других? И они тоже Боги?

В наушниках раздается:

– Готовность две минуты. Авиация в воздухе.

Корректирую прицел, сверяясь с баллистическим вычислителем на руке. Начинают отсчет. Напарник замер, напряг-

шись.

В дальнем конце ущелья появляется первый грузовик.

Секунды ускользают. Снова смотрю на группу с животным. Времени не осталось, они уже смертники. Ослик пытается двинуться – чувствует? Младший держит перевязь крепко, пинает его.

Время летит мимо, терминатором очерчивая жизнь и смерть.

Этот груз не должен пройти. Маленькие люди, живущие маленьких квартирках. Каждый день ходящие на работу и воспитывающие детей. Ругающие правительство и жарящие шашлыки. Они по одну сторону линии – два ливанских подростка и животное по другую. И ничего нельзя поделать. Только ослик успеет добежать. Может быть. Если без седока.

Замираю. Долго смотрю на людей. Если не можешь спасти всех – спаси, кого можешь. Отмахиваю Йоаву: «Держат оборону» – указываю ему на кромку склона выше нас. Это единственная точка, которую я не вижу со своего места. Опасность может прийти только оттуда. Он недоуменно показывает пальцами: «Цель?». Приказываю: «Выполнять!». Он беззвучно, одними губами спрашивает: «Кто?». Указывает на блокпост на том склоне. Приставляю руки к голове на манер ослиных ушей. Он выкатывает глаза. Снова отмахиваю: «Выполнять!». Он берет на прицел склон, и вытаскивает из нагрудного крепления гранату. Я слышу, как он уже вслух негромко ругается на разных языках, чаще всего, од-

нако, на русском.

Рация хрипит: «Самолеты выходят на цель. Готовность!» Грузовики полностью втянулись в долину – теперь они наши.

Рука оттягивает затвор. Солнце скрывается за кромкой гор.

Я – лезвие. Мысленно очерчиваю черту. Время замедляется, теперь я не дрожу. Прицел охватывает мишень. Три риски, упреждение, две риски. Выбираю спуск. Как я хочу иметь выбор. В прицел я не вижу его глаза. Выстрел гулко разносится по долине.

Младший от неожиданности приседает и отпускает поводья. Ослик пускается вскачь, улепетывает быстрее, чем от него можно было ожидать. Перевожу прицел на блокпост. Они успевают раньше. Крупнокалиберный пулемет просыпается. Они не видят меня, но слышали меня. Пули секут склон выше, поднимая тучи пыли. Грохот несмолкаемый. Я – лезвие. Я – профессионал. Цель – выстрел.

Они заметят вспышку. Поэтому без паузы. Затвор. Цель. Выстрел. Затвор. Цель. Выстрел. Затвор. Цель. Выстрел. Мыслей никаких. Стреляная гильза улетает в сумерки. Передовой грузовик тормозит. Полудурки. Пулемет уже молчит. Зато рация надрывается: «Дать целеуказание!»

Опускаю винтовку и беру дальномер. Навожу лазер на грузовик.

Неуловимой тенью проносится пара самолетов и тут же уходят вправо в противоракетном маневре. Грохот налетает

с опозданием. Взрыв. Раненая земля содрогается, приняв тяжелые бомбы. Грузовик исчезает. Перевожу указатель на последний. Еще звено самолетов. Теперь там внизу – ад. очередное звено сбрасывает в долину кассетные бомбы. Стоять уже невозможно. Мы забиваемся в окоп.

Зажимаю ствол винтовки рукой. Даже через кожу он обжигает горячий. Земля трясется, ощущение, будто сердце на миг останавливается.

Самолеты уходят. Встаю во весь рост в надвигающейся темноте и гляжу на море огня. Все еще рвутся боеприпасы. Как фейерверк на день независимости.

– Отступить к площадке, команда эвакуации в пути.

Уходим. Напарник оставляет под канистрой ручную гранату без кольца. Брухим абаим. Так нас учили. Давным-давно.

Бежим. Теперь уже налегке.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: TWO STEPS FROM HELL – SUN & MOON

Рассеянно проезжаю ворота базы, махнув удостоверением. Теперь еще пару километров по самой базе. Бетонка, рядом небольшой лесок. Солнце садится и уже хорошо. Еду не спеша, наслаждаясь ветром.

У канцелярии, подперев стенку плечом, стоит Жанна и пьет лимонад с рассеянным видом. Под ногами у нее ряд банок, поставленный пирамидкой.

Выключая зажигание, спрашиваю:

– Котенок, ты в курсе, что это вредно?

– Ха!

– Что ты хочешь сказать этим своим «Ха!»?

– Ха – есть ха!

Смешная она.

Неужели меня кто-то ждет?

– Да, не размахивай ты так руками. Локти дальше. Локти, бл**ь, не прижимай.

– Иди ты на х**. Причем тут мои локти?

– А ну, быстро прекрати. Ругаешься как торговка с рынка.

– А ты мне не указывай.

Злюсь на него, но больше на себя. И вдруг слышу позади.

– Что-то Котенок наш сегодня размяукался.

Оборачиваюсь и вижу чудовище перед глазами. Громко взвизгиваю и отскакиваю шага на два назад. Дани ржет как конь, держа в руках... маленького хомячка.

– Ну, совсем с мозгов съехали.

Все смеются, и я смотрю на них, как на врагов. Потом тоже начинаю смеяться.

В столовой полно народу. Пристраиваюсь с подносом на угол скамьи. Сергей сидит напротив. Ломает хлеб и бросает его суп.

– Не растолстеешь?

Он рассеянно прихлебывает, временами поглядывая мне за спину в окно.

– Как она?

– Обошла их на половину круга. Если не выдохнется, догонит их со спины.

– Ты ешь, давай.

Первое время Котенок постоянно соревновалась со мной. Видимо, не забыла мою рекомендацию бегать 10 км, и стремилась показать мне результаты. Вырвавшись вперед, она, однако, быстро выдыхалась и отставала. Жанна всего 155 см ростом и не выглядит внушительно. На базе даже делали ставки на то, скоро ли она сдастся.

Я не ставила. Я была уверена – придет день и она обойдет всех.

– Догнала. Пошла на второй круг.

– Налей мне воды.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: KOKIA – AI WA KODAMA SURU

– Музыка?

– Да. Лучше ничего нет. Если делаешь упражнения под нее, со временем точно отложится соответствие между действием и тактом. Тебе не надо будет смотреть на часы, ты точно будешь знать, когда и что делать. Мы используем ее для синхронизации.

– А какая это музыка?

Мы сидим на теплых досках. Я ловлю солнце спиной. Юля задумчиво расслабленная. Спокойная. Луч света горит в ее иссиня-черных волосах. Интересно, какого они были цвета в самом начале? Мне нравится смотреть на нее, когда она такая. Умиротворенная.

– Есть музыка и музыка. Если тебе повезет – найдешь в мелодии гармонию. Иногда она на поверхности, иногда её надо услышать в шуме. Но только такая музыка остается. Мелодий на свете много, гармонию удастся найти так редко. Вот – послушай.

Юля снимает с шеи красный MP3 плеер. Беру его и одеваю наушники. Запускаю. Слушаю. И открываю дверь в новый мир.

Юля перетекает в меня. Медленно, по каплям.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: HABURGANIM –
DARKEINU

<https://youtu.be/oNELMOSDxgU>

Лунный свет с огнем свечи играет
На подушке – россыпь волос
Шум листвы в окне, вечер умирает
Ты смеешься во сне
Там, где нет ни тревог, ни слез

Буря улеглась, пришло затишье
И лицо спокойно, как морская гладь
На рассвете вновь тебя увижу
Как далек наш путь
Дано только Богу знать

Хоть и трудно будет нам в дороге
И печален иногда твой взгляд
Впереди – снега хребтов высоких
И бескрайние цветущие поля

А в слезах твоих – осколки солнца
И опять ты улыбаешься во сне
Все хорошее еще вернется
Я с тобой всегда

Буду рядом, доверься мне

Догорит свеча, и ночь растает
Суете дневной уступит тишина
Впереди дорога непростая
Я пойду за тобой
Ты не будешь в пути одна

(перевод: crazypet)

Шест вращается в руках. Я чувствую его инерцию его массу. Он такой физический, реальный. Если разум не мешает телу, оно вырабатывает рефлексy и движения, которые связывают его с шестом. В какой-то мере шест становится частью тела.

Продолжением рук и пальцев. Если не мешать себе и упорно заниматься.

Дерево со свистом рассекает воздух. Мне не надо думать, как им управлять. Мне достаточно осознать, ощутить.

Гулко падает шест на пол. Котенок виновато бросается подбирать его. Поджмает губы и снова пытается успеть за мной.

– Зачем нам шест вообще?

– А что?

– Ну, мы как бы тратим на него столько же времени сколько на акробатику с пистолетом, но мы же не будем, в самом

деле, в реальном бою размахивать дубинкой.

Придерживая шест под мышкой, разглядываю ее.

– Думаешь? Ну, давай попробуем. Достань пистолет направо на меня.

– О_о?

– Давай-давай. Это приказ.

Котенок напрягается. Поворачивается к скамье, где лежит кобура. Шест рассекает воздух и сбивает ее с ног. Она откатывается, переворачивается и оказывается на ногах. Мы ведь по тринадцать часов в зале – падать и стоять ее научили уже.

Шест снова бьет ее по ногам, но в этот раз не попадает. Зато другой его конец здорово бьет ее под лопатку. Она снова откатывается.

Отключается от своей боли и прыгает к ближайшей стене. Отталкивается ногой и проезжает по полу под шестом, прихватив по пути кобуру. Катится по полу, выдергивая пистолет. Вскakiвает, выставляет правую ногу чуть вперед и влево, сгибает левую, припадая на колено. Поднимает пистолет. Вжик и он улетает выбитый шестом.

Шест завершает оборот и замирает у меня над головой.

– Ну, что думаешь?

Котенок держится за разбитые пальцы. Бросает на меня расстроенный взгляд. Она жесткая и острая, но глубоко под доспехом она – котёнок.

Самое трудное в её обучении – научить ее разделять тело и душу. Смерть и сострадание.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: YOKO KANNO – FRIENDS

– Послушай, Жанна. У меня к тебе просьба.

Опыт учит меня осторожности.

– Мусор таскать – отказываюсь. От кухни у меня птор!

– Все бы тебе зубоскалить.

Не сдержавшись, улыбаюсь.

– Конечно, я помогу, а что нужно?

– Ты в школе сочинения писала?

– Ага. Неплохо получалось.

– Мне нужно набросать рассказик на форум, поможешь мне? Я тебе расскажу, а ты запишешь складно.

Работать с ней вместе! Вечером, когда никто не мешает!

– Да легко!

Мы читаем и перечитываем результат. Мне кажется, что первый раз в жизни, мне удалось сделать что-то настоящее.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: HYPNOGAJA – HERE COMES THE RAIN AGAIN

Ноги поджаты. Под коленями доски пола. Сергей в центре

зала. Вот двое курсантов прыгают на него. Движение удар локтем, движение удар коленом. Они корчатся на досках.

– Следующие.

– Следующие.

– Следующие.

Он как огромная смертельная машина. К нему страшно подойти. Он выигрывает бой еще до начала.

– Страшно? – Юля держит меня за плечо.

– Ха. Я боюсь только хомячков. Просто, я не знаю, что с ним можно сделать.

– Правда?

Юля легко поднимается на ноги.

– Размялся? – она усмехается. Давай теперь я попробую.

Она выходит в центр зала и не торопясь принимает стойку. Она такая хрупка. На две головы ниже этой скалы мышц. Легче его килограмм на тридцать. Я дрожу.

Они замирают, не отрывая глаз друг от друга. Секунды текут. Они не двигаются. Курсанты начинают нервно шевелиться.

– А вот это движение было лишним.

– Думаешь? А кто сказал, что я его сделал?

– Надо было сместиться.

Мы непонимающе смотрим на них. Они же не двигались!

– Ха.

Внезапно они оба приходят в движение. Удары стремительны и ужасны. За ними трудно уследить глазами, но Юлю

он не достал. Она двигается вокруг Сергея как вода. Он бьет упруго, мощно – но не попадает. В какой-то момент она буквально перетекает ему за спину, обнимает его сзади и переворачивается. Ее ноги на секунду оказываются метра на два над головой. Она упирается руками в его плечи, перебрасывает тело через него и спрыгивает.

– Ах ты, тварь.

– Я же говорю, надо смещаться, – она улыбается нам.

Весь поединок занял несколько секунд. Однако я догадываюсь, что он скорее, шел в те полторы минуты, когда они стояли без движения.

Я иногда замечаю, как он смотрит на неё. И тогда я верю, что когда-нибудь смогу набить ему морду.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: NIGHTCALL – DEAD V

Большой подвал, освещенный люминесцентными лампами. За столом старичок. На столе качая ногами, сидит Юля. Рядом с ней стоит картонная коробка.

– Последний тест, самый сложный. Часто бывает так, что понять для человека не означает принять. Никто не будет контролировать тебя, кроме тебя самой. То же самое касается и любого из нас. Поэтому – последний тест, доверие.

Психолог выдал рекомендацию. Я отдам приказ. Ты – вы-

полнишь. Приказ простой. В этой коробке находится котенок. Убей его.

Две пары внимательных глаз, не отрываясь, смотрят на меня.

Вот так да? Делаю шаг к столу. В коробке карабкается и ворочается комочек. Пушистый. Живой. Я люблю кошек. Опускаю руку и автоматически глажу его. Сердце замирает.

Раздается Юлин голос. Я слышу в нем...

– Очерти черту. По эту сторону друзья, по другую враги. И больше нет ничего.

Поднимаю взгляд и смотрю ей в глаза. Долго-долго. Доверие. Я отражаю её.

Мысленно очерчиваю черту.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: WOLF'S RAIN – STRANGERS

Разглядывая странные в пыли следы,
Бежим мы по дороге к раю
И на пути тяжелом разделить то,
Что безжалостно судьба прикажет, стаяй принимаем.
Не сможет нас она остановить!

Лазурное море тихонько колыхается на закате. Пахнет со-

лю. Воздух влажный и горячий.

Мы лежим на шезлонгах, укрывшись полотенцами. Уставшие и довольные.

– Что из аниме еще посоветуешь скачать?

– Тебе не надоело смотреть мультики?

– Да ты что, ни один другой вид искусства не передает жизнь настолько реалистично, как оно может надоест. Другое дело – прорубаться через горы шлака, в поисках стоящих вещей.

– Ты смотрела "Волчий дождь"?

– Нет. А о чем?

– Да так. О жизни, вообще.

– Тяжелое? Я еще после «Эльфийской песни» не отошла.

– Сам сериал – сказка о волшебных волках, путешествующих в поисках мифического волчьего рая. Занятная сказка-приключение. Где все, вроде бы, кончается хорошо. Но есть еще OVA. Такое ощущение, что авторы сняли сам сериал, чтобы заработать денег. А в OVA обрушили на зрителей всю правду о жизни. Без скидок, без подкрашивания. Волки не найдут рая. Пока не перестанут быть волками – будут бежать. Вроде нас.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: VALENTIN BOOMES – FUSE

– У тебя есть мечта?

Котенок замирает с кремом в руках.

– Не знаю. Нет, наверное.

– Хочешь встретить хорошего парня? Родить ему сына и дочку? Жить долго-долго счастливо?

– Не думаю. Наверное, я упустила свой шанс. Хорошо думать о таких вещах, когда тебе семнадцать. А сейчас я слишком много всего видела.

– И что?

– Не хочу, чтобы мой ребенок родился в этом мире. Самый лучший метод, которым я могу его защитить – не дать родиться на свет.

– Печальная у тебя философия.

– Да ну. А сама ты какая?

Я раздумываю, выбирая духи. Запах слишком сильный и резкий.

Ставлю их назад.

– Я всю жизнь бежала за мечтой. Но горизонт не догонишь, сколько не старайся.

– Сама признаешь, что чего-то не можешь?

– Я уже взрослая, знаешь ли, – улыбаюсь. – Я четко вижу свои пределы...

– А я так не хочу. – Она сердито прерывает меня. – Я выживу и сделаю что-нибудь.

– Что-нибудь?

– Что-нибудь!

Я резко поворачиваюсь к ней. Её рыжие волосы треплет ветер. Она очень серьезна.

– Тогда живи, Котенок. Что бы ни случилось – живи!

ГЛАВА 15. ТАНЕЦ ПОД ДОЖДЕМ

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: KIYOSHI YOSHIDA – NATSUZORA

Здесь редко идет дождь, но если пришел – это стихия. Сплошные потоки воды низвергаются с неба. Отдельных капель не видно – льет как из опрокинутого ведра.

Шаг влево. Поворот. Взмах. Прыжок. Десять пар тяжелых военных ботинок ударяют по мокрому асфальту, вызывая фонтан мелких брызг. Молния. Вы видели когда-нибудь ирландский танец?

Десять мокрых стволов направлены вперед в ряд. Приклады сдвигаются назад, тела отклоняются. Мы синхронно разворачиваемся перестраиваясь. Теперь стволы смотрят во все стороны. Цветок под дождем. Струйки воды текут по волосам.

Одним движением штурмовые винтовки перемещаются за спину. Вспышка разрывает небо. Когда десять мужчин и женщин перекатываются вперед, доставая пистолет из кобуры, цветок распускается. Ветер подхватывает лепестки и срывает в сторону, поднимая облачко пыльцы. Танцоры пе-

ребрасывают оружие по кругу. Каждый второй опускается на колени, каждый второй делает шаг. Я знаю, что это за цветок. Ирис.

Взмах, шаг, брызги воды. Ошибка одного из нас нарушит хрупкую гармонию. Но мы доверяем друг другу. Мы слышим единый на всех ритм. Мы танцуем.

6 апреля 2006 года

...США объявили о планах по созданию к 2015 году мегацентра производства ядерного оружия, способного производить до 125 ядерных боезарядов в год. Возвращение ядерного оружия в большую политику...

8 июля 2006 года. Брюссель.

– Транспортировка назначена на завтра. Пока всё на месте. У вас будет двадцать минут, чтобы заложить заряд.

– Мы успеем.

– Нас не должны видеть, пусть думают, что это русские. Груз уничтожить тоже, следуйте плану. Обнаружив ваше вмешательство, они ускорят погрузку. Очень важно сделать

всё синхронно.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: КУКРЫНИКСЫ – ХОЛОДНО

9 июля 2006 года. Ингушетия.

Коридоры. Бетонная пыль. Мокрая плесень.

Припадаю на колено. Ботинок другой ноги упирается и стабилизирует тело. Щека ощущает холодок металлической скобы приклада. К левой стене припадает Сергей. Ствол его короткого автомата рыскает в поиске целей.

Котенок бесшумно проскальзывает между нами, бросается вперед и перекатывается мимо боковых проходов. Через секунду коридор наполняется грохотом стрельбы. Но Котенок уже на той стороне. Не замедляя движение, она отталкивается от стены ногой в прыжке, тормозит ботинком и как раз попадает на момент, когда стрелок за углом сбрасывает спуск, осознав, что не успел.

Я приподнимаюсь и бросаю тело вперед. А она уже развернулась и с силой бросает гранату о стену. Та рикошетирует в боковой проход. Там за углом выступ, но Котенок бросала с противоположной стороны прохода и граната, гулко бухнув, уходит к цели. Стрелок в коридоре осознает что-то неясное пролетающее мимо его головы. И бросается за бе-

тон способный защитить от осколков. Световая граната яркой вспышкой разрывается у него над головой – это была не боевая, однако, теперь он ничего не видит.

Я завершаю движение и делаю быстрый шаг влево. Два наших ствола теперь нацелены в проход, но противник за бетоном.

Котенок, не задумываясь, проскальзывает вперед, выпуская из рук автомат, кувыркается, обходя препятствие, одновременно вытягивая из кобуры пистолет. Завершает движение, оказавшись позади противника. Он оборачивается слишком медленно. Пистолет упирается ему в подбородок. БАХ – потолок окрашивается темным.

Умирая, он зажимает спуск. Котенок перехватывает ствол и уводит его вправо. Очередь очерчивает стену росчерками искр и раскаленных пуль. Крошки и осколки бетона отрывает от стены. Меня бьет в щеку, обжигая огнем, толкает, и я теряю обзор.

А в конце коридора появляется еще один противник. Файв севен Котенка мгновенно разворачивается, когда её тело огибает оружие. Маневр быстрее, чем глаз успевает уследить – это рефлекс, результат ежедневного танца. Затвор дергается назад, выбрасывая гильзу. Мелкокалиберные пули пробивают бронезилет как дерево.

Я чувствую, как Сергей, прижимаясь к стене, придавливает меня к полу, прикрывая своим телом. Тишина. По моей щеке течет кровь. Во рту осколки зубов. Жестом показываю,

что все нормально.

Сергей отпускает меня и, двигаясь мимо Жанны, хлопает её по плечу.

Она оборачивается, видит кровь у меня на лице и закусывает губу. Молча бросает пистолет в кобуру и дергает лепесток пакета первой помощи из кармана на голени. Зубами срывает пластик. Ее пальцы дрожат, когда она прижимает ткань к моей щеке. Мне больно, но в её глазах я вижу целый океан страдания. Накрываю её руку своей и только тут ощущаю, что пальцы у нее обожжены. Она же держала ствол рукой.

Вот так мы и держались руками на том грязном полу. Мы смотрели друг другу в глаза. И просто радовались тому, что другая выжила.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: КУКРЫНИКСЫ – ПЕСНЯ НАИВНОГО ЧЕЛОВЕКА

Она жила сама по себе. Ей никто не был нужен в школе, никто в университете. Никто во дворе, никто в переулке. Даже на берегу моря, ей не нужен был никто. У нее был ветер и мысли. Дороги увели её далеко от дома, но и там ей был никто не нужен. Она была самодостаточна.

Но однажды, когда она стояла, прислонившись к стене, и

разглядывала небо, мимо пробежала стая волков. Они двигались настолько красиво, что в душе что-то отозвалось.

Один из зверей притормозил и обернулся. И поманил за собой. И когда она почувствовала, что кому-то нужна, она перестала быть независимой. Она потеряла одиночество, которое было с ней всегда. Она сломала оболочку и на нее обрушилась боль своя и чужая, страх за других, радость от внимания к себе, желание быть достойной тех, кто ради нее остановил свой совершенный бег.

Она стала живой, а это очень-очень больно. Но оно того стоило.

Ночь. Холодно.

Я повисаю на руках, раскачиваюсь и забрасываю тело на балкон. Отодвигаю дверь и крадусь во тьме.

Я не должна быть в этом доме, я не должна даже знать, где он находится. Не важно.

Стягиваю майку через голову и нахожу её руки во тьме. Закрываю ее вскрик, прижавшись губами к ее губам. Она обнимает меня.

Нам тепло.

ГЛАВА 16. OVA

Весна 2008 года.

– Наша цель – вернуть, либо уничтожить эту карту памяти. Данные на ней буквально смертоносны. Их опубликование, или хотя бы публикация сведений о самом факте их существовании вполне может привести к тотальной войне в регионе. Американцы передали нам все данные. Сейчас карта находится в сейфе одного из Филиппинских банков, но пробудет там не долго. Времени совсем нет. Операцию проведем в течение суток, без всякой подготовки.

– Ты подозреваешь, что это ловушка?

– Подобная возможность не исключена. Сам факт, что они решили перепоручить это нам – уже сигнал опасности. Скорее всего, все это было задумано, чтобы вынудить правительство действовать. Так или иначе – они выигрывают.

– И каков план?

– Аналитики пришли к единственному решению. Необходимо действовать так, чтобы операцию никогда не связали с государством Израилем.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: YOKO KANNO – FISH ~
SILENT CRUISE

Рейс из Токио опоздал на двадцать минут, и на терминале

собралась толпа с трех самолетов. Хорошо начальник смены попался опытный. В два счета разрешил ситуацию. Он выхватил из толпы девушку гида и поманил её к себе. В пять минут все паспорта были собраны, и группа оптом прошла контроль. Чик-чак и все готово.

В суматохе, пока туристы вылавливали багаж, он неожиданно услышал: "Какая милая девушка. Как замечательно, что мы ее встретили. Надо же было нашему гиду отравиться прямо перед отлетом, кошмар. Не знаю, что бы мы без нее делали".

– Извините, а та девушка, что сопровождала вас, она разве не ваш гид?

– О нет, что вы. Она хорошо говорит на японском, но она не японка. Мы встретились в самолете.

Какое-то время таможенник пытался найти девушку взглядом, но в суматохе международного аэропорта так ее и не нашел.

Молодые и не очень. Некоторые коротко стриженные, иные лохматые. Многие в очках. Солидные и одетые как панки. Мужчины и женщины. Они прибывали на различных рейсах. Предъявляли паспорта различных государств. Трудно было заподозрить какую-либо связь между ними. Но эти двадцать туристов прибывшие на Филиппины за последние сутки дви-

гались не бессистемно. Они встретятся на пересечении времени и пространства и на короткий промежуток станут единым существом.

Ячейка хранения багажа на железнодорожной станции послушно приняла код и отворилась. Рассеяно жуя резинку, я вытаскиваю тяжелую спортивную сумку и вешаю на плечо. Дальше – пункт проката мотоциклов.

Через час я выбираюсь на шоссе, ведущее на юг. Ураганный ветер бьет в лицо. Я слушаю музыку.

Если земля – это дом, а государство – это живущая в нем семья, то мы – это полтергейст.

Его никто никогда не видел толком, все о нем только слышали. Он не часть семьи, он – часть дома и верен дому, а не семье. Ему никто ничего не может приказать, но если семья подходит дому – он будет ее хранить, ради дома.

Защищая его, он сожжет весь мир.

Кто-то из разведки поработал тут до меня, и КПК выдает

мне вводные. Расписание смен, основные фразы на местном диалекте. Даже поэтажный план здания. У них были считанные часы, так что, и на том спасибо. В обычной ситуации мы могли бы воспользоваться поддержкой местных. Но приказ – полная автономность.

Здание выглядит потрепанным. Невысокое, два входа, не большие окна. Какое-то мгновение, я тихо наблюдаю за домом, пытаюсь представить людей, живущих здесь. Потом захожу. В руках я демонстративно держу коробку с пиццей, купленной в ближайшей пиццерии. Она еще теплая и вкусно пахнет. Уже в подъезде достаю фирменную кепку и натягиваю на самые глаза.

КПК рекомендует мне крайнюю слева на втором этаже квартиру. Молодая семья. Ребенок?

Да, когда я звоню в дверь, раздается детский плач. Слышаться шаги и осторожный голос через дверь спрашивает:

– Кто там?

Наушник на виске нашептывает мне ответы.

– Пицца Меззо, доставка.

– А мы ничего не заказывали.

Называю адрес.

– Это ваш?

– Мой.

– Ну, так все правильно. И адрес ваш. Если отказываетесь – я сама съем. Если мы не доставляем за тридцать минут все равно можно выкидывать. Но с вашего адреса заказы мы

больше принимать не будем.

– Подождите.

Дверь приоткрывается. Хозяйка видит молодую женщину, увлеченно жующую резинку. Эмблема и коробка с пиццей успокаивают её.

– Тут какая-то ошибка. Мужа нет дома и...

Ей в грудь упирается электрошокер. БАЦ и у нее подкашиваются ноги. Подхватив ее рукой, другой я держу на весу пиццу. Не пропадать же еде.

День прошел. Солнце касается кромки крыш, окрашивая все в желто-оранжевые оттенки. В комнате тихо. Лишь поскрипывает детская кроватка. Я тихонько укачиваю спящего ребенка, устроившись у окна. На коленях лежит автоматическая винтовка.

Улица не многолюдна. Редкие прохожие, грязная псина спешит по своим собачьим делам. Напротив меня вход в местное отделение банка. Стеклопанельная дверь, двое охранников. Один снаружи – держит в руках металлодетектор, на плече автомат. Прислонившись к стене, курит. Другой охранник внутри, за второй дверью. Шесть служащих – четыре в зале и двое во внутреннем кабинете – их я видел только мельком.

Секундная стрелка лениво прыгает по циферблату. Я на-

блюдаю, как она каждый раз выгибается, упираясь изо всех сил, с каким-то непреодолимым упрямством, а потом, не выдержав беззвучной борьбы, срывается, оставив еще одну позицию.

Время. Наушник на виске оживает. Короткими вспышками идут сигналы готовности. Я слышу искаженные скремблером и шифратором голоса: «Готов», «Готова», «На позиции», «Мы готовы», «Готов». Рапорты идут потоком.

Я осторожно отпускаю кровать, и приоткрываю окно. В проем врывается теплый, чуть влажный, насыщенный запахами воздух. Изготавливаюсь к стрельбе. Малышка сладко посапывает, накормленная из маленькой бутылочки молочной смесью, разогретой в горячей воде на кухне.

Ритм наполняет меня. Я привыкаю к нему, сливаясь с группой. Потом прикипаю к оптике.

Похоже, не только я во власти звука. По улице идёт девушка. Короткие шортики, волосы собраны в хвостик, маечка. За спиной внушительный рюкзак. На голове наушники. Она прижимает их к ушам руками, чтобы усилить и без того оглушительную музыку. От избытка чувств, вытянув перед собой руку, она щелкает пальцами, совершая вокруг них оборот. Эта картина отвлекает охранника от тихой скуки.

Засмотревшись, он не замечает молодого хмурого парня, идущего с другой стороны. Хмурый он потому, что сосредоточенный. Он тоже слышит музыку.

Девушка достигает входа чуть раньше. Охранник гото-

виться пошутить по поводу рюкзака, но она минует его, не обратив на него, ни малейшего внимания.

Когда она проходит мимо, он встречается с ней взглядом. Медленно-медленно, пока секундная стрелка борется с напором волны времени, он осознает, что что-то не так. В ее глазах он видит очерченную черту, и его рука ложится на автомат.

Я дожимаю спуск. Его отбрасывает к стене. Звук выстрела не слышно, только глухой удар, когда пуля, пройдя навывлет, ударяет в стену.

Девушка приближается к внутренней двери, расстегивая молнии рюкзака за спиной. Молнии вшиты по бортам, и когда она распрямляет руки в каждой из них пистолет.

Она подбрасывает один из них и толкает дверь, входя. Оружие на неуловимо короткое мгновение зависает в воздухе, но не падает. За спиной девушки хмурый парень протягивает руку как раз вовремя, чтобы поймать его за рукоять.

Служащие успевают лишь поднять взгляд и приоткрыть рот в глубоком шоке от вида, неожиданно появившихся перед ними вооруженных людей. Охранник внутри зала реагирует быстрее всех, пытаясь вытащить пистолет из кобуры.

Пара успевает занять позицию – девушка припадает на колени, взяв правую сторону, парень чуть за ней – левую. Они делают быструю серию выстрелов. Пять гильз падает на пол. Пять тел сползает, в ряд, как и стояли, на пол у стены.

Девушка замирает, удерживая сектор, парень движется к

кабинету руководства. Он появляется, толкая перед собой начальника отделения банка и секретаря.

Перед входом тормозит фургон. Из него выскакивают два человека в форме охранников банка и занимают позицию перед входом. Еще двое, одетые в рабочие костюмы, сноровисто пакут тело охранника в пластиковый мешок. Потом распыляют краску из баллончика, закрашивая пятно на стене. Полминуты и на улице не остается никаких следов. Поверх прицела я наблюдаю как «рабочие» ныряют в банк с охапкой пластиковых мешков.

Начальник отделения банка заторможено смотрит на пятно крови на стене. «Хмурый» останавливается перед ним. Пистолет он держит за спиной.

– Спокойно. Это ограбление.

Ждет пока в ошарашенное сознание человека просочиться эта мысль. Она дает тому точку опоры. Среди непостижимого хаоса он находит логику и частично приходит в себя.

Секретарь же давно лежит в обмороке на полу.

– Здесь везде камеры! Вы не можете...

Парень слегка толкает его назад. Тот ударяется спиной о стену и пытается съехать по ней вниз. Предплечье парня у него под подбородком не позволяет ему сделать это.

– Слушай меня внимательно. Если ты еще раз откроешь рот без разрешения я вот ей (он указывает на секретаря на полу) прострелю голову. Понятно?

Начальник невнятно мычит.

– Будешь отвечать только «да» или «нет». Если будешь вести себя, хорошо больше жертв не будет.

Деловитые парни за его спиной пакуют тело второго охранника, затем начинают разворачивать вместительные сумки. Девушка собрала гильзы и снимает украшения с тел у стены.

– Ты понял?

– Да, да!

– Отлично. Нас интересуют личные сейфы.

Глаза начальника отделения расширяются.

Я продолжаю следить за улицей, когда в сумерках группа покидает здание, унося с собой значительную сумму в наличных и ценных бумагах на предъявителя. И маленькую черную карту памяти, хранящую детальное описание проекта «Затмение». Шесть тел остаются лежать у стены.

Когда они уезжают, я подхожу к кроватке и встречаюсь взглядом с голубыми глазами ребенка. Девочка смотрит на меня в упор, как умеют только совсем маленькие дети. Удивленно, широко.

Я не могу улыбаться. Черта уже растворилась, но отдача уже здесь. Отдача в душе. Холодная черная фигура и маленький теплый взгляд.

– Спи. Все хорошо. Больше не будет страшно. Мама скоро

проснется.

Я пытаюсь коснуться ее рукой. Останавливаюсь на полпути. Лучше не надо.

Уходя, я оставляю начатую пачку в десять тысяч долларов в руке сладко посапывающей на диване матери девочки.

Будь счастлива.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: OCEANLAB – ASHES

Пепел... верни меня на землю...

Вода... дай жизни мне глоток...

Пепел... верни меня на землю...

Вода... дай жизни мне глоток...

Ночь. Я сижу на бетоне крыше и жгу доллары.

Не должно остаться никаких следов, следует избавиться от денег. А они горят очень плохо. Изображение на скрюченных в огне бумажках держится до последнего, пачки обгорают сверху, изнутри оставаясь нетронутыми.

Я поливаю их бензином и ворошу. Искры взлетают над головой как светлячки. И гаснут, не успевая стать звездами.

Есть термозаряд, после него не останется ничего кроме пепла. Но пока я просто смотрю на огонь.

Полмиллиона мне хватит на всю ночь.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: АКВАРИУМ – НЕБО ЦВЕТА
ДОЖДЯ

– Заказчик недоволен. Ходят слухи...

– Какие такие слухи, брат, оставь. Несомненно, это было простое ограбление. Стечение обстоятельств. Я бы не сомневался, что это работа израильтян, если бы не жертвы. Но даже Моссад не стал бы расправляться со свидетелями, не их стиль. Совершенно ясно, что это были грабители. Они даже не поймут, что попало им руки. Нам не повезло.

– Знаешь, брат, иногда мне кажется, что их Бог иногда просыпается, чтобы подкинуть им подарок (смех). Неисповедимы пути Аллаха.

Да поможет он нам покарать этих собачьих детей. У нас еще будет возможность. Будь здоров, брат.

– Всё сработало великолепно. Только благодаря вашей разработке мы смогли перехватить всю переписку и расшифровать материалы в кратчайшие сроки. Мы планируем расширить ваше финансирование.

– Да, это гораздо лучше, чем бот сети, которыми мы располагали ранее. Уже сейчас число вовлеченных в пулы Bitcoin машин расширяется по экспоненте. Рано или поздно она станет действительно мощнейшей в мире.

–Идея построить криптоаналитическую сеть на человеческой жадности – просто гениальна. Осталось придумать, как построить такую же, но на сексе.

– Жадность – надежнее.

...Планы развертывания в Польше и Чехии американских объектов противоракетной обороны в течение нескольких лет привлекают пристальное внимание как специалистов, так и широкой общественности в России и европейских странах. Особую остроту проблема приобрела в 2007 году, когда американцы в одностороннем порядке перешли от намеков о возможности развертывания противоракет и радаров в Европе к практическим шагам по воплощению в жизнь этой проблемной во всех отношениях затеи. Из информации, которая время от времени появляется в СМИ, становится известно, что уже проводятся геодезические и рекогносцировочные работы на месте дислокации объектов, стартовали переговоры с правительствами Чехии и Польши по подготовке соответствующих соглашений о правовом статусе этих объектов.

В то же время в Европе начинают понимать истинный смысл слов российского президента на Конференции по безопасности в Мюнхене о том, что развертывание объектов ПРО в Европе – это начало формирования на континенте совершенно новой стратегической ситуации. Нынешние планы Пентагона превосходят действия, предпринятые даже в период холодной войны. Никогда прежде объекты стратегического потенциала США не располагались за пределами национальной территории, в такой близости от российских границ...

ГЛАВА 17. ЭТОГО ДОСТАТОЧНО

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: MANDALAY – IT'S ENOUGH NOW

Личное сообщение форума 4game.ru

От: Вспышка

Кому: Кирика Накамура

Дата: 15 июля 2008 года

Текст сообщения:

Главная идея тут, как я тебе писала, это мой рост. Моя жизнь от ненависти до желания погрузится в каждого человека. Достать из него то, живое и доброе, что жизнь заталки-

вает ребенку глубоко внутрь. Ненависть – презрение – жалость – понимание и желание помочь расти.

Получается плохо. Ты в 2 строчки вложила смысл целых фолиантов. А я так не умею. Может, на четверку потяну.

Если уж дошло до того что я выдираю листки из своих 20 летних дневников и пытаюсь втиснуть в несколько страниц – лучше чтобы это оценил мастер. Как доберусь, до какого интернет кафе я прочитаю. Как осудишь, так и приму.

Читаю и не верю, что кто-то поймет. Может быть, надо прожить жизнь, чтобы понять человека?

15 июля 2008 года. Граница Ирака и Ирана.

Американские военные напоминают мне перекачанных колобков. И парни и девушки коротко стриженные, с мощной шеей и накачанными бицепсами. Они все чем-то похожи. Многие из них пришли в армию из бедных районов. Без образования, без перспектив, без иллюзий. Но всё равно, внутри они такие же разные, как и все люди.

Полковник за нас явно переживает.

– Мы доставим вас к самой границе, а дальше не пойдем. И если что, поддержки мы тоже оказать вам там не сможем.

Сергей спокоен, как и всегда.

– Мы справимся. Спасибо за помощь.

Я стою, прислонившись к БМП, и улыбаюсь. Полковник ловит эту мою улыбку и задумчиво меня разглядывает. А я улыбаюсь ему. Я рада, что в этой горе мускулов живет человеческое сочувствие. Что оно не исчезло, не растворилось в ужасе и тоске войны. И, вспоминая пафосные американские фильмы, прикладываю два пальца к козырьку. Он вдруг улыбается в ответ. Какая лапа.

Горы. Я внутренне радуюсь – здесь так красиво. Зеленые склоны, сиреневое небо без облаков. Заходящее солнце. Beautiful.

Я улыбаюсь.

Группа карабкается по склону. Все устали, а на привал надежды нет, они на самой границе.

Сергей сверяется с картой и снова упорно лезет вверх. Ничего не говорит – верный признак, что он в напряжении. Мелкие камешки срываются из-под его ботинок.

Юля идет в конце колонны. Ей как всегда легче всех, ведь она без бронежилета. Вот она оборачивается, чтобы взглянуть назад и поторопить отстающего. Сергей видит её со спины.

Ближкий выстрел. Ее бросает на дерево. Слева, под лопаткой, в форме расплывается пятно.

– СНАЙПЕР!

Отряд ныряет за укрытия. Пули бьют по стволам и камням, прижимая к земле. Команды отдавать не надо и почти сразу в небо устремляются две дымовые из подствольников. Детонируют, но пока дым закрывает их от стрелка, пройдет еще минута, а время утекает.

Ветер треплет дым. Юлия судорожно дергает рукой. Эта неловкость так не идет ей. Он сжимает зубы, не способный помочь. Как же так.

Она тратит последние силы на то, чтобы перевернуться на спину. В карих глазах отражается небо. По губам течет кровь.

Дым сгустился достаточно, и они бросаются вперед, двигаясь короткими перебежками. Когда майор приближается к ней, что-то черное отступает в сумрак. Он вскидывает автомат. Собака? Нет, показалось. Неважно. Он взваливает её на плечо.

Ребята порываются преследовать стрелка. Он рычит: «Назад, вы никого не найдете. Только подорветесь на растяжках. Уходим!»

Последний зверь последнего пути -
Собака? – я не знаю, может, может...
Твоей души последнее прости?

Или – намек невежливым прохожим?

Они отступают по склону вниз, слыша далеко позади шум преследования. Несмотря на хорошую форму, Сергей начинает задыхаться. Так они не оторвутся, у него нет выбора. Ссыпавшись под нависающую скалу, он тормозит.

– Пластид сюда.

Бережно опускает тело у основания. Замирает, не сводя с нее взгляд. Вытаскивает из кобуры пистолет и вкладывает ей в руку. Долго мнет взрывчатку.

Взрыв обрушивает тонны камня.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: ЗЕМФИРА – ЖИТЬ В ТВОЕЙ ГОЛОВЕ

Настанет день, уйду и я,

Туда, где льется свет.

Оставив в ящике стола,

Ненужный пистолет.

Оставив боль, любовь, друзей,

Войну и тишину.

И море, что людей сильней
И ветер и луну.

Я потянусь к единству душ,
И слившись с пустотой,
Пойму, что не готова я
Принять еще покой.

Спрошу – ответьте, помогите мне,
Понять, что сделано не так.
Услышу – посмотри сама
И ты увидишь знак.

И погрузившись вглубь себя,
Приму что знаю я,
Что обманут себя – никак,
Что не готова я.
Приняв спокойствие забыть
Что не могу летать.
Что научилась я любить,
Но все же, не прощать.

Тогда, возможно, новый человек
Появится на свет.
И только в голубых глазах
Мелькнет прожитый век.

– Юля. Ты смерти боишься?

Задумчивый взгляд черных глаз.

– Я не боюсь. Потому, что смерть не может бояться смерти.

– Ответь.

– А что ответить? Ты же сама можешь ответить. Задай себе правильные вопросы. Что ты создаешь? Что ты приносишь в мир? Что ты дала ему?

– У нас не будет детей?

– И это тоже. Это – самое простое. Мы ведь только разрушаем, проще простого. А можешь ли ты создать? Тебе нравится Земфира, почему она такая психованная? Она создает. Что-то новое, чего не было раньше, а люди не понимают. А могла бы работать музыкальным критиком. Это просто.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: AVRIL LAVIGNE – SLIPPED AWAY

Сергей появляется на пороге.

Привычно кружится в воздухе пыль. Люминесцентные лампы делают вид, что несут свет. В помещении много лю-

дей. Они бродят от стола к столу, треплются между собой и прикидываются, что они заняты чем-то полезным.

Сереза стоит на пороге и молчит. Кто-то радостно машет ему рукой. Кто-то подскакивает с новой игрушкой. А он ни на что не реагирует. Он где-то в себе. Ребята начинают поворачиваться к нему.

Разговоры замолкают – мы же почти семья, мы чувствуем друг друга. Я тоже замечаю его, и что-то торкает в груди. Повисает тишина.

– Юля погибла, – Ровным глухим голосом сообщает он. Будто бы про что-то постороннее. Эмоций никаких. Начинает невнятно бубнить про группы и ротации.

С глухим хрустом ломается рамка стола. Магазины съезжают и с грохотом падают на пол. Патроны рассыпаются. Врам-врам-врам – кататься по полу, натыкаясь на металлические ножки.

Я ничего не вижу. У меня в руках остался кусок дерева, но я этого не замечаю. Сергей, до того старается не смотреть на меня, начинает: «Котенок, слушай...». Я останавливаю его жестом.

Тишина. Я иду к двери и протискиваясь мимо него. Он даже не пытается меня остановить. В душе нарастает глухая рвущая боль. Она толкает меня все сильнее. Я бегу от нее.

Заскакиваю в лифт. Боль кидает меня на стенки, я стучусь как птица о стекло. От стенки к стенке. Коридор, свет в конце. Яркое заходящее солнце. Катана не хочет заводить-

ся. Я слишком дергаю. Дергаю. Наконец удаётся. Выезжаю на красный и подрезаю машину на левом повороте, не слыша клаксонов. Проезжая мост я ощущаю вибрацию телефона и отчаянным движением отбрасываю его от себя. Набираю скорость.

Небо высокое-высокое. Больно-больно-больно. И не помогает выжать газ на максимум. Как бы сильна не была мне не поднять этот груз. Как бы стремительны бы не были мои движения я не смогу обогнать глухую тоску. Как бы смертельна я ни была, я не могу уничтожить её. Я могу так много и НИЧЕГО не могу.

Горючее кончается где-то у Димоны. И я бегу пока хватает сил. И только упав у какой-то заправки, я, наконец, нахожу силы завывать.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: THREE DAYS GRACE – GET OUT ALIVE

"Нет времени прощаться", сказала она,
Уходя прочь.

"Не доверяй свою жизнь кому-то другому,
Они обязательно украдут ее,
Не прячь свои ошибки,
Потому что они найдут тебя, сожгут тебя..."

Потом она добавила...

Если хочешь выбраться живой,

Беги...

Если хочешь выбраться живой,

Спасайся бегством...

"Это последний раз", – сказала она,

Уходя прочь...

"Трудно представить,

Но однажды ты закончишь так же, как я..."

Потом она добавила...

Если хочешь выбраться живой,

Беги...

Если хочешь выбраться живой,

Спасайся бегством...

Если я останусь, то ненадолго,

Пока не сгорю изнутри...

Если я уйду, то смогу только надеяться,

Что я доберусь до противоположной стороны....

Если хочешь выбраться живой,

Беги...

Если хочешь выбраться живой,

Спасайся бегством...

Если я останусь, то ненадолго,

Пока не сгорю изнутри...

Если я уйду, то смогу только надеяться,

Что я доберусь до противоположной стороны....

Если я останусь, то ненадолго,

Пока не сгорю изнутри...

Если я уйду...

Горю изнутри

Горю изнутри!

Горю изнутри!!

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: FLEUR – ФОРМАЛИН

Взлетное поле. На китбэгах сидят ребята. Сергей чуть в стороне с телефоном в лапе.

– Не делай из меня идиота! Она в туалете, она вышла купить колу, она забыла телефон! Я что, debil? Если она не появится к отлету, я лично отдам приказ и ты! ТЫ его выполнишь. Понял?

Эмоции нарастают, и микрофону телефона грозит смерть от крика раньше, чем всему аппарату от столкновения с ас-

фальтом. Кто не видел разгневанного израильянина, тот не знает смысла слова гнев.

Котенок появляется из-за спины Сергея как тень и хлопает его по плечу. На ходу показывает «сворачивайся» жестом. Тот закрывает телефон, и крик на том конце линии захлебывается. Не останавливаясь, она проходит мимо группы, задумчиво изучающей её и, не снижая шага, уходит к С-130 на полосе.

Группа переводит взгляд на майора. Немой вопрос написан на их лицах. Он смотрит ей вслед долго-долго. Что-то решает. Потом закидывает китбэг на спину, и вся группа расхватывают сумки.

Чтобы не отстать от нового командира «каф хэт».

ГЛАВА 18. СПОКОЙНАЯ БУХТА

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: SHIZUKA ENDO – KIMI GA KURETA MONO

От скуки и одиночества, я стала играть в MMORPG. Мне надо было заполнить чем-то вечера.

Как раз тогда в России объявили о локализации «Идеального мира», и я с головой погрузилась в бессмысленное уничтожение монстров. Так проходили дни и, со временем, мне стало настолько скучно одной, что я вступила в первую попавшуюся гильдию, дабы просто пообщаться с людьми.

Гильдия оказалась маленькая, но было весело. Там было кем поспорить. В какой-то момент лидер заявил нам, что договорился о слиянии с другой, большей гильдией. Так в моей жизни появились **ВОЛЬНЫЕ**.

В описании нашелся список целей гильдии:

Объединить любителей MMORPG.

Помочь найти Друзей, разделяющих Ваши взгляды.

Быть территорией спокойствия, которой некоторым не хватает.

Дать возможность чувствовать себя комфортно.

Создать клан-оазис среди моря кланов.

Стать сильным и развитым кланом.

Оазис? Клан без войны в бушующем, воюющем мире? Что за бред. А на следующий день после вступления со мной связанался мастер **ВОЛЬНЫХ**.

– Вас рекомендовали на пост маршала гильдии.

– Да какой из меня маршал?

Я просто хотела бездумно проводить время. Но он меня уговорил.

Маршал гильдии в «Идеальном мире» – это военачальник, тот, кто помогает лидеру гильдии вести войну кланов. И надо же такому было случиться, в этот самый момент другая гильдия потребовала от нас отдать название. Они грозились начать войну и жестоко истреблять нас по всему миру. Вольные? Что же в этом слове, что ради него они хотят убивать?

Я восприняла всё это буквально и развила бурную дея-

тельность. Разработала тактический план, подсчитала расходы, вычертила диаграммы и пошла с этим всем к мастеру.

– Нет, – ответил он, подумав. – Ты ведешь мой клан куда-то не туда.

Я растерялась. Я не понимала его. Нельзя жить без войны, когда кругом бушует смерть. Вся моя жизнь была доказательством этой истины.

– Можно. И нужно.

Почему-то, на миг я вдруг увидела перед собою тень своей подруги. И поверила ему.

Не отвечайте агрессией, на агрессию, старайся понять другого. И твои враги, станут твоими друзьями. Это работало. Я побеждала их и разговаривала с ними. Я умирала и разговаривала с ними. Многие из тех, с кем я подружилась, когда-то были моими врагами. В мире, предназначенном, чтобы убивать и покорять, можно жить без войны и быть счастливым. Именно тогда я осознала, что ролевые игры – главное достижение человечества после изобретения электричества. Ведь они подарили нам возможность жить в других мирах, другие жизни.

Шли годы, в гильдию приходили люди. И все они были выдающимися, чистыми, талантливыми. Они шли на свет этого места. Глядя на этих молодых ребят, я поверила, что живу не зря.

Благодаря "Вольным", я смогла сделать то, что не успела Юля.

Как здорово, что мы всё смогли встретиться.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: AC/DC – HAVE A DRINK ON
ME

Я отодвигаю от него кофе и упорно подсовываю телефон под нос.

– Ну, давай, напряги мозг. Какой смысл в твоих мускулах, если в голове ничего нет?

– Слушай, иди ты... К аналитикам. У них башка большая пусть они и думают.

Аналитики? О, а это мысль!

Дверь в аналитический отдел самая прочная во всем здании. Три пуленепробиваемые герметичные секции, отдельная стойка охранника. Приходится прорываться через все эти проверки.

Внутри прохладно, даже холодно. Гудят мощные вытяжки под потолком, мерцают ряды экранов. Десяток операторов наблюдает за ними. Не думайте – это очень тяжелая работа. Они сидят так по тринадцать часов. Постоянно находятся в напряжении и полной концентрации.

Прохожу дальше. Меня здесь знают, я иногда захожу к Габи.

Габи сидит перед большим экраном, закрыв глаза, и слу-

шает музыку. Это он так размышляет. Перед ним на экране карта мира, помеченная массой росчерков и кружков – он их рисует поверх изображения. Хлопаю по плечу. Он приоткрывает глаза и скашивает на меня. Забираюсь на стол перед ним и отбираю наушники. Ого!

– Классику слушаешь?– играет AC/DC.

– Угу. Необычно выглядишь,– замечает он.

Ощупываю голову, вроде всё в порядке.– Что, растрепалась?

– Нет, оттенок изменился.

– А, так мне скоро на дело. Новый образ. Нравиться?

– Ничего так. Хотя красный был лучше.

– Это был темно бордовый!

– Да? Ну, ладно. Чего пришла?

– Что, я просто так зайти не могу?

– Угу, в прошлый раз ты зашла «просто так» когда тебе нужны были данные по химической промышленности Китая.

– Ну не бурчи. Вот, соседский мальчик задачку принес. Билась над ней полдня, всё время прихожу к уравнению третьей степени.

Показываю ему на телефоне снимок проблемы. Он думает не больше трех секунд и выдает:

– Прими 5 за игрек и реши относительно него. Выйдет квадратное уравнение.

Тупо смотрю на пример. Цифру за переменную? Он мне

предлагает вывернуть уравнение наизнанку! Хватаю с его стола какой-то документ и начинаю решать на обратной стороне.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты гений?

– Каждый день говорят, – он щуриться. – Слушай, пошли вечером куда-нибудь?

Я сосредоточено чиркаю листок бумаги расчетами. Ух, всего-то восемь строчек!

– Ага, давай у Гамбринуса? В девять.

– Договорились. Куда потащила?! Там же «соди бэйотер»!

– А? Извини, – копирую листочек и возвращаю ему назад оригинал.

– Не забудь.

– Не забуду, – я убегаю.

У Габи совсем не красивое лицо, но это не так важно. Он умнее меня. С ним интересно.

... "Африка нуждается в промышленных реформах, через которые прошел Китай три десятилетия назад. Это даст возможность странам континента стать крупнейшими производителями товаров, а не только экспортировать ресурсы", – отметил он. При этом Чжэн Юэвэнь добавил, что данная инициатива "позволит китайским компаниям переместить

часть своего производства на территорию Африки".

Председатель КАДС подчеркнул, что сейчас там базируются более 550 китайских предприятий.

В прошлом году товарооборот КНР с государствами континента составил \$200 млрд, а китайские инвестиции в экономику стран Африки превысили \$17 млрд...

В мире происходят процессы, которые мне как простому обывателю не видны. Государства ссорятся и мирятся. Возникают революции, падают режимы. Но если бы я была в курсе, меня поразил бы накал страстей под поверхностью мутной воды. Стая акул бесконечно рвет там мясо, хлещет кровь и деньги. Бесплезная власть и не нужная сила вытекает из ран.

ГЛАВА 19. ТОЧЕЧНЫЙ УКОЛ

Премьер все ещё боялся ночных звонков. Прошли годы, ничего особенного не происходило. Но он почему-то чувствовал, нет, даже был уверен – придет день, и телефон зазвонит. Когда мы видим политиков на экране, у нас порой складывается впечатление, что они особенные, не такие как мы. Кто я и кто – он. Но, это – иллюзия, это – не так. Однажды телефон зазвонил.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: HYBRID – FINISHED SYMPHONY

Симфония («созвучие, стройное звучание, стройность»)

музыкальное произведение для оркестра.

Как правило, симфонии пишутся для большого оркестра смешанного состава...

Март 2010 года. Побережье Средиземного моря.

Пара самолетов неуловимыми тенями рассекает небо.

Наземные службы фиксируют цель в воздушном пространстве Турции. Запрос-ответ. Идентификационные коды соответствуют маркерам ВВС Израиля. Запрос, запрос, запрос, запрос, запрос... Пилоты не отвечают. На этой скорости им нужно меньше часа до цели.

Сбить? Ситуация непонятная и никто не хочет брать на себя ответственность. Израиль – не член НАТО, но Израиль же. Тем более для Турции, он стратегический союзник. Пока военные пытаются согласовать действия, нарушители прорываются через воздушное пространство Болгарии, Греции и Румынии. Достигнув Венгрии, они меняют курс и движутся прямо к Будапешту.

Самолеты радиоэлектронной поддержки достигают зоны покрытия сотовой сети и резко разворачиваются, заходя на

новый круг.

Тридцать операторов дистанционно активируют электронику. Стремительно щелкают клавиши. База данных выдает ключи.

За несколько секунд электронное оружие прорывается сквозь бэкдоры в локальных маршрутизаторах, открывая доступ во внутренние сети.

Срабатывают закладки в системах управления дорожным движением и камерами наблюдения на автострадах. Берутся под контроль сотовые операторы и интернет провайдеры. Взламываются серверы мэрии и системы полицейского управления.

Карты на столе. Результат многих лет работы разведывательных служб приносятся в жертву одному телефонному звонку. Но оно стоит того, чтобы пойти ва-банк.

Сложнейшее оборудование, уникальный код. Камеры, спутниковые трансляции, картинка с оптики движущихся самолетов сливается в мощный поток данных. Данные систематизируются, анализируются и обрабатываются. На экране вспыхивает ответ: «Двенадцать совпадений». Люди помогают умной машине. Человеческий разум вычленяет среди двенадцати маркеров один единственный, но так необходимый.

Автомобиль резко тормозит. Что за черт? Зеленый свет неожиданно сменяется красным. Он нервно стучит пальцами по пластику. Замечает двух молодых людей соскочивших

с мопеда. Парни приближаются к машине сзади, он следит за ними в зеркало. Внезапно и синхронно в их руках оказывается оружие. Не снижая скорости, они открывают огонь. Мелкокалиберные пули дырявят машину, убивая торговца информацией на месте. Парни забирают из машины черный дипломат и исчезают, оставив оружие на асфальте. Через десять минут чемодан, сменив несколько владельцев, оказывается в белом, обшитом изнутри фольгой фургоне.

Дело сделано. Самолеты разворачиваются и уходят на базу, так и не ответив ни на единый запрос.

Президент США Барак Обама нанес неожиданный визит в Афганистан. Об этом 28 марта сообщает Reuters.

Самолет президента приземлился после непрерывного 12-часового полета в аэропорту Баграм, после чего Обама на вертолете был доставлен в резиденцию президента Афганистана Хамида Карзая.

Пролетев полмира, потратив 20 часов, Обама пообещал, что будет способствовать укреплению отношений между двумя странами. Также президент напомнил, что целями союзников по афганской кампании являются укрепление авторитета властей, гарантии соблюдения закона... Надо подарить ему телефон...

ГЛАВА 20. ЖИВИ!

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: КИНО – СПОКОЙНАЯ НОЧЬ

«После окончания Второй мировой войны, в мире ещё не происходило таких масштабных и обширных беспорядков»

Ши Цзяньсюнь

Весна 2011. Чехия.

Небольшое кафе на улице у дороги. Людей не много, хорошая еда. Великолепное мороженое. Иногда по улице проезжают повозки с парой лошадок.

– Число беженцев всё продолжает расти. Люди отдают всё, рискуют жизнью, чтобы перебраться в Европу.

– Их же не достаточно, чтобы изменить культуру?

– Они не меняют культуру, они её подавляют. Давай посмотрим на расклад. Перебравшись на новое место, беженцы из северной Африки формируют замкнутые группы. Они не вливаются в общество, не имеют никаких прав. Никак не участвуют в местной жизни. Даже в другой стране они продолжают жить по собственным законам.

– Но их мало.

– Дело не только в них. Ислам – религия бедных. Эти люди живут в тяжелейших условиях. От безысходности они все больше радикализируются. Работу они находят в самом низу пирамиды и там контактируют с самой низшей частью европейцев. Это до люди без денег, без образования, без надежды. Ислам легко проникает в эти слои.

По всей Европе плодятся радикальные вербовочные центры.

– Вроде как быстрорастущие тоталитарные секты?

– Да, похоже. Рост населения Европы местами отрицательный. Да ты оглянись вокруг – в этом городе больше половины зданий заброшены. Пришельцы же делают по 10 детей. В условиях демократии они смогут начать доминировать уже через 20 лет.

– Европейские политики их поддерживают.

– Еще бы, это же такой электорат. Они организованы, политически активны. Исключительно жестоки, беспощадны к врагам. Неугодных банально уничтожат физически, этим людям плевать на западные ценности. Они убивают за картинку в газете! А полиция связана по рукам и ногам испуганными политиками.

– А национализм?

– То здесь, то там будут появляться стрелки. Какой-нибудь горячий испанец приедет в мусульманский квартал и будет стрелять. Или устроит взрывы. Это всё ерунда. Через десять-двадцать лет начнёт подниматься уровень моря. Кли-

мат уже меняется на глазах. Засухи и наводнения приведут к голоду и усилят миграцию. Мир, каким мы его знаем, исчезнет очень и очень быстро.

– Не хотелось бы это застать.

– Застанешь. Европейские аналитики успокаивают население, мол всё это коснется только развивающиеся стран. Вот только рак уже распространился по Европе.

– Депрессивная картина у тебя выходит, Габи.

– С тех пор, как американцы решили ускорить процесс, мы считаем ситуацию постоянно. И каждый раз всё выглядит ещё хуже.

– Говорят, потеплению климата – было дезинформацией, якобы ученые сговорились.

– Они изо всех сил стараются выиграть время. У кого глаза есть, сами всё видят.

– Ислам в Европе. Американцы сами не бояться того, что делают?

– Их волнует Китай. Чем-то они должны его сдерживать.

– Ну, хорошо. А нам что делать? Уехать в Сибирь? Купить дом, автомат калашникова, завести собак и держать оборону?

– Зачем Сибирь? Можно посчитать зоны, наименее подверженные влиянию климата и моря. Центрально-Чернозёмный район России, например. Или Аляска. Южная Америка.

– Аляска?

– Она скоро отгадет. Хотя, наверное, уже поздно. Китайцы

уже скупают там участки, чтобы начать выращивать пшеницу.

– Сергей, а что было у тебя на последнем тесте?

– Да ерунда, ничего особенного.

– Не хочешь говорить?

Он усмехается, но как-то недовольно. Видимо, воспоминание неприятное.

– Меня заставили играть в поддавки.

– Чего?

– Челюсть подбери. Поддавки, игра такая.

– И что?

– Я выиграл.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: ДДТ – ЭТО ВСЕ ЧТО ОСТА-
НЕТСЯ

Иногда случается, что судьба многих зависит от одного, конкретного человека, даже если он об этом не просил, этого не хочет и более того об этом даже не подозревает. Он просто – пассажир. Корабль вышел из порта А, другой, навстречу ему из порта Б. Через какое время они встретятся? Никогда.

Восточное побережье Африки. Шельфовые воды. Февраль.

Небольшой финский рыболовный траулер почти неслышно покачивается на волнах. Так не заметно, но если встать посередине чувствуешь, как он чуть заметно наклоняется вперед назад. Ночь. Тишина.

Тепло. Одиноко горит лампочка у кэпа в рулевой.

Чтобы прочитать, Сергей зажигает фонарик у меня над ухом. Я смотрю на снимки. Потом приказ. Майор, заглядывая мне через плечо, хмыкает и гасит свет.

– Это безумие.

– Нет других вариантов. Нет времени.

– Там десятка два человек.

– Они знают. Мы знаем. Легче не станет.

– Неужели.

Он, похлопывая ладонью по металлу, уходит к каютам.

– Ты командир. – Бросает он спиной.

Наверное, он действительно так думает, поскольку при-
таскивает баул с амуницией.

Ломает стик и бросает его на палубу. В призрачном зеленом свете начинает вынимать из сумки содержимое. Железо, порох, пластик, медь, пластид, сталь, дерево, стекло. Есть что хочешь, а толку мало. У меня идей нет.

– Может, потопим его к чертовой матери?

– Нельзя. Да и как ты это сделаешь? Они быстро двигаются. На моторке подкрадешься и повесишь мину? А если не утонут? Мы же не 13-ая флотилия. Второй попытки нам не дадут. Без тренировки ты его не потопишь.

– Твою душу мать, сестренка. А что мы будем делать? Может военных попросить. Тут же много караванов.

– Да кто тебе будет помогать? Они увидят пиратов и мимо пройдут – лишь бы своих не трогали. Времени нет ждать.

Смотрю в темноту. Море серебрится призрачно и немного нереально. Где то там два судна, которые идут на сближение, но встретиться не должны. Всплывает воспоминание о школе. Судно А вышло навстречу судну Б. Скорость и расстояние.

– Мы будем делать то, что умеем. Там борт метра три, забраться можно. Они идут быстро. Догоним и попробуем пока темно. Если пробиться в машинное или к топливу, можно остановить эту штуку и бросить. Пусть с ними эсминцы разбираются. Главное их остановить.

Сергей прикидывает в уме. Долго-долго качается на носках пятках. Поворачивается.

– Это возможно. Но их там много. Если нас заметят, взрываем и прыгаем. Нас подберут, тут совсем не далеко, найдут. Дадим финнам коды, они свяжутся. Но мы – психи.

На этой оптимистичной ноте появляется Дани. Он спокойно дрых. Ему просто. Молча садится рядом с Сергеем и начинает подбирать себе оружие. Ничего не спрашивает. У

него было в детстве обычное русское имя, но приехав в страну, он стал Даниэлем. Красивое имя. Данила. Он с нами года два. Но он молод. Он такой живой и не уставший. А у меня нет людей. Мне не из кого выбирать. Юля-Юля, почему ты мне не сказала, что будет так трудно.

Короткий G-36С, МР7. Гранаты, коммутатор. Обоймы. Фонарик. Нож. Вода. Больше ничего. Все в пластиковых пакетах.

Молча появляется капитан. Он такой жилистый мужичок за сорок. Невозмутимый. Спокойный какой-то.

– Сколько надо времени, чтобы догнать их?

– Часов пять.

Как раз под утро.

– Сбросишь нас и уходи. Не маячь там – место беспокойное. Пошлешь координаты, где сбросил – нас подберут.

– Да я могу подождать.

Смотрю ему в глаза. Он спокойно выдерживает взгляд. Вот человек, который романов не читал. А толку от него побольше, чем от академиков. И понимания.

– Не надо. И ты никого не видел и никого не высаживал.

– Не надо, так не надо.

Сергей достает последнюю коробку и застегивает баул. Подходит к борту и, не напрягаясь, отправляет его к рыбам. Мало ли на дне мусора.

– Всем спать. Кэп нас разбудит.

Во сне я вижу серую равнину. И бегущих волков.

Ближе к утру кэп показывает мне в бинокль судно. Они тоже идут без огней, но мы знали, где искать.

Раннее утро. Мы загружаемся в надувную лодку. Махаем хмурому матросу и отчаливаем. Мокрые брызги летят в лицо, заставляя жмурится. Поворачиваюсь к Дани. Он сосредоточено расслаблен. Мне бы так. Щелкаю переключателем.

– Сводим, обычный трек, три два раз. – В наушниках рождается звук приглушенный окружающим шумом. Но мы слышим. Что-то просыпается во мне. Холодный неприятный жестокий зверь. Это тело чувствует, что сейчас ему дадут власть. Так учили: очерти черту – здесь друзья, там враги. И пусть душа спит.

Всматриваюсь в темноту – приближаемся. Неожиданно быстро догоняем высоченный исполин в океане. Нереально лишний тут. Неподходящий. Идем вдоль борта. Сергей поднимает арбалет. Пропускает шнур. Зашелкиваюсь на нем и передаю конец Дани.

Сергей прицеливается и стреляет. Патрон с глухим шмаф выстреливает покрытую резиной кошку над краем борта. Хорошо, что осадка низкая, а то фиг бы что вышло. Рывок и

мы втроем в воде. Моторка исчезает. НИХРЕНА И НЕ ВЫШЛО. Держу дыхание в соленой и неожиданно не теплой воде. Полный абзац, и мы в нем завязли. Никогда не любила воду.

Выныриваем вслед за судном и ударяемся об борт. Лестница держится. Все путем. Сергей мощными рывками начинает выбирать. Времени нет совсем – если кто заметил, то нам точно ****ец на месте. Никто не штурмует корабли в море. Кроме нас.

Выбираюсь выше. Вода уже не достает. Висим в темноте – противника не видим. Сергей уже почти наверху. Рыком снимает пулемет с плеча и сдергивает чехол. Он 120 кг мышц и тренировки. Зажимает ремень в зубах. И хватается за борт. Секунда и он наверху. Я жму за ним. Он там один. Борт рывок. Послушные мышцы выносят меня. Ноги. Приклад прижимается к щеке. В ушах ритм. Три–два-три – два – три-два. Красивая музыка, которую слышишь костями черепа, самим мозгом. Без ушей. Не слышишь, чувствуешь ее.

За спиной приземляется Дани. Тишина. Мы прошли.

Касание рукой в плечо,
Что значит – ты не одинок.
И в незнакомой темноте
Ты можешь доверять спине.

Мы не думаем. Время разорвалось на короткие мгнове-

ния. Теперь мы единый организм. Вода тихо скользит вниз по моим ногам.

Свет звезд. Движение. Поворот. Проверь угол. Целей нет. Двери слева. Автомат за спину в руке треугольник металла. Лестница на верхнюю палубу. Нам туда. Дверь. Коридор. Прицел. Человек. Труп. Я мягко перепрыгиваю через него. Левое плечо. Коридор. Легонько дергается автомат. Вниз. Человек. Труп. Кровь легко на стене, лениво вниз. Быстрее. Времени нет.

Приглушенно горят лампы.

Машины. Мой ствол в танце уходит налево. Дани назад. Сергей сдирает упаковку, ставит заряд. Детонатор, рывок, шнурок, поворот, щелчок. Музыка. Все. Дверь открывается. Труп. Звонко бряцает французский автомат. Бабах. Звон разносится по всему кораблю. Шум голосов. Дани прыгает к двери и закрывает замок. Другая дверь. Теперь мы на другом борту. Голоса вспыхивает свет. Потому мы без ПНВ. Свет всегда может загореться неожиданно.

Сергей сталкивается с человеком в двери. Рывком забрасывает его внутрь, вынимая нож. Две секунды и он отступает назад. Ножа больше нет.

Плечом открывает дверь – палуба. Чуть выше, чем мы забрались. Сергей разворачивается направо. Там сверху люди. Пули бьют по настилу. Он отвечает длинной очередью, заставив тех наверху отойти. Я скольжу по полу, перекачиваюсь и забираю левый проход. Дани отступает назад из двери.

В голове пустота, но тело кричит мне – ушли.

Очередь позади. И чувствую спиной, что Дани падает на живот. Так неловко. Им не надо подставляться под очередь ведь они выше. Сверху по ступенькам прыгают гранаты. Как неуклюжие черные мячики.

Эту секунду я помню. Помню. Теперь плачу. Ведь можно же теперь?

Темнота. Дани, повисший на борту, весь в крови. Гранаты, отбивающие такт. Я слышу их, они не гармоничны. Всё. Я могу сделать рывок назад.

У меня еще полторы секунды пока мы живы. Но здесь мое звено. И Я НЕ ХОЧУ БОЛЬШЕ НИКОГО ТЕРЯТЬ. НЕ ХОЧУ!

А Сергей? Сергей принял решение так, как принимал их всегда. Он прожил долгую жизнь. Видел разные места, знал множество людей. Он помнил так много, хоть и не любил рассказывать. И всё понимал. Я уверена, он с самого начала продумал всё и за себя и за меня. Нас натаскивают делать это автоматически – считаешь все возможные варианты и решения. Когда приходит время не нужно думать. И потому, ему хватило той секунды. Он схватил меня за шкурку и выкинул за борт.

Падая, я видела вспышку в ночи. «ДУМ» и свет на секунду разрывает ночь. И все. Никаких следов.

Он никогда не бил меня в полную силу. А я? Я – все еще глупый котёнок. И всегда им буду, как бы сильна я не была.

Падая в ночное море, я лишь увидела вспышку. Увидеть, всё что я могла.

Вода. Теперь я не могу ничего. Но мое тело обучено выживать, и оно выныривает автоматически. Цифры добегают до нуля. Судно вздрагивает. Машины умолкают. Я чувствую его громаду рядом. Пусть винты не гонят его вперед, но остановить такую массу нельзя сразу. Когда я переворачиваюсь на спину, мимо проходит корма. Мы медленно уходим друг от друга. Прошрое от будущего.

Где-то далеко от меня маленький кораблик кренится на левый борт и уходит под воду. Сильное течение дергает меня, накрывает волной, и я хлебаю воды. Жилет упорно разворачивает головой вверх. Меня тошнит. Я плыву в темноте, и никто не придет. Тишина и океан. Светлеющее небо. Кому я нужна? Те, кому я была нужна, теперь просто вспышка на глазном яблоке.

Где-то среди шума воды я слышу голос: «Живи, Котёнок! Живи!»

Я отключаюсь.

Свет больно режет глаза. А я и не хочу их открывать. Пошли все на ***. Буду спать. Я чувствую запах крахмаленного белья. Знакомый добрый запах. Но меня дергают и тянут за руку. Катетер делает мне больно. И я недовольно мы-

чу. В горле хрипит. Неприятно сглатывать. Холодно. Жарко.

Я пробыла в воде несколько часов. Меня подобрал, случайно оказавшийся там, финский траулер с немолодым, выдавшим виды капитаном.

Потом было воспаление легких. Сколько еще надо придумать человеку болезней? Надо делать операцию. Кровь в горле. Кровь в желудке. Я ем кровь. Вижу кровь. Чувствую кровь во сне. Я – инвалид.

ГЛАВА 21. ДОЖДЬ СМЫВАЕТ ВСЁ

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: POETS OF THE FALL –
WHERE DO WE DRAW THE LINE

Зачем продолжать, скажи, гадать?

Как различить, когда

Пора уйти, а когда лишь ждать?

Что хочет "завтра" от меня?

Важно ли то, что вижу я,

Раз игру не я веду?

Где же нам провести черту?

Где, скажи, провести черту?

(перевод Julie P и Максим Куваев)

Все хорошо. Теперь я бегаю. Как инвалид, но все быстрее.

Знаете, какое преимущество у офицера Израиля, будь он в ЦАХАЛ или еще где? Он может идти первым. Умереть первым если надо. Ни в одной армии мира в боевых потерях вы не увидите: «убит майор и рядовой; майор и сержант; подполковник и двое рядовых». Израильтяне загнаны в угол. Но не их гордость. Нет. Все продается – это нет.

Больше некому считать меня котенком. Потому я бегаю. Как бежала моя наставница. Как будет бежать тот, кто придет после меня. Мир не заметит потери. Кто бы сомневался, но только не я. А нам не надо чтобы нас помнили, правда, Сережа?

Надо делать дело. Никто не сделает его за нас. У Израиля нет друзей. Мы разменная пешка в сложных комбинациях между США, Китаем, Россией, Европой. Между религиозными фанатиками и безбожниками олигархами, между тиранами и "демократическими лидерами". Но решают ли они нашу судьбу? С нами Бог, важно ли всё остальное? Человечеству не дает покоя этот факт. Евреев убивали и красные и белые, и партизаны и нацисты. Простые крестьяне и образованные ученые. Но Ам Исраэль Хай! Все в наших руках.

Сегодня уронила махсанит. Руки крюки. Новички смотрели на меня сочувственно. А я разозлилась и потащила их в спортзал. Взяли шесты. Дерево плавно крутиться вокруг кистей. Они слушаются четко и ровно. Правда, Юль ты права. Странно, что не получалось раньше. Удар слева, другой справа. Опираюсь на их шесты и делаю сальто. Сейчас они могут ударить. Убить, если захотят.

Слабый удар в плечо. Осторожный, мать его. Подсекаю одного, разворачиваюсь и бью другого по лицу. Кровь. А еще я заставила их убирать зубы с пола. Вот. Мне не нужно сочувствие. Им не нужно милосердие. Я сделала это специально.

Через два дня в столовой курсант подходит ко мне. Ставит поднос рядом. Смотрю на него, жду.

– Извини меня,– Говорит он. – В сведущий раз я ударю в полную силу.

Невкусный салат.

Хочу, хочу, хочу, хочу, хочу. Чтобы все было хорошо. Чтобы котята прыгали. Чтобы у всех была еда и таких как я

– не было бы никогда.

...Мифологический проект, по которому половина Владивостока будет отдана в аренду Китаю, оказался даже уменьшением. Президент Дмитрий Медведев и глава компартии КНР Ху Цзиньтао одобрили в Нью-Йорке новую программу сотрудничества, по которой Россия предоставит Китаю доступ к ресурсной базе Дальнего Востока и Восточной Сибири, в обмен на высокотехнологичные производства на китайской территории. Экономисты признали: Россия становится сырьевым придатком Китая. Неравноправное сотрудничество обуславливается также резким падением российской экономики на фоне роста китайской...

Но мне уже всё равно... Теперь, твоя очередь.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: ЗЕМФИРА – КУВЫРОК

Дороги нет, грузовик отчаянно трясет. Если не держаться, можно здорово приложиться. Молодая женщина в военной форме без опознавательных знаков придерживает наушник одной рукой, второй вцепившись в автомат между коленей.

– В пяти километрах позади вас.

- Можете их остановить?
- Беспилотник в пути...
- Сколько нужно времени?
- Если задержите их минут на пятнадцать-двадцать.
- Выводите его на меня, я возьму на маяк.

Она проверяет оружие. Протягивает руку и вытаскивает у водителя из разгрузки еще пару обойм. Включает радиомаяк и пристраивает его на плече. Теперь у ракеты будет цель.

– Притормози, я схожу.

Колонна грузовиков огибает небольшой холм с хлипкими постройками. Она идет вдоль движущихся машин не спеша. Взбирается на холм и провожает их взглядом.

Для неё это последний день войны.

Когда останешься один перед лицом врага,
Поймешь, что ничего не остается,
Зажав в ладони рукоять ножа,
Ты прыгнешь прямо во врата,
Лишь солнце в стали улыбнется.
И если есть на свете красота,
Боль в сердце тихо отзовется.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: ВАНН ТЕЕ – ПАЛЬЦЫ

Кирьят-Малахи. Израиль.

Нигде во всем огромном мире невозможно ощутить то, с чем просыпаешься теплым летним утром субботы в Израиле. Нигде нет такой тишины, наполненной шумом проезжающих машин, пением птиц, голосами людей во дворе. Нет такой спокойной тишины.

Это тишина тех, кто остановился на бегу на краткий миг. Утро, когда замирает сумасшедшее течение нашей жизни. Краткий миг наедине с мирозданием. Время подумать кто ты, где ты и откуда.

"Отчет медицинского состояния. Беременность подтверждена..."

Габи вздохнул полной грудью и закрыл папку. Ладонь осталась лежать на картоне обложки. Он смотрел в окно и слушал тишину.

УШЕДШЕЕ – ФИЛОСОФСКАЯ ПРИТЧА

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: ДДТ И Ю.ШЕВЧУК – "НОВАЯ ЖИЗНЬ".

Вспышка неторопливо шла по аллеям центральной базы. Дул легкий свежий ветерок, солнце склонялось к закату. В этот час город всегда отличается особой суетливостью. Кориты готовятся к главному событию вечера – сражению за

контроль над шахтами. Тут и там бодрой рысцой пробегают солдаты и офицеры, стремящиеся уладить свои дела до того момента, когда громкоговорители рявкнут: "Сбор!".

Она же никуда не спешила. На её памяти всё это уже происходило множество раз. Её путь лежал через портал.

– Куда? – спросил беззвучный голос.

– Харам.

Вспышка.

Перед форпостом мирно паслось стадо кабанов. Несколько молодых коритов собрались подле них и формировали группу, явно с гастрономическими намерениями. В вышине проносились патрульные корабли.

Она легонько попрыгала на месте. Вроде бы ничего не звенело. Это значит, броня подогнана надежно. Можно выходить.

Группа поодаль, похоже, договорилась и все же решилась начать операцию. Раздался недовольный визг и мимо промчался начинающий маг, преследуемый кабаном. У животного явно имелись претензии по поводу обожженного хвостика. В уголках её губ проскользнула улыбка. Воспоминания нахлынули неудержимым потоком.

Великий маг чернокнижник стоит, опираясь на посох ужаса у входа в Харам. Сверкающая золотом броня отражает солнце. Маленькая кора-маг 25 уровня силы с восхищением смотрит издали.

Она подняла взгляд. Пыльная дорожка была пуста. Давно

уже нет здесь былых героев. Она мечтала закончить обучение и стать с ними плечом к плечу. Но, почему-то опоздала.

Девушка спустилась со склона. Пешая прогулка все дальше уводила в прошлое. Каждый холмик, дерево, камень пробуждали память. Вот здесь на нее подло напала банда магов Беллато.

Она тогда не успела даже испугаться, парализованная, не способная выговорить даже простое заклинание. Просто застыла, ожидая неизбежного. И тогда откуда-то из-за спины вылетел рой стрел и белок смело.

– Будь осторожна.– Сказала лучница, опуская лук ужаса.– И скрылась, так же быстро, как и появилась. Вспышка даже не успела поблагодарить.

Девушка присела и набрала в руку горсть сухой пыли. Мелкие частицы прошлого неумолимо утекали сквозь пальцы.

Она прошла лабиринтами туннелей и вышла в вечер. Под ногами вязкая почва. Впереди, за границами болот, туманные пики.

Здесь она встретила друга.

Молодой воин коритов поднял щит и уперся покрепче ногами и напрягся. Удар был сокрушительным, но он сдержал его. Сделал выпад мечом и нанес имперскому разрушителю несильный порез. Ещё один к множеству других, украшавших шкуру зверя.

Наконец, зверюга сдалась, и воин сосредоточенно принял-

ся снимать с нее шкуру.

– Так ты долго провозишься,– Раздался из-за спины мелодичный голос.

Он обернулся. Девушка-кора. В руках уверенно держит руничный посох.

– Давай вместе,– Улыбнулся он.

Много приключений и опасностей было прожито вместе. Они делили все пополам и радости, и горести, и имущество. Но и здесь время было неумолимо. Давно нет среди живых того воина, а скалы эти все также откликаются тягостной болью потерянной дружбы.

Долог путь до песчаных пляжей и моря, но она упорно преодолевает его, пока горизонт не разбежится в стороны, освобождая пространство, для вечного как небо океана.

Пляж пуст, только у самого края прилива стоит древняя богиня Варасса. Спокойно и невозмутимо считает падающие звезды. На коритку она не обращает никакого внимания. Девушка, впрочем, тоже таким соседством не озабочена. Они старые друзья.

Некоторое время они вместе смотрят на древний океан планеты Новус. Девушка первая нарушает молчание.

– Скажи. Ты видела так много. Это все бессмысленно? Дружба, война, покорение мира?

Богиня долго молчит. Можно подумать, что она не поняла вопроса. Но девушка терпеливо ждет. Она хорошо знает Варассу. Если поблизости никого нет – она ответит. Она про-

сто не умеет спешить.

Через некоторое время она поворачивает голову и бросает.

– Ты сейчас промочишь ботинки.

Коритка резво отпрыгивает, но особо шустрая волна всё же настигает её.

– Ну вот, – жалуется она, пытаясь отряхнуть обувь.

Варасса с интересом следит за ее прыжками. Охранники богини напрягаются и тревожно жужжат.

– А какой пользы ты ждала от жизни? – спрашивает она.

– Не знаю, – Отвечает Вспышка. Она сидит, пытаясь стянуть мокрые ботинки.

– Все исчезает. Люди приходят и уходят, те, с кем я начинала, древние герои и злодеи. Ничто и никто не вечно. Зачем тогда вообще жить, стремиться, чего-то добиваться?

– А зачем вы вообще живете?

– Ну, на этот вопрос не ответили ни первые глупцы, ни последние мудрецы. Живем, чтобы жить.

– Серьезно? – Спросила Варасса. – Тогда я задам тебе другой вопрос. Почему Дайсем допускает убийство детей?

– Так устроен мир. Но я не понимаю, куда ты ведёшь?

– Дайсем допускает смерть, поскольку она не играет совершенно никакой роли.

Смерть – это страх и боль. Но по большому счету – это мелочи. Душа рождается в новом теле, но будет уже чем-то иным. Ведь она несет опыт прежних жизней, даже если не помнит

О них.

– И в чем же тогда смысл? В бесконечных перерождениях? Когда невозможно забрать с собой ни друзей, ни врагов, ни деньги?

– Твоя душа – вот главный смысл, – Богиня выпрямилась и нависла над девушкой. – Каждая встреча, каждый друг и враг, каждое твоё решение должны приблизить твою душу к кульминации. И не важно, в этом ли мире, или в ином.

Вспышка надолго задумалась. Звезды над океаном по-прежнему неторопливо падали с небес.

– И кем же я, мы, – Поправились она. – Кем же мы все станем?

Варасса вздохнула и снова отвернулась к воде.

– Вас создали по образу и подобию.

Богиня помолчала и добавила уже менее торжественно.

– Ты не грусти. Ты даешь что-то людям, что-то берешь.

Вы, так или иначе, помогаете друг другу, и даже, если жизнь разводит вас, вы всё равно встретитесь. В следующей жизни, в других мирах, в новых телах. Это все течение жизни.

Вспышка задумчиво смотрела на нее. Потом осознала, что всё еще держит в руках мокрые сапожки и зашвырнула их далеко в воду.

– Я хотела успеть что-то и в этой жизни. – Капризно заявила она.

Варасса обреченно вздохнула.

– Я тебе, пожалуй, чуть-чуть помогу. Хотя Дайсем и будет

недоволен. Отправляйся на Элан, тебя там ждут.

Девушка вскочила на босые ноги и уже думала прыгать, но тут вспомнила.

– А там, в других мирах. Ты будешь там со мной?

– Конечно. Но ты меня не узнаешь! – солидно ответила богиня, надевая темные очки.

Вспышка улыбнулась, махнула прощально рукой и исчезла.

– Торопыжка, – Недовольно пробурчала Варасса.

Этер. Мерцающий кристалл монумента «Потерянным ямороям» излучает зеленоватый свет. Жарко.

Вспышка шлепает по мраморным плитам к парапету и смотрит вниз.

Там какое-то состязание. Лучшие воины федерации и империи сражаются за право единолично выпасти личного флема на этой лужайке. Реликтовые пусковые установки и посохи, мерцающие мечи и копья. И... Маг коры.

В сверкающей золотой броне с посохом ужаса. Тот самый из детского видения. ОН ВЕРНУЛСЯ! Он кажется даже немного старомодным среди новейшей красной брони. Что, впрочем, не мешает ему убивать. Нет, он тот же герой из прошлого. Он стремительно движется в самой гуще сражения и убивает. О_0, как он убивает.

Девушка, не отрываясь, следит за ним с балкона, а затем перепрыгивает бортик, вызывая на лету гекату.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: СПЛИН – ПОЙ МНЕ ЕЩЕ

...Она бежит. Бежит от смерти. Бежит от жизни.

Она не ненавидит их – они просто враги. Как бывают просто друзья. Когда сам себе устанавливаешь барьер, отделяешь себя от другого человека. Когда не даешь дружбе перерасти в любовь. Так и вражде нельзя дать перерасти в ненависть. Иначе всё что было – зря.

Она бежит. Правая нога поворачивается вовнутрь. Левое колено пригибается, упираясь в сухую землю. Щека прижимается к пластику. БАХ. БАХ. БАХ. Трое, вырвавшиеся вперед спотыкаются, внезапно теряя импульс жизни, и бесформенно зарываются в почву. Остальные кидаются в укрытия. Стрельба бессистемна, но довольно кучна. Там где она только что была, кора деревьев разлетается щепками и полосками мягкого дерева.

Их много, а она одна. И она движется, постоянно меняя направления, пригнувшись к земле. БАХ. БАХ. БАХ. БАХ. БАХ. БАХ. Один из них удивленно вскидывает руки, заваливаясь назад. Они плохие стрелки. Но не это сейчас мешает им убить её. Их много и подсознательно они надеются один

на другого. "Пусть он, а не я". И потому они уязвимы. А она одна, ей ничто не мешает. Живот еще маленький – она на втором месяце.

Её траектория выверена и просчитана. Она отступает, увлекая их за собой. И, почувствовав слабость добычи, они устремляются туда, куда она ведет их, не замечая тонкой проволоки натянутой между стволов. Взрыв разбрасывает дерево и плоть. В панике они приседают в замешательстве, что дает ей возможность обойти их с фланга.

БАХ-БАХ-БАХ-БАХ-БАХ-БАХ-БАХ-БАХ. Затвор замирает в заднем положении. Пальцы выпускают винтовку. Она перепрыгивает через тела и длинным прыжком ныряет в заросли, успевая выхватить пистолет и выстрелить два раза в живот какому-то бедолаге. Скользит по сухой траве и снова меняет направление, чтобы не умереть от очередей посланных вдогонку.

Плечо обжигает. Она дергается и, ухватившись за ствол дерева, забрасывает себя за него, укрываясь от врага. Отгалкивается от него ногой и снова бежит, оставляя на траве тяжелые капли крови и ручную гранату без кольца. Они идут за ней как стая волков за оленем. Это соревнование на выносливость. "ДУМ" и они снова отстают, считая потери.

Её дыхание становится тяжелым. Рукоять пистолета скользит в руке, мокрой от пота. Адреналин гонит кровь тяжелыми ударами в висках.

Где-то в тенях сознания – утреннее солнце. Поют птицы.

Она бежит по асфальтовой дорожке между цветущих кустов. Движения мягкие и пружинистые. Утренний ветерок... Мир так чист и спокоен...

Реальность врывается: "Вышел на цель... Открываю огонь...", хрипом наушника в правом ухе, шаги позади. Маяк на правом плече равномерно мигает посылая радиосигнал наводки на цель.

Она оборачивается и стреляет. БАХ, БАХ, БАХ. Глухой лязг затвора. Враг прямо перед ней, видит, что она безоружна и радостно скалит зубы. Вскидывает приклад и наносит удар в лицо. Она отклоняется вправо, разворачиваясь вокруг оси, пропускает импульс мимо себя и завершает движение, вонзив нож ему в затылок.

Напрягает ноги и в прыжке бьет другого в грудь коленом, ломая ему ребра. Блокируя перехватывает ногу третьего и бьет ему ребром левой руки в горло. Удар, еще удар. Её сбивают с ног. Враг нависает над ней, занося приклад. Позади него на фоне неба изгибается дымная черта. Совсем внезапно она превращается в воющий метеорит, заставляя его вскинуть голову. ШАРАХ! Все покрывает тьма.

Она с трудом продирает глаза. Зрение не сосредотачивается, картинка не фокусируется. Она моргает пытаясь понять, что произошло. Что-то тяжелое прижимает её к земле, не давая пошевелиться. Кровь. Много крови.

Она выбирается из под мертвого тела. Рука натывается на искореженное оружие. Она отбрасывает его. Поднимается на

колени и оглядывает поляну. Тишина. Покореженные деревья еще дымятся. Вокруг обугленных стволов догорает трава.

Спотыкаясь, поднимается и ковыляет на запад.

Жива. Мы живы! Жить! Вы слышали как быстро бьется сердце нерожденного ребенка?

Уже два года пистолет лежит в ящике. К оружию приходится прибегать только, чтобы пугнуть кабанов. Приходила медведица с медвежонком. На этих достаточно было крикнуть и они сами смылись от греха подальше. Жизнь размерена и тиха. Всё замечательно.

Иногда считаешь в интернете про то, что скучно, про то что не хочется жить и просто теряешься. Жизнь – это вспышка света и движения в затхлой пустоте. Это как если положил руки на клавиши пианино и... или играй или... играй! Выхода нет и нужно стараться изо всех твоих сил, создавая как можно более гармоничную и совершенную музыку, даже если пальцы заплетаются, а кое кто тренькает на третьей октаве. Жизнь – это чудо.

~ СЛУШАЮ НА ПЛЕЕРЕ: ГРЕБЕНЩИКОВ – ЕЩЕ ОДИН РАЗ